

**Бюрократы
и общество.**
Размышления
экономиста

**Рассказ
Вячеслава
Кондратьева**

**Поединок
с мафией.**
Фотоочерк

**Владимир
Лакшин.**
Булгаков —
легенда и быль

**«МОСКОВСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО»**

ВЗГЛЯД 75 НА СЛУША

Фото Владимира Чейшвили

Наталья ЧАПЛИНА

Есть забавное развлечение — игра в ассоциации. Водящий произносит слово, остальные отгадывают, по ассоциации с каким оно выбрано, восстанавливают пару. Горькая? Правда! Счастливая? Детство! Злой? Гений! Настроившись на волну партнера, отгадываешь почти безошибочно, ибо головы наши забиты стереотипами.

Стандартный набор штампов, добросовестно затверженный на пионерских сборах, уроках истории и занятиях кружка «Наш Ленинский комсомол», был и у меня к четырнадцати годам. Набор одинаковых, хоть и разноцветных, кубиков, из которых легко конструировать здание нашей истории. «Райком закрыт. Все ушли на фронт» — 20-е годы. «Даешь Магнитку!» — 30-е. И так далее — до героических 70-х с нефтяниками Тюмени, что умываются первой нефтью из фонтана: лозунги, десяток имен, дюжина расхожих фактов...

Таким малознающим, но самоуверенным подростком отец впервые привез меня в Москву. Там в небольшой квартире в Скорняжном переулке, я впервые поняла, что здание из гладких кубиков легко рушится, а в истории в дело идут и тяжелые глыбы, и битый кирпич, и щепки-обломки, чтобы сцепиться, слиться, устоять. В Скорняжном переулке пожилая женщина, сухонькая, легкая — моя двоюродная бабушка Мария Павловна Чаплина — разложила на кухонном столе фотографии, книги, старые письма и листки с записями — все, что уцелело после обысков и войн из истории семьи.

— Эх, если бы ты видела, какие они были красивые, Коля и Сережа! Вот, смотри, — Мария Павловна кивнула на лежащие рядом фотографии двух самых любимых своих, погибших рано братьев.

Это были портреты конца двадцатых, где они — молодые. Удачливые, много успевшие. Счастливые мужья. Отцы маленьких ребятшек. Николай Чаплин — генеральный секретарь ЦК комсомола — в обычном по тем временам френче. Крупный, мощнолобый, глыбистый. Младший (мой родной дед) — потоньше, полегче, но такой же крупный лоб, так же зачесаны назад густые темные волосы — чекист.

Я думаю, Чаплиным было радостно встречаться в ту пору. Жизнь — впереди, работы — море. Интересно, о чем они говорили? О будущем? А может, просто пели. Они любили петь. И вспоминали, наверное, отца, сельского священника, от которого достались им сочные голоса; мать — учительницу; захудалые приходы Смоленской епархии, по которым начальство гоняло отца за строптивый нрав, независимость, не совместимую с саном тягу к книгам.

Николаю не пришлось доучиться в смоленском реальном училище, куда в 1912-м десятилетним парнем он определил его отец. К 1918 году революция, борьба за Советскую власть, комсомольская жизнь так захлестнула, что до выпускных экзаменов не дотянул. Однако по тем бурным временам образование у него было неплохое. В семнадцать лет считался он в Смоленске хорошим лектором и агитатором.

На Потемкинской семейство поселилось после революции, когда Павел Павлович сбросил рясу и работал в политуправлении Западного фронта, а Вера Ивановна и Маша вступили в союз учителей-интернационалистов и перестраивали школу на новый, советский лад. Младшие братья — Сережа и Витя — учились в школе и с восторгом внимали пламенным речам Ни-

колая, точно так же, как сам он когда-то, примостившись в углу комнаты, слушал старшего брата, гимназиста Александра, нелегально организовавшего кружок, где изучали философские работы Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, издавали собственные газеты и журнал. С гордостью тогда пожимал Коля руки товарищам брата и убежал по их поручениям.

В 1916 году Александра, уже студента Московского университета, арестовали, сослали под надзор полиции. В Смоленск он вернулся только в 1918 году — с мандатом, подписанным наркомом просвещения. И встретил его уже не мальчишка, а вполне зрелый революционный боец.

Николай сначала взбудоражил свое училище, потом, когда реалистов объединили в единую с женской гимназией школу, создал там ячейку учащихся-коммунистов. После I съезда РКСМ он вступил в комсомол, чуть позже — в партию. И к 1920 году был уже председателем Смоленского уездно-городского комитета комсомола.

Братья работали в Смоленске рядом, а значит, наверняка спорили, потому что Николай никогда не соглашался с самым авторитетным мнением, пока не убеждался в его правильности. Самостоятельный, независимый ум — тоже признак интеллигентности. Он всей душой воспринял речь Владимира Ильича Ленина на III съезде РКСМ, куда приехал делегатом от Тюменской комсомольки. (В Тюмень его направил ЦК заведующим отделом просвещения, а чуть позже комсомольцы избрали его секретарем губкома.) Воспринял, поверил и всегда отстаивал ленинские идеи о том, что молодежь должна тянуться к знаниям, становиться вровень с величайшими достижениями культуры.

В середине 20-х годов, уже работая секретарем Цемамола, именно он, Николай, боролся за то, чтобы не просто профессию, но и широкие знания, культуру выносили деревенские и городские ребята из школ крестьянской молодежи, из ФЗУ. В этом его поддерживали Крупская и Луначарский.

Что было в комсомоле? После гражданской войны Союз рос, несмотря на то, что немало молодых бойцов погибло на фронтах. И вдруг начался массовый выход из комсомола. Для многих ребят главным стало найти работу, получить профессию, хоть как-то устроить свою жизнь, и казалось, что политический союз молодежи уже не нужен. К тому же в самом комсомоле, как и в партии, начались распри. Дискуссии раздарили Союз от заводских ячейек до Бюро ЦК. Комсомолу необходимо было начать работать по-иному, в соответствии с условиями мирного времени, все больше учитывая житейские проблемы ребят.

Вчитываясь в документы той эпохи, вдруг замечаешь их созвучие дню нынешнему. Та же крайняя необходимость в переменах, в отказе от устаревшего подхода к работе с молодежью. Вот строки из выступлений Николая Чаплина шестидесятилетней давности. «В комсомоле 70 национальностей... Традиции, обычаи — все необходимо учитывать... Нам нужна общая коммунистическая культура при всяком поощрении национальной культуры». Разве несвоевременно звучит? Или вот это: «Гвоздь политического воспитания масс состоит в том, чтоб каждый комсомолец говорил на своем собрании то, что он думает, чтобы спорил против того, против чего он возражает...»

На партийных и комсомольских съездах, в каждойдневной работе Николай Чаплин отстаивал несколько самых существенных для юношеского движения идей: комсомол — организация, борющаяся за права молодежи, заботящаяся о ней; организация политическая, «школа воинствующего большевизма». Это сочетание «воинствующий больше-

визм» звучит теперь, наверное, несколько архаично, но ничего леваческого в таком лозунге не было. Воинствующий большевизм Николай понимал как осмысленный труд, стремление к новому, борьбу за это новое и постоянное сотворение себя, жизни, справедливого общества.

Удивительно, что на майском (1988 г.) пленуме ЦК ВЛКСМ, который обсуждал работу комсомола в школах, вузах, ПТУ, очень часто вспоминали именно VIII съезд комсомола — вершину комсомольской биографии Чаплина. Оказалось, что проблемы, определенные им и его товарищами в далеком 28-м году, и по сей день современны и, увы, пока не решены.

Друг Николая Александр Мильчаков рассказывал, как в 1925 году в разгар дискуссии с зиновьевцами Чаплин приехал в Тулу и отправился на самоварную фабрику, где, как считали райкомовцы, в ячейке «орудовали троцки-

ред, без багажа и колебаний. Работать.

Ему двадцать шесть. На VIII съезде он простился с комсомолом. До начала занятий на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) — целое лето, а Николаю давно хотелось побывать в других странах. И тогда вместе с друзьями, такими же «ветеранами», он определился на торговое судно и помощником кочегара отбыл в Европу. В огромном гамбургском порту так же, как сейчас, темнели стены портовых зданий, мелкие суденышки сновали по акватории, шумел на набережной рыбный рынок, сходились за разговором докеры и моряки. В таких же пивных на узеньких улицах Николай спорил, шутил, разговаривал со сверстниками из Германии. И втайне, наверное, радовался, что выучил по постановлению бюро ЦК РКСМ немецкий язык...

Николаю — двадцать девять лет. Он председатель Всекопита — руководит общественным питанием страны, рабо-

«Я ГОРЫ ГОТ

сты» — ребята бузили, даже выгнали с собрания кого-то из местных комсомольских лидеров. Николай спокойно поговорил с ними, не увиливал от вопросов про безработицу, про жену директора завода, которая в пролетке казенной на рынок ездит, про мастеров, что тормозят перевод рабочих из разряда в разряд.

— Никакие они не троцкисты, — сказал на прощание в райкоме. — Ребята как ребята. Подход нужен деловой, конкретный, и еще терпение. Работать с ними надо...

Вот я сейчас смотрю ленинградскую молодежную телепрограмму «Открытая дверь». На экране — художники в немислимых одеждах показывают свои работы где-то в подвале; музыканты, фигурно стриженные, рвут струны; студенты требуют справедливых выборов ректора; школьники бросаются на защиту разрушаемого старинного дома. И ничего, не вздрагиваю. Привыкли уже, поняли, что гораздо эффективнее сотрудничать с «неформалами», чем обличать их с комсомольскими трибунами. Так хочется повторить за Николаем: «Никакие они не чуждые идеологические элементы. Ребята как ребята. Подход нужен деловой».

Есть счастливые люди, которым не грозит двоемыслие, поскольку то, во что они верят, совпадает с их словами и поступками. По-моему, Николай Чаплин был из таких. У него работа, любовь, дружба, дело, вера переплетались неразделимо. В его устах невозможно было услышать чиновничье: «Это твои проблемы». Все вопросы, все проблемы были его кровными.

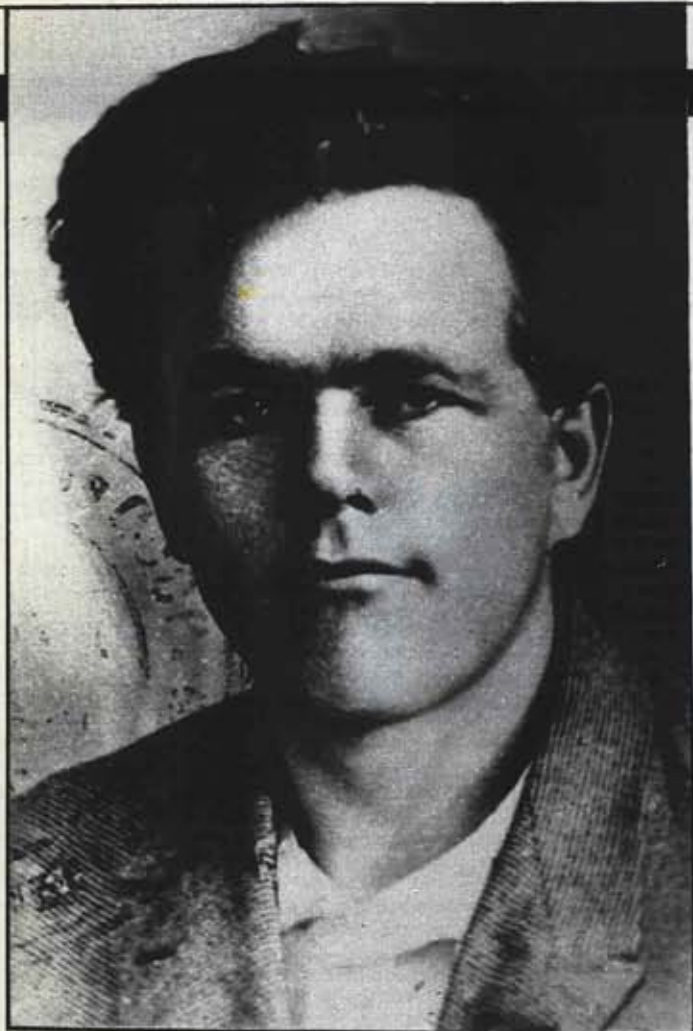
...Николаю восемнадцать лет. На случайно уцелевшей страничке из дневника быстрая запись о свидании с бывшей одноклассницей и будущей женой: «Я взволнован и обрадован, но как всегда сдержан. Вероятно, она обиделась, но что поделаешь, такова моя натура. Я все время думаю о ней, и тут — противоречие. Нужно работать, а личные переживания мешают. Настроение же мое жизнеутраченное. Я горы готов свернуть!»

Ему девятнадцать. Сестра провожает его на новую работу из Смоленска в Тюмень. Сборы недолги. Взял в руки старый брезентовый портфель — и вле-

чили, студенческими, школьными столовыми, фабриками-кухнями. Кто-то из коллег шутил назвал его «главным поваром страны». Он отмахнулся, мол, какой я повар — щей сварить не могу. А потом выбрал себе в Москве рабочую столовую и ходил туда постоянно, осваивал технологию, учился лепить биточки, кашу варить, щи. И на совещания к себе не только руководителей приглашал, но и студентов, школьников, чтоб из первых рук узнать, как же их кормят. По стране мотался, вникал, помогал, старался стать, как писал в письме домой, «толковым кооператором».

Ленинградец, председатель Совета ветеранов комсомола Александр Гарлович Тамми, который в тридцатых годах жил вместе с Чаплиным в огромном доме на Каменноостровском проспекте, помнит, как любовно относился к Николаю Сергей Миронович Киров.

— Киров сказал нам: «В Ленинград скоро приедет отличный работник. Николай Чаплин. Будет работать начальником политотдела Мурманской дороги». А мы Чаплина, конечно, знали. В Ленинграде в то время секретарями райкомов партии друзья Чаплина работали — Сергей Соболев, Петр Смородин. Мы помладше были, тянулись к ним. На собраниях, активах станем рядышком, слушаем. Петя Смородин такой забияка был, все Чаплина вышучивал, про какой-то старый диван в Москве вспоминал, на котором они против оппозиции воевали. А Коля отбивался, посмеивался. Крепкие они были мужики. Никаких там плясок под гармошку, звонких призывов. Когда Чаплин на трибуну поднимался, брался за нее

Николай
Чаплин.
20-е годы.

Николай Чаплин стал лидером молодежи в трудное для комсомола время. Шесть лет — с перерывом на работу первым секретарем Закавказского краевого комитета комсомола — он провел, точнее, прожил в ЦК. Заведующий отделом. С 1924 года — первый секретарь, с 1926 года по 1928-й — генеральный секретарь. Те годы оказались определяющими для судьбы страны. Переход от гражданской войны к мирной жизни, изп, начало кооперации деревни, первые попытки понемногу изп свернуть. В партии — бесконечные дискуссии, в которых спор о путях развития социализма густо замешивался на личных амбициях лидеров, борьба за власть.

ОБ СВЕРНУТЬ!»

обеими руками, вот так, чуть покачиваясь, начинал говорить, мы все замолкали. Верили ему. Слова кидал неторопливо, убедительно, чувствовалось, что продумано каждое. Мы ведь знали, что Чаплину трудно приходилось. Сын священника, хоть и бывшего, слухи там разные... Тогда тем, кто из рабочих, крестьян, как мы, дорога шире была. А уж к VIII съезду комсомола он, по-моему, и вообще не ко двору в Москве стал.

Вместе с Александром Карловичем мы пытались разобраться: почему молодой — всего двадцать шесть лет, очень опытный (шесть лет работы в ЦК) — Николай Чаплин покидает комсомольскую работу именно в 1928 году? Что стояло за решением партии и Сталина (а без него уже такие вопросы не решались) — забота о естественной смене кадров или?.. И вот какая цепочка у нас сложилась.

1925 год. Обострилась борьба «новой оппозиции» и ЦК (Зиновьева и Сталина) за дальнейший курс партии и страны (за личную власть). Чаплин с шестью членами Бюро ЦК комсомола оказался в меньшинстве, решительно встал на

сторону ЦК партии. Между прочим, тот же Тамми в Ленинграде поддерживал их, хотя большинство комсомольцев города стояли за Зиновьева.

— Для меня, — вспоминает Александр Карлович, — было важно, что зиновьевцы подрывают авторитет ЦК комсомола, который мы сами на съезде выбирали. А во-вторых, я, как и Николай Чаплин, не одобрял зиновьевскую идею о делегатских собраниях средней молодежи в деревне. Они вели дело к новому союзу молодежи. А нам это не нужно было.

Александр Карлович вздыхает. Как ни крути, а объективно помогли они в то время Сталину, хоть и представить не могли, чем все это обернется...

Выступая на XIV съезде ВКП(б), обвиняя Зиновьева в том, что тот втянул комсомол во внутрипартийную дискуссию и вызвал тем самым жесточайший кризис в союзе, Чаплин высказал мысль, которая спустя несколько лет, когда комсомольцы под гром оваций называли свой союз на съездах не ленинским, а сталинским, прозвучала бы архикрамольно: «Мы стояли и стоим на той точке зрения, что комсомольское

движение должно развиваться под руководством всей партии, под руководством ее ЦК, а не являться монополией отдельных вождей, которые пытаются использовать комсомол в интересах своей внутренней борьбы в ЦК». Это заявление мог отнести на свой счет не только Зиновьев.

К VIII съезду Сталин поставил перед комсомолом несколько задач. Две первые — поднимать боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов и организовывать массовую критику снизу — как-то оттеснили третью — молодежь должна овладеть наукой. До науки ли, когда предлагалась увлекательная задача: «За старые заслуги следует им (некоторым старшим товарищам. — Н.Ч.) поклониться в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им по хребту». А для этого разве нужна деятельная, думающая организация и самостоятельный руководитель? Гораздо надежнее — личная преданность.

Гораздо лучше подраспалить страсти, закипевшие на съезде между ленинградцами и москвичами, и бухнуть на всю страну: «Чем объяснить, что «косаревцев» и «соболевцев» в комсомоле сколько угодно, а марксистов приходится искать со свечой в руках?» Зачем Сталину понадобилось раздувать эту аппаратно-бюрократическую истерию, когда ясно было, что не идейные разногласия ее питали? Тем не менее и Соболев, и Косарев, и их сторонники были марксистами. Так каких же других

доверие оправдать. Что же случилось с Чаплиным? Чаплин, зная о настроениях Ломинадзе, не принял должных мер, не сообщил о них партии, не боролся с ними. Больше того, он способствовал работе право-левого «блока».

В чем же была враждебность платформ этого блока? Прочитав в стенограмме съезда высказывания «правых-леваков», которые ставились им в вину, я еще сильнее стала уважать Николая Павловича. Значит, и в 1929 году понимали люди, куда тащит страну Сталин. Вот только одно утверждение «оппозиционеров»: «Царит барско-феодалное отношение к нуждам и интересам рабочего класса и крестьянства». Это была правда, такая же, как и то, что уже пошли в ход дутье, преувеличенные цифры из желания потрафить начальству, жестоко забюрократизировался аппарат.

Во всяком случае, поддерживал Николай трезвомыслящих людей и доносить на них не стал. В 1930 году за разногласие в мыслях еще не расстреливали, и поэтому задвинули его по-прежнему от партийной работы — в Центросоюз, а Ломинадзе — секретарем горкома в Магнитогорск...

Трижды видели родные, как плакал «железный брат» Николай. В день смерти Ленина. После убийства Кирова. И в июне 1937 года, когда приехал на дачу к сестре в Переделькино измученный матерщиной, оскорблениями, которыми осыпал его в своем кабинете нарком путей сообщения Каганович. Тема тех ежедневных выволочек была определена заранее, ведь еще 3 июня в газете «Гудок» появилась разгромно-разухабистая статья «О вредительстве на Юго-Восточной дороге и оппортунистическом благодушии начальника дороги». Николай Павлович и был тем оппортунистом — начальником.

Говорят, что в июне Сталин сказал ему: «Пора тебе, Чаплин, выходить на большую дорогу». Ночью 29 июня его арестовали.

Последний раз Мария Павловна видела Николая вечером двадцать девятого, а на следующий день — Сергея. Ему позвонили в Ленинград. Он примчался, проговорил с родными несколько часов. В том, что Николай ни в чем не виноват, не сомневался. Прощаясь на перроне Ленинградского вокзала, Мария Павловна спросила Сергея: «Где теперь свидимся?» — «На Соловках», — мрачно ответил он. Но ошибся. В тюрьме Соловецкого монастыря оказался самый младший из братьев — Виктор. А Сергей — в лагере под Магаданом. Там и погиб. Возмутился нечеловеческим обращением с заключенными и был расстрелян.

Когда он сидел в ленинградских «Крестах», моей бабушке удалось вымолить свидание с мужем. Сергей шепнул ей, что на очной ставке свели его с Николаем, которого тоже доставили в Ленинград, в «Кресты», чтобы здесь «склепать» дело — заговор братьев с целью убийства Кагановича. Николай был измучен, истерзан и сказал младшему брату: «Правды, Сережа, здесь не ищи...»

— В одной из тюрем на стене камеры я увидел подпись: «Чаплин», — рассказывал Александр Карлович Тамми. — Ух, и обрадовался я, думаю, жив, значит, Коля! А уж потом мне сказали, нет, не жив, погиб. Это кто-то из братьев его метку нацарапал...

Их жизнь оказалась очень короткой. А как много они могли сделать! И Николай, и Сергей. И оставшиеся в живых братья их — Виктор, отсидевший почти восемнадцать лет, Александр, выгнанный из Наркомпроса и перебивавшийся то дворником, то сторожем... Что же остается нам, внукам, от их судьбы, от их жизни? Чистота, вера, упрямство. Горькая плата за компромиссы. И память.

Юрий СОЛНЫШКОВ,
профессор

КОГДА НЕПОДАСУЖДЕН БЮРОКРАТ,

ИЛИ ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ОТРАЖАЕТ ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА

В течение многих лет нас уверяли, что грандиозные проекты осуществляются для блага советского человека. Именно для нас строятся заводы-гиганты, возводятся плотины на реках, создаются огромные водохранилища, роются каналы... Это для того, чтобы больше было в стране новоселий, а в домах — больше света, чтобы всем хватало дешевой и удобной мебели, чаще радовали глаз обновки, а к столу всегда были мясо и рыба, овощи и фрукты...

Словом, сторонники проектов рисовали нам довольно-таки радужную картину. Правда, иногда возникали дискуссии, высказывались сомнения... Однако мажорный настрой, созданный заинтересованным ведомством, побеждал. Проходили годы, и выяснялось, что у того или иного проекта, реализованного в бетоне и металле, минусов значительно больше, чем плюсов. И зачастую, к сожалению, надежды и прогнозы не оправдывались. Да, кто-то бил тревогу... Но все ли голоса мы слышали?

Теперь такие проекты не только не рождают оптимизма, а, напротив, вызывают серьезную тревогу. Все чаще мы задаемся вопросом: не пора ли перестать хозяйствовать безоглядно, жить одним днем? И возникает неодолимое желание понять главную причину наших бед и просчетов. В самом деле, почему идеи, вышедшие из министерских кабинетов и воплощенные потом в конкретные проекты и постановления, дают подчас совсем не тот результат? Почему принимаются не продуманные до конца решения? Как могло получиться, что руководители, которым общество доверило управлять экономикой, допустили одну ошибку за другой?

Если начнем перечислять фамилии, то их окажется очень много. Да и всегда ли все дело в конкретной персоне? Принятие ошибочных хозяйственных решений — явление, которое во многом объяснимо.

Как звучит основной экономический закон социализма? Напомним: **обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста общественного производства.** Это из учебника политической экономии, изданного в прошлом году.

Если такой экономический закон действует, то чем нам, гражданам, беспокоиться? Под влиянием этого закона руководители всех уровней просто не могут не заботиться о наиболее полном удовлетворении наших с вами потребностей. Не будем лукавить, каково по-

ложение на самом деле — знает каждый.

Кто-нибудь может подумать: какое мне дело до экономических законов? Пусть голова болит у политэкономов.

Хочу возразить: законы вырабатываются не для учебников. Из них выводят принципы, которые затем облачают в конкретные формы, методы и нормы управления экономикой. Хотим или нет, а по этим законам мы живем и трудимся. Экономические законы и законы управления — теоретический фундамент хозяйственного механизма. И от того, насколько познаны эти объективные законы, действующие помимо нашей с вами воли и сознания, **зависит качество нового хозяйственного механизма.**

Полагаю, понятна роль основного экономического закона. Однако отражает ли он сегодня те объективные связи, под влиянием которых развивается наша экономика? Отнюдь. На мой взгляд, его формулировка несостоятельна, неверна... А коль ошибочен закон, то ошибочны и вытекающие из него принципы. Существующий закон не появился вдруг, он выношен еще в начале 50-х, его главная идея изложена в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Сталинские определения экономических законов в ходу и по сей день, они зримо или незримо влияют на нашу жизнь.

Почему же сталинское определение основного закона, которое не отражает действительного положения вещей, так живуче?

Причин тому много. И, наверное, одна из них — удобство формулировки для бюрократии. Слова, обеленные в одежде объективного экономического закона, укрепляют веру в правильность решений руководителей. Дескать, все, что предписывают делать «верхи», — это к нашей общей выгоде. Ты — «винтик», маленький человек. А посему тебе не следует искать в решении руководителя здравый смысл, требовать доказательств преимущества выбранного им варианта действий... Нужно просто выполнять распоряжения, выполняя не рассуждая.

Задумайтесь, какую свободу бюрократу дает наша вера в существование такого закона. Раз закон действует, то обществу не следует контролировать решения, которые принимают в министерствах и ведомствах, в других государственных органах управления.

Что такое экономический закон? Это отражение объективно существующих причинно-следственных связей между экономическими явлениями. Например, Гегель под законом понимал «такую

связь двух явлений, когда при наличии одного явления всякий раз происходит и другое». А если в ранг объективного закона возведены требования к экономике? Кто-то может возразить: а что, собственно, в этом плохого? Если в основном экономическом законе отражены правильные требования о наиболее полном удовлетворении наших потребностей, то кому это помешает?

Помешает. Такой «закон» неправильно нас ориентирует, притупляет нашу социальную бдительность. Дескать, сосредотачивайте свое внимание и усилия только на выполнении тех задач, которые вам непосредственно поручены. А в том, что задачи поставлены верно, не сомневайтесь. Но, к сожалению, это не всегда так. Вы убеждены, что каждый руководитель прежде всего думает об интересах общества? А бюрократ? У него своя система ценностей. **Он думает не о том, какой из возможных вариантов предпочтительнее, а зачастую о том, как угодить начальству или забыть себя от дополнительных хлопот. Ведь его, бюрократа, благополучие пока что зависит от начальства, а не от нас с вами.** Сплошь и рядом главное стремление чиновника — соблюсти ведомственные интересы, которые часто тесно связываются с личной выгодой.

Кто участвует в соревнованиях по спортивному ориентированию, знает, что самое главное — правильный выбор направления движения. Если ошибся, то ноги уведут тебя дальше от того места, где следует быть. Поэтому, если мы хотим жить лучше, нужно активно включаться в управление государством. Коллективно обсуждать все «за» и «против» возможных решений. Наверное, только коллективный разум поможет избежать грубых ошибок. Но главное — не спешить с выводами. Верно говорят финны: **«Не надо бежать быстрее, чем соображает голова».**

Бюрократизм называют одной из самых опасных социальных болезней, которая подавляется только при наличии достаточного социального иммунитета. То есть когда трудовой коллектив, жители региона, общество в целом имеют возможность эффективно воздействовать на руководителей.

У нас давно говорят и пишут о необходимости борьбы с ведомственностью. Однако она живет и здравствует. Одолеть многоголовое чудовище ведомственности можно только всем миром, то есть всенародно. Почему же мы — будь то трудовой коллектив, жители района или города, наконец, общество — неспособны к такой борьбе?

Обществоведы нас долго и методично убаюкивали и разоружали: дескать,

не беспокойтесь, система управления работает как надо. Одним из инструментов такого воздействия на общество было определенное направление в политической экономии социализма. Его главная задача заключалась в прославлении положений, выдвинутых Сталиным. Однако и сегодня радикальных перемен в этой науке мы не видим. И не случайно.

На июньском Пленуме (1987 г.) ЦК КПСС были приняты основные направления радикальной реформы управления экономикой. Ее цель — ориентировать производство на конечные, социально значимые результаты, на более полное удовлетворение потребностей людей. **Но если нынешнее определение основного экономического закона сохранится, то, на мой взгляд, оно будет мешать достижению цели реформы, и мы не получим того эффекта, на который рассчитываем.**

Кто-то спросит: а что автор этих строк предлагает? Попробуем немного порассуждать.

Главное, от чего зависит, какие из наших потребностей будут удовлетворяться в большей, а какие — в меньшей степени, — это цели экономического и социального развития страны, которые принимаются на каждые очередные пятнадцать лет и ближайшую пятилетку. Следовательно, если центральные экономические органы выдвигают эти цели, то они и предопределяют в значительной степени уровни удовлетворения наших потребностей.

Что нужно сделать для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества? **Во-первых**, на мой взгляд, надо провести огромную целенаправленную работу по определению потребностей общества в целом и отдельных слоев и групп населения в ближайшем и отдаленном будущем. Иными словами, нужно установить, что требуется каждому из нас и всему обществу.

Во-вторых, следует выяснить, что хотят иметь люди непременно завтра и что согласны отложить на послезавтра. Это очень сложная работа. И созданный Всесоюзный центр по изучению общественного мнения тут может помочь.

Наконец, **в-третьих**, требуется рассмотреть возможные пути развития общественного производства и выбрать наилучший.

Все это — предмет научных исследований, в том числе и социологических. Однако при всем уважении к науке нельзя забывать, что она не всемогуща, и не всегда объективна, ибо попадает под влияние ученых, которые не всегда

бескорыстны. Видимо, только в результате научных исследований могут быть обоснованы разные варианты целей развития. А вот какой из этих вариантов лучше, предпочтительнее, можем сказать только все мы вместе.

В условиях подлинного народовластия, отвечающего сути марксистско-ленинского учения о социализме, само общество должно взвешивать все «за» и «против» каждого варианта целей развития экономики и решать, какой из них предпочесть. Возникает объективная связь между предпочтениями общества, которые отражают общественное мнение, и направлениями развития производства.

Наверное, эта очень существенная связь и должна быть отражена в основном экономическом законе социализма. А суть его, по-моему, можно было бы выразить примерно так: **развитие социалистического производства для удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей регулируется предпочтениями общества.** То есть от общественного мнения зависит, какой вариант развития экономики предпочесть. Вот тогда в центр экономической политики будет поставлен человек с его интересами и побуждениями.

Жизнь уже дала немало примеров того, как общественное мнение повлияло на принятие важных решений. Самый яркий — прекращение работ по переброске части стока северных и сибирских рек. Недавно в печати было сообщение об отмене решения о строительстве АЭС на Кубани. Правда, на сооружение разных объектов более десяти миллионов рублей истратить все же успели.

Как же нам действовать в дальнейшем? Ответ один — в полной мере использовать те права, которые нам предоставлены. Иными словами, осуществлять **народовластие** на деле.

Сегодня медь оркестров уже не радует слух «покорителей природы». Внимание общественности привлечено к судьбам Аральского моря и Ладоги, Кара-Богаз-Гола, Севана... А сколько рек и речек постепенно превращаются в сточные канавы или пересыхают? Сколько тысяч фабрик и заводов отравляют воздух городов и поселков? **И если какой-то хозяйственный руководитель за честоколом плановых цифр не хочет ничего видеть, то почему молчим мы? Почему позволяем?**

Сейчас в ФРГ ведутся дебаты: развивать ли атомную энергетику или не развивать, как делают в США, Швеции?... У нас, похоже, на сей счет дискуссий не ожидается — вопрос, который затрагивает интересы поколений, решен однозначно: развивать, строить, наращивать. Опять-таки, читатель, для нашего же блага. Но если мы чего-то не понимаем, никак не в силах осмыслить это благо, то Госатомэнергонадзор, Минатомэнерго, проектировщики, ученые должны бы дать нам толковые и убедительные объяснения: для чего, скажем, в сейсмической зоне, заповедном Крыму, на берегу Азова понадобилось сооружать АЭС, а не развивать нетрадиционные источники энергии?

Когда нефтяники, химики и представители других отраслей народного хозяйства спешат на юг провести свой отпуск, то это их личное дело. Но когда принимается решение добавить к существующим химическим предприятиям еще одно, резко увеличить промышленные мощности, то это уже позволите, далеко не личное дело химиков или госплановцев. Или это своего рода повод, чтобы лишний раз за казенный счет понежиться под лучами крымского солнца? Собственно говоря, подобные вопросы мы должны прежде всего адресовать себе, а не владельцам авторитетных должностей, ибо всевозможные нарушения, злоупотребления допускаются с нашего молчаливого согласия, из-за нашей социально-политической пассивности, обывательского равнодушия.

На уровень нашей жизни влияет правильное понимание не только основно-

го, но и других экономических законов социализма. Все мы — не только работники общественного производства, но и потребители. У нас должны быть возможности выражать свои предпочтения и пожелания. А органы управления, в первую очередь местные, должны руководствоваться ими. И речь, по-видимому, следует вести не только о количестве и качестве продуктов питания, о жилье, о защите окружающей среды...

В последнее время много говорят и пишут о ценообразовании. Наверное, в том, что в основе цен на многие непродовольственные товары лежит затратный принцип, есть вина и тех, кто поясняет: общественно необходимые затраты — это затраты на производство товара при средних условиях. Ну, а если этот товар выпускает одно предприятие? Тогда получается, что достаточно определить затраты производства, добавить определенный процент прибыли. Вот тебе и цена. А зачет ли потребитель столько заплатит за этот товар?

Стоит напомнить, что **Маркс и Ленин под стоимостью понимали не затраты труда на изготовление того или иного товара, а определенные экономические отношения между людьми.** Однако сегодня понятие «стоимость» у каждого ассоциируется с затратами. Когда мы спрашиваем: «Сколько это стоит?», то имеем в виду только интересы одной стороны — продавца товара. Тогда как закон отображает отношение двух лиц — продавца и покупателя.

Раздаются предложения восстановить прежнее наименование основного закона товарного хозяйства и **называть его не законом стоимости, а законом ценности.** Поскольку именно так в работах русских ученых XIX века, посвященных экономической теории Маркса, переводилось использованное им слово «wert»: ценность, цена, стоимость. Какое из них больше соответствует сущности закона?

Ценность товара определяется не только его свойствами, а в первую очередь способностью удовлетворять наши потребности. Поэтому товары, которые не в полной мере соответствуют потребностям, имеют низкую ценность. Хотя на их производство может быть затрачено много труда.

Наверное, в предложении иначе называть закон стоимости рациональное зерно есть. Но главное, конечно, не в этом. Важно правильно понимать, что такое общественно необходимые затраты. Знать, что они формируются в результате взаимодействия спроса и предложения с учетом всей совокупности имеющихся на рынке товаров.

Затратный принцип ценообразования не дает стимулов к сокращению расхода ресурсов, к ликвидации, например, встречных перевозок. Мало кого сегодня удивляет, если украинские предприятия заказывают металлопродукт на Урале, а тамошние — на Украине. И везут навстречу друг другу не какой-нибудь десяток, а миллионы тонн продукции за тысячи километров. Так колеса железнодорожных платформ и вагонов «наматывают» наши трудовые рубли.

В предвоенные годы председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский распорядился выдать одному из сотрудников премию в размере двухмесячного оклада и путевку в санаторий за то, что тот обнаружил нерациональные перевозки. Можно на такое рассчитывать сегодня? Вряд ли. Хозяйственные руководители не заинтересованы в снижении цен на промышленные и другие товары. Соревнования предприятий за рынок, за потребителя путем существенного повышения качества продукции или снижения цен на нее, мы пока не видим. Похоже, что нас ориентируют на постоянный рост цен и на соответствующее увеличение зарплат, пенсий и стипендий. Кто выиграет от снижения покупательной способности рубля? Во времена нап, когда была острая конкуренция между частником и государством, вопрос, как сделать товар лучше

и дешевле, стоял на первом плане. Создается впечатление, что многим хозяйственным руководителям некогда задуматься, во имя чего они работают, а главное — для кого?

Кто не слышал о законе распределения по труду? Считается, что у нас материальные блага распределяются в соответствии с количеством и качеством труда работников. А каково положение в действительности? Если можно почти ничего не делать и получать за это деньги или, наоборот, «включать» изо всех сил, а в получку иметь то же, что полагается нерадивому или бракоделу, то поневоле приходишь к выводу, что такого объективного закона нет. Провозглашен основной принцип социализма: «от каждого — по способности, каждому — по труду» (**наверное, было бы точнее — «по результатам труда»**). Но автоматически этот принцип, как и любой другой, не действует. Чтобы платить каждому в зависимости не только от количества, но и от качества труда, нужно многое сделать в области нормирования и контроля.

Нам нельзя забывать слова В. И. Ленина о необходимости «строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления». Согласитесь, многолетняя практика подтверждает актуальность этого положения.

Верно говорят, что лучший контроль — совесть человека. Но создание такого контроля — процесс длительный. А пока больше надежды на контроль со стороны трудового коллектива. Его главная цель — ликвидация «уровниловки». Полная оплата труда хорошего работника — ключевой вопрос повышения эффективности производства.

Проблема контроля за соответствием между доходами и фактическим потреблением сложнее. Ну, а цель простая — поставить спекулянта, вора, взяточника и всех остальных, кто прибрел средства нечестным путем, в такие условия, чтобы они не смогли ими воспользоваться. Пусть живут так, как подпольный миллионер Кореико из «Золотого теленка». Может быть, тогда охота спекулировать, брать взятки и воровать пропадет?

Нужен гласный контроль и за общественными фондами потребления. Ведь это часть прибавочного продукта, предназначенного для удовлетворения потребностей всех членов общества. Из этих фондов выделяются средства на детские сады, школы и больницы. Казалось бы, у нас одинаковые права получать образование, медицинскую помощь. Однако в действительности положение иное. В разных регионах страны, в различных отраслях народного хозяйства трудящиеся при прочих равных условиях имеют разную долю из общественных фондов. Подчас эти различия можно наблюдать на двух соседних предприятиях или в учреждениях, а то и в одном учреждении, но — по отношению к разным лицам.

При распределении общественных фондов потребления проявляется откровенный субъективизм, что породило такое чудное явление, как элитарность. «Элита» многое получает или приобретает по знакомству, нередко на взаимовыгодной основе, или по звонку «сверху». В печати обнародованы факты социальной несправедливости в области школьного образования и здравоохранения, говорилось, например, о спецшколах, куда дети попадают не по способностям, а с учетом принадлежности их родителей к определенной «кругу». Много писали о недостатках в работе медицинских учреждений. Министр здравоохранения страны Е. И. Чазов рассказывал о том, что в Тьнде — столице БАМа — больница размещена в бараке без воды и канализации. А в Чите, в областной психиатрической больнице, у 150 человек нет коек, только матрацы...

Прибавочный продукт в социалисти-

ческом обществе создается собственниками средств производства и им принадлежит. Следовательно, они должны осуществлять контроль за его распределением. Так что надо беспокоиться не только о заработной плате и премиях. Жизнь показала, что существующая система контроля за использованием общественных фондов потребления не эффективна, замкнута на ведомственных и местных интересах. Она во многом зависима от тех организаций и должностных лиц, которых призвана контролировать. Где уж тут бороться с бюрократами, если в их руках рычаги распределения этих фондов!

Недавно встретил знакомого. Спрашиваю: «Как перестраиваешься?» Отвечает: «Не к тому обратился». И сыпал меня вопросами: «Почему замминистра, который умышленно дезориентирует общественность, не снимают с должности? По какой причине бургомистр западногерманского города Мангейма ищет для своей дочери работу как все — с помощью компьютера? Где теперь такие руководители, как первый нарком продовольствия А. Д. Цюрупа, с которым случались голодные обмороки?» Что надо было ему ответить?..

В кибернетике есть такое фундаментальное понятие, как обратная связь. Она представляет собой обратное воздействие результатов процесса, которыми управляют, на управляющий орган. Эффективно управлять не удается, когда нет хорошо налаженной обратной связи. Если, например, администрация предприятия не ощущает на себе, в том числе на собственных доходах, последствий своих решений, то вряд ли такое предприятие будет хорошо работать.

Вот если бы зашел разговор о таком законе: **эффективность управления экономикой и ее звеньями зависит от наличия в системе управления обратных связей, отражающих интересы общества, то за то, чтобы о нем все знали, стоило бы проголосовать обеими руками.** Из этого закона вытекает принцип: при создании конкретного хозяйственного механизма во всех звеньях экономики устанавливать обратные связи, которые ориентируют органы управления на принятие решений исходя из интересов общества. Разумеется, сделать это не просто. Но только привлекая весь народ к управлению, как говорилось на XIX Всесоюзной конференции КПСС, можно решить наши хозяйственные проблемы.

Наверное, каждый по себе знает, насколько результаты выполнения той или иной работы зависят от заинтересованности в ней. Маркс отмечал, что «идея», не являющаяся «действительным интересом» масс, становится «только предметом временного энтузиазма и только кажущегося подъема». Так что, столбовая дорога к эффективному общественному производству лежит, во-первых, через укрепление положения каждого как хозяина на своем предприятии и, во-вторых, через заинтересованность в получении высоких конечных результатов работы. Однако, чтобы достичь этого, всем и каждому нужно учиться, учиться сравнивать варианты и выбирать наилучший. Ведь проблема выбора путей развития существует не только в стране в целом. Она стоит перед каждым заводом и колхозом, деревней и городом.

Разумеется, ленивому уму, приспособленцу проще жить по указке сверху. Но коль нам хочется лучшего, то нужно думать и действовать. И если мы, как сказал А. М. Горький, не сумеем наладить жизнь, то сами будем виноваты и никто другой.

XIX партконференция призывает всех нас не бояться открыто ставить проблемы общественного развития, критиковать и спорить. Это одна из форм нашего участия в обсуждении государственных и общественных дел. В ходе перестройки каждый, наверное, почувствовал на себе повышение интереса к общественным делам. Некоторые прямо рвутся к обсуждению ключевых проблем управления. А чтобы управлять, как известно, нужно быть компетентным.

... И ОДНА НОЧЬ

Евгений ДОДОЛЕВ
Фото Сергея ВЕТРОВА

Весь первый этаж Хорезмской облпрокуратуры заняла следственная группа Прокуратуры СССР. На стене одного из кабинетов — большая карта страны. По всему ее цветастому полю — десятки узких бумажных полосок с фамилиями следователей и криминалистов, приехавших сюда почти из всех союзных республик для выполнения особого задания.

Иные здесь уже шестой год, кто-то прибыл лишь на днях... Не все в группе уживаются, не хочу рисовать приторно-идиллическую картину с «волнительными» детективными заставками. Работа тяжелая и опасная — здесь, в Средней Азии, они распутывают узелки коррупции, свитые мафией, старательно «сующей палки в колеса» невиданному доселе следствию. Следствию, аналога которому не было в отечественной практике. Следствию, которое по мере того, как становятся известны подробности и масштаб преступлений, приобретает отнюдь не узбекскую окраску. Следствию, в поле зрения которого оказались министры, высшие чины республиканских МВД, советские и партийные работники всех рангов вплоть до секретарей ЦК компартий союзных республик.

Работать невероятно трудно. В мае, когда я в составе «весьма ограниченно-го контингента» журналистов там находился, было относительно спокойно, если верить старожилам следствия. Неуютно только было на тридцатиградусной жаре в титановых бронежилетах.

Непривычно было проводить ночь в «жигуленке», мчавшемся в составе спецколонны по туркменской пустыне, когда слева на ребра давит кофр фото-

коллеги, а правое бедро испытывается на прочность прикладом автомата, который солдат-автоматчик не выпускает из рук даже во время трапезы.

Но еще более непривычно слышать на планерке сообщение о том, что, по оперативным данным, профессиональным бандитам уплачен аванс в размере 150 000 рублей за совершение теракта с целью физического уничтожения кого-либо из руководителей группы. Так и прозвучало: «кого-либо».

То, что в республике процветает институт наемных убийц, отмечал в своей служебной записке (1985 г.) министр внутренних дел Узбекистана. То, что республика поделена на сферы влияния преступными кланами, известно. Но до некоторых пор уголовники и казнокрады не вступали в столь очевидный альянс. Теперь, когда обе преступные стороны почувствовали, что их берут в оборот, началась тревожная консолидация.

Поэтому следователям рекомендуются из гостиницы на работу пешком не ходить, на охрану вокруг коттеджа особенно не рассчитывать, одним словом, быть начеку. Даже членов семей, проживающих в радиусе тысячи километров, рекомендовано эвакуировать. (Еще до поездки в Ургенч я знал, что немало семей работников группы давно кочуют по квартирам друзей, не выдержав прессинга подспудного шантажа и угроз.)

К этому непросто привыкнуть. Очень непросто. Для того чтобы остаться в группе (номинально и душой), необходимо удовлетворять по меньшей мере паре однозначных условий.

Первое. Быть Профессионалом с большой буквы, то есть грамотным, умным, опытным, смелым и — это основное! — неподкупным. (Одному из руководителей группы, Султану Алиевичу Салаутдинову, предложили однажды

самому назвать количество... миллионов, достаточных для прекращения дела. Он связался с Москвой — может, «согласиться на взятку», как-никак прибыль казне быстрая и нехлопотная, ведь другим путем выкачать эти миллионы непросто. Принципиальная «Москва» отказалась. Как можно? Работнику центрального аппарата Прокуратуры Союза? Из Москвы — это мне не раз придется повторить — виднее, «что такое хорошо» и «что такое плохо».)

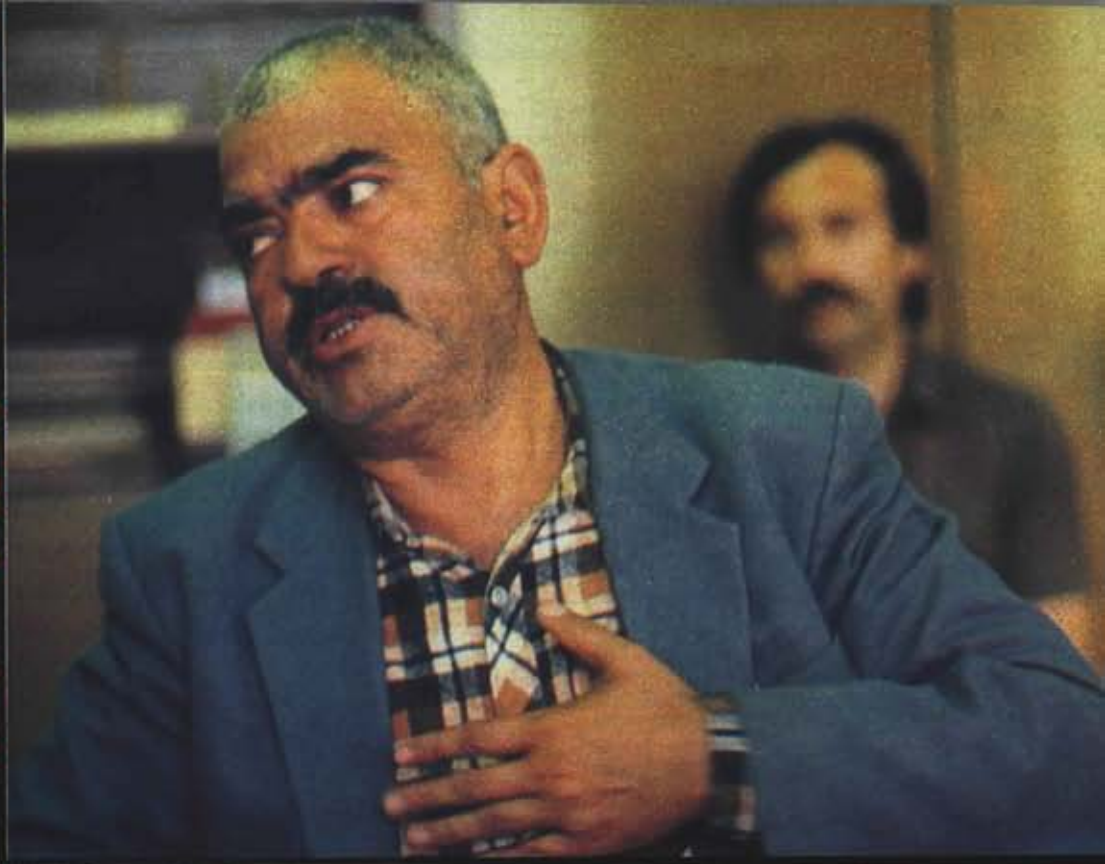
Второе, думаю, сложнее: ежедневно надо доказывать свою способность играть ва-банк. Способность, граничащую с осознанным самопожертвованием и основанную прежде всего на Вере и Неприятии. Это сложно. Потому что неприятие устоявшегося и канонизированного может позволить себе только сильная личность. Потому что по-хорошему фанатичную веру в окончательное торжество справедливости и законы юристы из особой группы обязаны денно и нощно сочетать — такова специфика этой работы — с пугающе отчаянным недоверием ко всем и всему.

Уж где-где, а здесь стены наверняка имеют чуткие уши. Поэтому работающим в группе фактически запрещено («не рекомендовано») обсуждать свою работу (даже друг с другом, а с посторонними и подавно). Вернее, ее детали и частности. Тот же Салаутдинов посетовал как-то, что не может иногда подсказать пришедшему за советом следователю, в каком направлении надо развивать расследование. Тайна двоих — это что? Правильно, уже не тайна. Между прочим, следователи допрашивают подозреваемых по двое. И все же те время от времени отчаянно переходят от намеков к лобовым предложениям. Бывало, предлагали миллион (1 000 000 рублей) только за то, чтобы дело передали в местные инстанции.

«...Люди называют его наш Ленин», — говорила жена бывшего первого секретаря Кашкадарьинского обкома партии Р. Гаипова, показывая гостям праздничный пиджак мужа, по-брежневски густо увешанный блестящими наградами. Говорила, как и пристало сиятельной супруге сановника-миллионера, степенно и вальяжно, хоть и не без тревоги — гости уж больно неожиданные.

...С трудом получив из «Москвы» (дело было в марте 1985 г.) сдержанное согласие на арест вельможного преступника, руководитель группы с несколькими проверенными коллегами приехал в Хорезмскую область, где тогда жил Гаипов. И занялись они... праздными делами. Для отвода глаз. Местные правоохранительные органы пришлось дезинформировать относительно цели служебного визита. Иначе нельзя было рассчитывать не только на успех операции, но и на личную безопасность. (Одно из покушений на руководителя группы санкционировал бывший министр внутренних дел Узбекистана К. Эргашев!) Пару дней они деловито мотались по окрестным достопримечательностям, а вечерами демонстративно отдыхали.

«Москва» запретила арестовывать вельможного вора и взяточника в стенах собственного особняка; санкцию на арест разрешили предъявить лишь в здании облпрокуратуры. Казалось бы, нелепое требование, учитывая всю сложность ситуации... Но кому-то захотелось, чтобы все было чинно. Предстояла весьма щекотливая операция — тактично и аккуратно пригласить Гаипова в это строго учреждение. И вот уже битый час сидели необычные гости из следственной группы Прокуратуры СССР (представились они, кстати, работниками республиканской прокуратуры, благо южное солнце их уже надеж-

но высмуглило да и языком овладели за годы работы здесь вполне сносно) в «ханском дворце», пили отборный зеленый чай и вели неторопливую беседу с Гаиповыми... Услышав крик из спальни, находившиеся в гостиной бросились туда. Увы, они опоздали: до того, как удалось вырвать восточный кинжал из окровавленной руки Гаипова, тот успел исполосовать свое привыкшее к холоду тело. «Уходите», — хрипел умирающий. «Вы виновны!» — кричали жена и дочь. Тринадцать ножевых ранений...

К тому, какие тайны унес с собой самоубийца, я еще вернусь... Самое горькое, что история с нелепым характером не единична. Один из подследственных, сообщив местонахождение трех тайников с преступно нажитыми сокровищами, на следующий день выбросился из окна. В предсмертной записке он отказывался от своих показаний, уверял, что ввел следствие в заблуждение. Тем не менее по всем трем адресам были обнаружены подпольные хранилища с ценностями на сотни тысяч рублей.

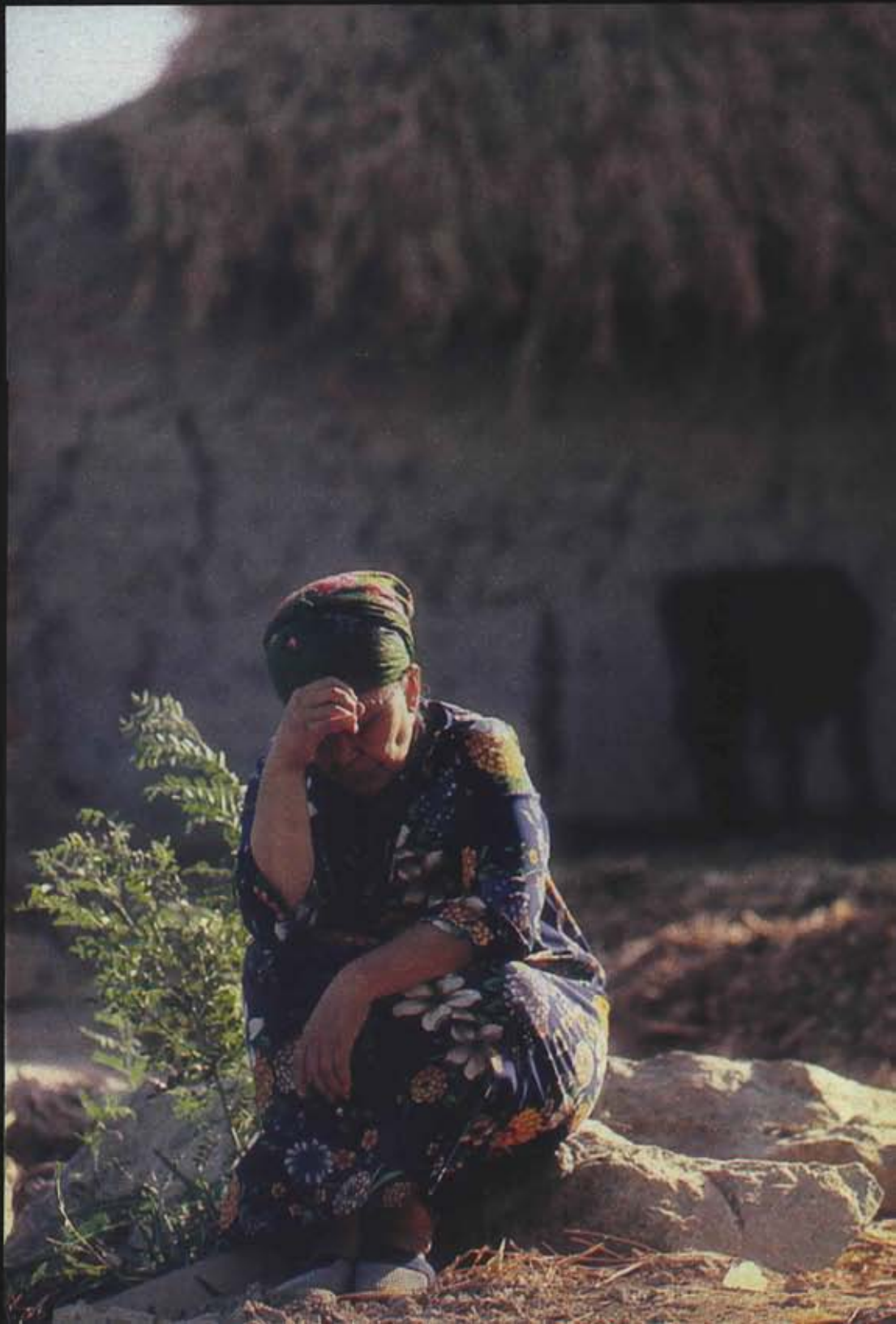
Что заставило взрослого, серьезного мужчину, взрезав разбиваемым стеклом вытянутые вперед руки, безрассудно шагнуть в оконный проем навстречу нагому асфальту?

А кто предупредил министра К. Эргашева о готовящемся аресте? И подсказал ему скорый и удобный (для вышепоставленных пособников) выход — пулю в лоб? Не те ли, кто до этого затруднял привлечение министра-преступника к уголовной ответственности ссылками на его депутатство (в Верховном Совете республики)? Не те ли, кто награждал уже выявленного взяточника почетными правительственными наградами? Помню тягостное молчание следователя по особо важным делам

Царские рубли, старинные динары, антикварные браслеты, бриллианты, кольца, часы и другие ценности — всего на 8 миллионов рублей, изъяты следственной группой за два месяца только у двух должностных лиц.

Бывший первый секретарь одного из райкомов партии Нор Мелеев вымогал взятки у председателей колхозов.

Конец?..

Все-таки кто заставляет сановных казнокрадов нажимать на курки имен-ных пистолетов? Может, это возведен-ная в квадрат привычка следовать «высшему примеру»? Сперва крали и пили, следуя сиятельному примеру руководителей разного калибра, а по-том...

Шестого ноября 1984 года бывший министр внутренних дел СССР Николай Щелоков был лишен воинского звания генерала армии (из состава ЦК он был выведен ранее), а тринадцатого декабря экс-министр, надев парадный мундир (при всех орденах и медалях?) и выпив кофе с коньяком, выстрелил из охотни-чьего ружья себе в голову. Его супруга, специализировавшаяся, помимо всего прочего, на спекуляции бриллиантами, застрелилась задолго до этого пока-зушного акта. Щелоков, за которого взялись при Андропове, после его смер-ти был «реабилитирован». С благосло-вения нового генсека. Черненко же устроил вновь обласканного генерала на почетную должность в Министерство обороны. Когда и этот покровитель, прозванный в народе «тенью Брежне-ва», почил в бозе, Николая Анисимови-ча «вновь обидели», понуждая вернуть государству украденное (в том числе —

юристов») в высшие инстанции коллек-тивные жалобы о якобы незаконных действиях следствия (при этом не забы-вая указать о своей непричастности к преступлениям). Одному, дескать, вы-били челюсть, другому сломали ребра, к третьему подключили ток, четвертый пал жертвой какого-то неизвестного лекарства и под его воздействием ого-ворил себя и других. И потому группу без конца проверяют самые разные ин-станции. Неважно, что при проверках устанавливается лживость этих измыш-лений. Главное, заронить подозрение, распылить силы, потрепать нервы, рас-плодить слухи. У самих-то клеветников опыт богатый...

Бывший заместитель начальника УВД Бухарского облисполкома Рахимов получил приличный срок за взяточни-чество. Оказавшись в колонии вместе со своими соучастниками, которых сам, между прочим, ранее активно разобла-чал (такому сообщнику сподручно кри-чать «держи вора», на него не подума-ют...), он стал не менее активно скло-нять их к подаче коллективных жалоб на «незаконные методы» ведения след-ствия. Некоторые из них сообщили в Прокуратуру СССР о готовящейся

ют более методично. И, используя свое влияние, полномочия и разветвленные преступные связи, наносят более ощу-тимые удары. Цель противоборства со следствием одна: путем клеветы, шан-тажа, дезинформации попытаться не только избежать ответственности за преступления, но и сохранить свои по-зиции и привилегии.

Однако, повторюсь, исполнительные функции шельмования борцов с корруп-цией зачастую возложены на коррумпи-рованных (само собой, я не имею в виду всех) работников МВД. Быть может, та-кая практика и сложилась подспудно в недрах недоброй славы НКВД, но «за-стойную окраску» приобрела в те годы, когда руководство милицией осуще-ствлял Ю. Чурбанов, зять Брежнева.

После того как тридцатипятилетняя Галина Брежнева вышла замуж за под-полковника милиции Юрия Чурбанова, который на девять лет моложе ее, быв-ший незаметный офицер становится на-чальником политуправления МВД, че-рез семь лет — заместителем мини-стра, а в 1980 году — первым замом Щелокова, ближайшего друга Брежне-ва со студенческих лет. После смерти самодержавного тестя Чурбанова пере-вели на должность заместителя на-

Конфискованные мил-лионы в надежном сей-фе. Теперь можно и не-много отдохнуть...

Еще час назад следо-ватели Б. Абдурахимов (слева от задержанного) и В. Лахшия (справа) увещевали министра просвещения — выдай-те деньги добровольно, без неприятных проце-дур. Давали, по суще-ству, шанс «сохранить лицо»... Значок депутата Верховного Совета рес-публики все еще на лап-кане его пиджака, но завтра на допросе этот человек выдаст сто ты-сяч рублей... Кстати, в день задержания, 24 мая, республиканская газета опубликовала речь министра: «Просим разрешить оставить су-ществующий объем управленческого аппара-та Министерства просвещения и Госкомпроф-техобра...»

при Генеральном прокуроре СССР Н. Иванова, когда ему сообщили: «Сан-кции на арест одного из высокопостав-ленных взяточников до сих пор нет». Впрочем, неопровержимость улики мо-жет подтвердить лишь суд. Но когда до суда-то дойдет?.. Пока у следствия осе-чек не было, невзирая на пристрастное к нему внимание. Самое трудное — передать собранное в суд. Ах, сколь-ко их, «волосатых», но таких холе-ных рук!

Кто подкинул пистолет бывшему пер-вому заместителю министра внутренних дел Узбекистана? Ведь и руководи-телям МВД не положено лежать в госпи-тале вооруженными. А Г. Давыдова на-шли на больничной койке с тремя пуле-выми ранениями в голову. Самоубий-ство? Может быть, может быть... Я не медик... А медики говорят: всякое слу-чается. Такие дела.

и из Гохрана). И брежневский визирь, распустив слух о «несправедливой тра-вле былыми завистниками», ушел в лучший из миров, умолчав при этом о многих «соратниках», также разворо-вывавших страну.

Преступники в мундирах опаснее даже их штатских сообщников, зани-мающих высокие кресла, поскольку, бу-дучи хорошо знакомы со следственной «кухней», знают, куда и как надо нано-сить контрудары. И работе особой груп-пы Прокуратуры СССР доставляют не-мало хлопот. Не всегда следователи группы могут опереться на поддержку коллег из милиции без оглядки на воз-можное предательство. Обжегшись на молоке, вынуждены и на воду, как гово-рится, дуть.

Погрызание во взяточничестве и хи-щениях лица вступают в сговор между собой и направляют (по советам «своих

провокации. Нашелся лишь один быв-ший подчиненный Рахимова, некто Из-затов, который вошел с ним в «коопе-рацию».

Кстати, один штрих в его поведении может показать истинное лицо этого человека. Его вызвали на допрос, где выяснились факты получения им взя-ток от своих подчиненных. Иззатов не только отверг выдвинутые против него обвинения, но даже разыграл бурное возмущение: как, его, работника мили-ции, могут подозревать в совершении преступления?! Однако, не успев уда-литься от места допроса на расстояние нескольких сотен метров, спустя счита-нные минуты после нелिцеприятного разговора со следователем, беззастен-чиво получил очередную взятку.

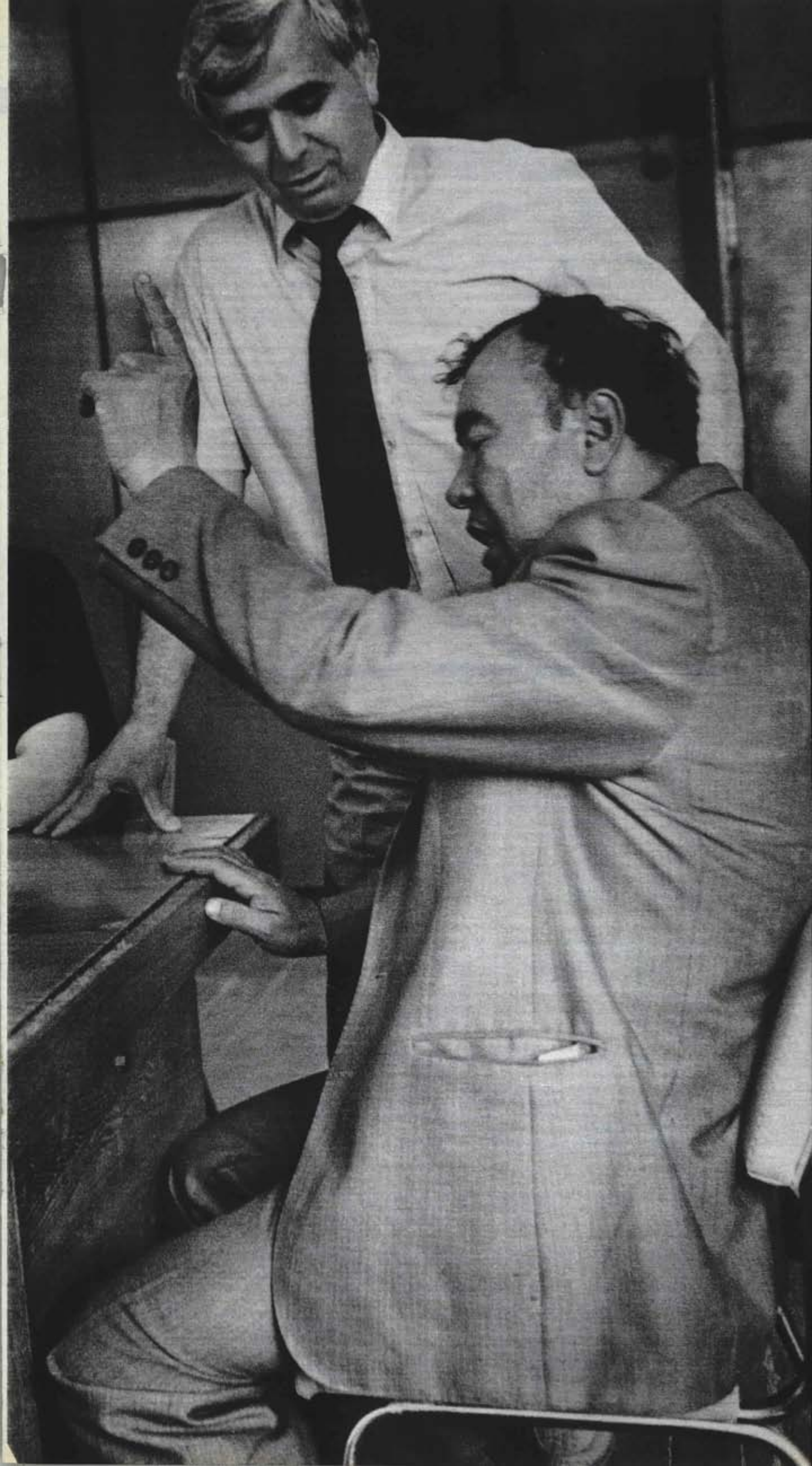
Но все это, так сказать, цветочки. Есть и ягодки — иная группа провока-торов. Из верхнего эшелона. Эти действу-

чальника внутренних войск МВД, а в на-чале прошлого года арестовали.

Из обвинительного заключения по делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома партии Абдувахида Каримова: «Во время обеда на даче облисполкома Каримов, опасаясь, что выявленные упущения в его работе бу-дут доведены до сведения руковод-ства... вручил Ю. М. Чурбанову в каче-стве взятки 10 000 рублей... Об этом Каримов сообщил в заявлении на имя Генерального прокурора СССР от 17 августа 1985 года (сравните с датой ареста Ю. Чурбанова, не правда ли, за-нятно? — Е. Д.)».

Из показаний Каримова: «Прямо из аэропорта поехали в г. Газли... Чурба-нов решил посетить один из продмага-зинов... Покупательницы высказали не-довольство плохим снабжением мясом.

Еще одна очная ставка. ...Вот фразы из протоколов. «Я верный ленинец. Знаю, что все брали, но я, белая ворона, не брал, люди «тухмат» на меня делают, оговаривают». «Клянусь молоком матери, я не люблю ценности, деньги и золото. Когда вижу их, голова кружится». «Зря вы меня посадили, семья с голоду померет». «У меня были деньги, но я их сжег, если бы не сжег, то выдал бы добровольно».

Эмоции, эмоции...

Окончание на 18-й стр.

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

М

не одиннадцать лет... Утром, еще до завтрака, я бегу на речку, к омуту, и с наслаждением купаюсь. Я хорошо плаваю, и мать не боится отпускать меня на реку одного, да и вообще в деревне я более самостоятелен, чем в Москве. После завтрака я отправляюсь на стройку. Здесь интересно для меня все: и как ловко каменотесы обрабатывают камень, и как пильщики пилят лес, здесь тархтит движок, поднимающий «бабу» для забивки свай, тут и большая плоскодонка, правда, без весел, но я управляюсь шестом, благо река не глубока. Однако главное для меня здесь — конюшня, где среди рабочих лошадок находятся две выездные — кобыла Красотка и жеребец Пионер, еще не обьеженный и ходящий только под седлом. Это седло, остро пахнущее кожей и потом, висит в конюшне, и когда я захожу туда, то всегда бросаю красноречивые взгляды и на него, и на конюха Степана, красивого пятидесятилетнего мужика с иссиня-черной бородкой и с ясными, очень голубыми глазами. Дело

Пионер тяжело дышит и поглядывает на меня. Он явно недоволен задержкой и нетерпеливо бьет копытами, и я боюсь, что он вырвется от меня, а потому спешу вскарабкаться в седло, для чего мне приходится подвести его боком к плетню, найти такую приступочку в изгороди, чтоб немного подняться, иначе мне не закинуть ногу в стремя.

Но вот я снова на коне и продолжаю погоню... Справа на ремне в самодельной кобуре у меня деревянный «кольт». Я выхватываю его и стреляю вдогон убегающим по прерии индейцам... Это, конечно, Майн Рид и Фенимор Купер, которыми я зачитывался прошлую зиму, благо в библиотеке деда имеются полные собрания того и другого — бесплатные приложения к дореволюционному журналу «Нива».

Уж раз я упомянул «кольт», то придется коснуться еще одного незабываемого переживания. Иногда вечером отец дает мне в руки настоящий вороненый наган, удалив, разумеется, патроны из барабана. С замиранием сердца я беру его, любовно разглядываю, поглаживаю, потом с трудом нажимаю тугой спусковой крючок, гляжу, как барабан поворачивается на одну седьмую оборота, подставляет под боек курка темную глазицу своего гнезда, курок спускается, и раздаются... увы, не выстрел, а лишь щелчок. На улице наган мне выносить не разрешается, показать его кому-то из ребят я не могу, а потому наслаждаюсь в одиночку.

деревенскую красавицу Ньюшку, в которую, дескать, оба втюрились. После такого происшествия сынок начальника представлялся мне еще более необыкновенным.

Пионера мне давали не только для прогулок, но несколько раз посылали и по делу с каким-нибудь письменным распоряжением. Два раза я ездил в Деревню Замытье, за шесть километров. В эти поездки я хотя и брал «кольт», но не для игры, а для безопасности, так как выглядел он как настоящий и мог напугать тех, кто по той или иной причине мог помешать мне выполнить ответственное поручение. Правда, дорога в Замытье шла полями и прогляд был во все стороны, но полверсты приходилось ехать лесом, там я был начеку.

И еще огромной радостью было, когда отец брал меня за кучера в своих поездках в районный центр. От стройки он находился в семи километрах, и, значит, я правил Красоткой более часа. Запрягали ее в бывший, еще помещичий, тарантас на рессорах. Отец сидел на заднее сиденье, обитое кожей, а я на облучке. Красотку не зря так прозвали, это была красивая лошадь темно-гнедой масти с черной гривой и хвостом, и прекрасно ходила быстрой рысью, почти никогда не переходя в галоп. Видно, была из рысаков, хотя вряд ли чистых кровей. Когда ею правил Степан, он очень огорчался, если Красотка сбивалась с рыси, резко

НЕ ЗАВЫЛО

в том, что время от времени, когда на Пионере никто долго не выезжал и жеребец застаивался, Степан торжественно водружал на него желтое седло, подтягивал стремяна под мой рост и говорил своим хрипловатым от частых запивов и жестокого самосада голосом: — Осторожней, малец, конь застоялый, как бы не понес поначалу...

Потом он помогал мне взобраться на жеребца, выводил из конюшни, отпускал узду, и Пионер с места рвал так, что я еле удерживался в седле, и галопом выносил меня за территорию стройки в... прерии. Да, да, именно в прерии, где, представляя себя ковбоем, совершал самые невообразимые подвиги — догонял вообразимых индейцев или уходил от погони...

Надо сказать, что, бегая весь день босиком, как все деревенские ребята, для выезда на Пионере я надевал настоящие сапоги, сшитые на мой размер, и со шпорами, не помню уж, откуда добытыми, а потому управлял я жеребцом по всем правилам, хотя делать это в первый час ездки было незачем — он нес меня галопом в собственную охотку, так что дай бог не вылететь из седла.

Однажды Пионер задал мне страху. Вернее, жеребец был ни при чем, виноватым оказался Степан, не затянувший как следует подпругу. И вот на полном скаку, когда застоявшийся конь мчал меня по полю, иногда взбрыкивая от полноты жизни задними ногами, я почувствовал, что седло начинает сползать набок. Мои отчаянные «тпру» и натягивание изо всех сил повода ничего не дают. Пионер продолжает галоп, а может, и карьер во всю мощь своего молодого тела, требующего движения, а седло из-под меня катастрофически уходит и уходит... Стараюсь удержаться, охватив шею лошади, но у меня не хватает рук, уже понимаю неизбежность очень скорого падения и примеряюсь, как мне оттолкнуться половчее, чтоб не попасть под копыта...

Но тут я вижу плетеную изгородь и направляю Пионера на нее. Я знаю, конечно, если жеребец не остановится, а с хода перемахнет невысокий плетень, я свалюсь обязательно, но выхода нет. Я с ужасом гляжу, как стремительно приближается изгородь, а Пионер и не собирается сбавлять хода. Он решает другое: резко поворачивает и несется вдоль плетня. Я тяну повод влево, вижу, как удила режут его губы. Пионер храпит, закидывая голову, и наконец резко останавливается. Чуть-чуть не лечу через него, но каким-то чудом удерживаюсь, сползаю с коня, привязываю его к изгороди, стараюсь выправить седло и подтянуть подпругу.

Кстати, у моего деревянного «кольта» барабан тоже поворачивается и тоже взводится курок. Отец долго мастерил его и по-инженерски точно воспроизвел конструкцию револьвера, но разве сравнить его с этим настоящим боевым наганом.

В те годы члены партии имели право ношения оружия, и у многих были или пистолеты, или револьверы, но моему отцу, беспартийному, выдали его здесь, на стройке, авиду, как ему объяснили, обострения классовой борьбы в деревне и вероятной вылазки кулацких элементов. Поэтому я впервые в жизни держал в руках оружие, но и не мог и мечтать, чтоб отец дал мне револьвер в моих выездах Пионера, тут мне приходилось довольствоваться моим деревянным «кольтом».

Чтоб больше не говорить уже об оружии, придется рассказать одну «жуткую» историю, связанную с пистолетом. Недавно на стройку прислали начальника, так называемого «выдвиженца» из балтийских матросов. В середине лета приехал к нему двадцатилетний сын, высокий красивый парень. Он носил шикарный черный костюм, что в моих глазах придавало ему некую загадочность. Я сам мечтал иметь Черный плащ и черную шляпу и, разумеется, шпагу, что шло уже от «Трех мушкетеров». Когда сынок начальника проходил по улице, деревенские девчата засматривались и перешептывались. Я с ним ни разу не разговаривал, но почему-то он казался мне очень интересной личностью. Видимо, он где-то учился и приехал к отцу на каникулы, и сразу завел дружбу с нашим механиком, командовавшим двумя движками внутреннего сгорания «Червоный прогресс», здоровенным детиной с мутноватыми наглыми глазами, любителем выпивки, который начал приобщать к этому занятию и сына начальника в надежде, наверно, через него заручиться расположением папаша. И вот однажды ночью в деревне прогремел выстрел... На другой день выяснилось, что дружки поссорились по пьянке и сын начальника стрельнул из отцовского пистолета то ли случайно, то ли нарочно, но глаз у механика оказался выбитым.

Дело это замяли. Механик после недолгого лечения вернулся, но уже со стеклянным правым глазом, который, к его несчастью, служил точным барометром его состояния. Определить, пьян он или нет, не стоило никому труда — на фоне не замутненного стеклянного глаза здоровый сразу показывал степень опьянения.

Сын начальника вскоре исчез куда-то, уехал, наверно, в Москву, но в деревне долго еще ходили пересуды об этом событии, обрастая новыми подробностями, объясняя ссору дружков тем, что не поделили они

придерживал, приговаривая: «Не балуй, ми-и-ла-а-я...» В путешествиях на плоскодонке я ощущал себя первопроходцем, так увлекало меня открытие «новых земель», открывавшихся мне за каждым поворотом реки, а ходил я и вниз и вверх по течению на многие километры. И хотя река была не очень-то широка, на ней все же попадались «необитаемые острова», на которые я высаживался с трепетом настоящего путешественника.

Открыл я однажды в такой поездке «городище», старинные могильники, обложенные камнями. Долго бродил среди них, мечтая в следующий раз прибыть сюда с лопатой и заняться раскопками. Но какие-то другие занятия увлекли меня, и до конца лета я так и не успел побывать на «городище», тем более что находилось оно вверх по течению, в километрах семьюсьми от дома, а продвигать тяжелую лодку против течения, управляясь одним шестом, — труд нелегкий, итак мои руки все в мозолях. Вот и не собрался на могильники, хотя и мечтал найти при раскопках мечи, стрелы, щиты, а может, и колычуги.

Надо сказать, что в эти поездки на лодке я редко брал деревенских ребятшек, своей болтовней мешал им мне воображать, а вся прелесть походов как раз и заключалась в том, что плыл я не по речушке Медведице, а конечно, по Амазонке, плывущие навстречу коряги и бревна — это, разумеется, крокодилы и змеи. В прибрежных кустах таились индейцы с луками, подстерегая храброго бледнолицего, рискувшего вторгнуться в их земли, ну и так далее и тому подобное... О, детство! Хотя уже вроде отрочество, но все равно в жизнь реальную вплетались фантазии, почерпнутые из приключенческих книг и некоторых фильмов. Один из них помнился мне в ту пору. Фильм американский, эффектно начинающийся сценой пожара небоскреба, где на огромной высоте металась между двумя окнами женщина. Лестница, выдвинутая пожарными, не доставала до нее на два-три этажа. Оттолкнув пожарных, появился какой-то супермен, быстро поднялся по лестнице, вытянул руки, и... женщина прыгнула, попла, конечно, к нему в объятия. Лестница покачнулась, стала падать, и эта пара влетела в окно дома напротив, причем сразу же в кровать. Потом женщина уехала в экспедицию в Африку, супермен за ней, и здесь начались всевозможные душераздирающие приключения — и пожар в джунглях, и единороговство с львицей, и плен у какой-то экзотической царьцы в прозрачной одежде, и... чего там только не было. Помню, ушел я из кинотеатра «Перекоп», что в Грохольском, потрясенный и с ужасной голеной

болью. Видать, для меня, семилетнего, такая картина оказалась чересчур...

Но когда я начал читать Купера и Рида, то эти детские киношные впечатления затмилились, я начал бредить майн-ридовским «Белым вождем» с замечательным героем и героиней, где была и месть «белого вождя», приведшего в поселок индейцев, чтоб наказать тех, кто поступил плохо с девушкой и с ее матерью, а самым захватывающим был побег героя из тюрьмы, когда он подозвал свистом своего коня и выпрыгнул из окна прямо в седло, и умный конь умчал его от врагов...

В деревне я не первый год. До этой стройки отец возводил мост через реку Беспуту, недалеко от Каширы. Тогда, в двадцать девятом году, я был еще маленький, к тому же после болезни (что-то с железками, как говорила мать) целую зиму температурил, был нервен и капризен. Уже в дороге на Каширу меня напугали в вагоне поезда разговоры деревенских женщин о какой-то огромной, высокого роста бабе, шавшей по полям с пустым мешком. Ужо наверняка к большому голоду, говорили бабы, который беспременно наступит в ближайшие годы. Я слушал и представлял себе эту страшную бабу с мешком, которая обязательно встретится мне где-нибудь, и я уже заранее боялся ее.

В Кашире нас встретил отец на извозчике, на кото-

ром мы и направились в село Богословское, где должны были жить, в полтора километрах от реки, а тем самым и от стройки. Проезжая город, мы наткнулись на похоронную процессию, гроб несли открытым, и я впервые в жизни увидел покойника, старуху с желтым лицом, и меня это так потрясло, что я закрыл глаза, чтоб не видеть этого, но когда их открыл, то увидел в окне второго этажа дома, который мы проезжали, страшное лицо старухи с выпученными глазами... Тут уж я совсем съезжился, прижался к матери; но это не был конец моим переживаниям, потому что вскоре мы проехали мимо огромного кургана, показавшегося мне громадным и страшным. Вспомнилась «Страшная месть» Гоголя, и я уже не глядел ни на дорогу, ни на поля, боясь увидеть ту бабу, о которой так взволнованно шептались крестьянки в вагоне.

Первые два дня я боялся далеко отходить от дома, но вскоре этот страх прошел, и я уже бегал и на стройку, и по окрестностям деревни, научился ездить через раму на взрослом казенном велосипеде, на котором гонял по аллеям бывшего барского парка. Часто проезжал я и мимо небольшой церкви, на которую поглядывал с любопытством, так как никогда там еще не был. На пасхальную заутреню, на которую ходили родители, меня не брали по малости лет. Родители не были религиозны и ходили в храм только на пасху, что было скорее данью традициям и приятным, наверно, воспоминанием детства и юности. Правда, в доме были Евангелие и Библия, кое-что мать мне читала, знал я и молитву «Отче наш...». Однако в самой церкви, повторяю, ни разу не был, и первое мое знакомство с нею произошло здесь, в селе Богословском, когда приехала из Калуги моя бабушка, мать моей матери.

Бабушка была верующей, но не церковницей, то есть не очень-то часто ходила в церковь, не так уж чтла обряды. Кроме того, после разлада семейной жизни и развода с дедом, что в дореволюционные времена было сложно, увлеклась она толстовством, что не помешало ей отправиться на германскую войну уж не

знаю, кем, но до фронта она не добралась, заболев по дороге.

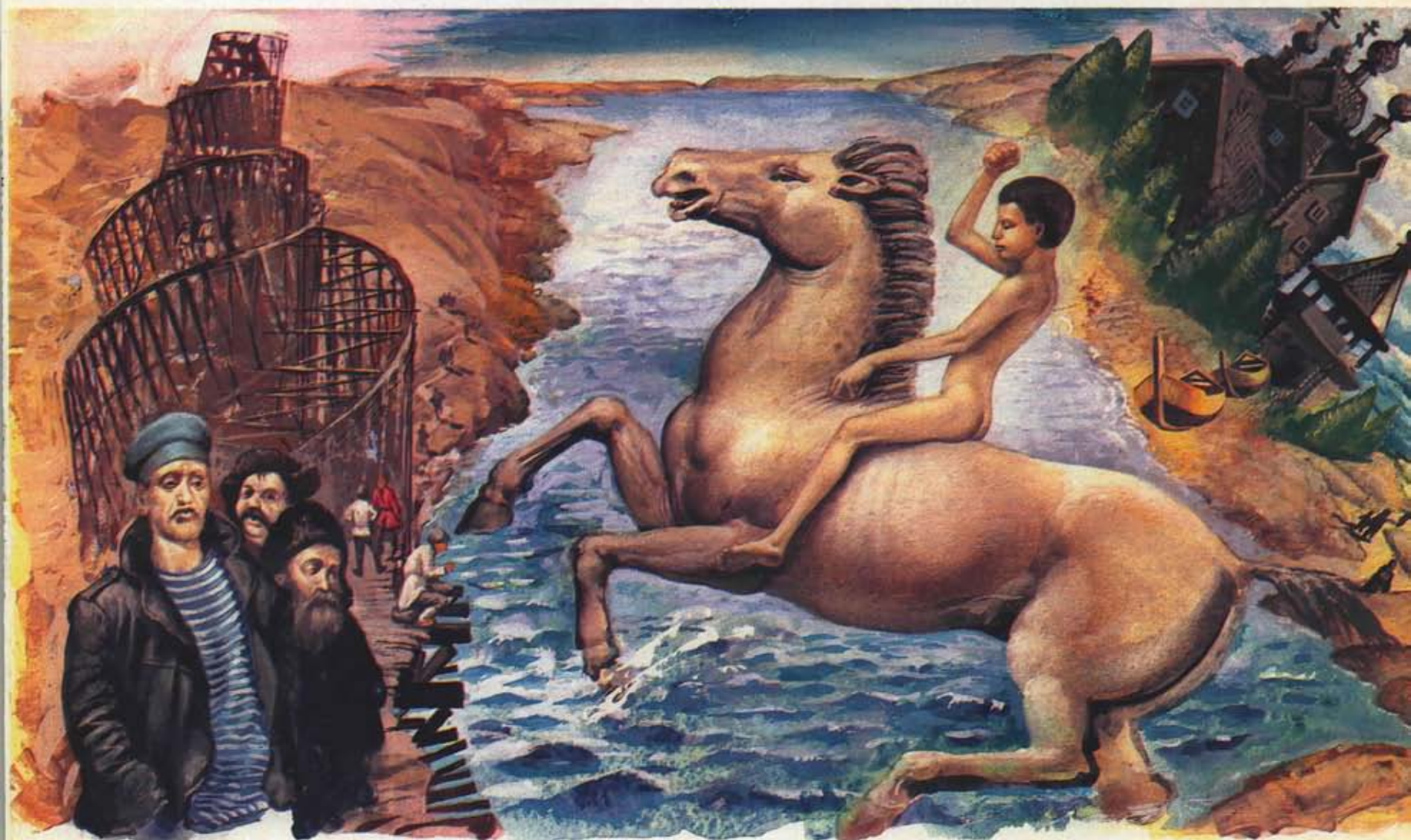
Помню, в Калуге, в ее светелке над кроватью висели всевозможные изречения разных мудрецов, из которых запомнился бодрый призыв: «Проще, легче, веселей!», который, как она уверяла, всегда помогал ей в ее трудной и необеспеченной жизни.

Дня через два после приезда она познакомилась с батюшкой и восхищенно рассказывала матери, какой прелестный и интеллигентный человек настоятель Богословской церкви. Потом она заявила, что мне необходимо принять первое причастие, я ведь крещеный, что это благотворно отразится на мальчишке. Мать вроде не очень возражала, и бабушка повела меня в церковь пока лишь познакомиться с батюшкой. Он мне понравился тем, что не стал уверять меня, что гвозди, которыми распинали Христа, настоящие, сказав, что это копии тех гвоздей. Церковь произвела огромное впечатление — и старинные иконы, и золоченые царские врата, и богатое убранство.

Вскоре после знакомства произошло и причастие. На исповеди батюшка спрашивал меня, хорошо ли я отношусь к животным, не мучаю ли их, не отрываю ли бабочкам крылья, почитаю ли родителей... Я в этих грехах оказался безвинен, мать и отца любил, животных тоже, после чего священник велел мне поцеловать крест с распятием, Евангелие; подвел к святой чаше с вином, почерпнул оттуда серебряной ложкой и дал мне выпить теплого сладкого вина с кусочком размоченной просфоры. При прощании батюшка благословил меня, осенил крестом, и я поцеловал ему руку, как наказала мне бабушка. На этом обряд закончился, ничем меня особо не поразив, оставив лишь в памяти вкус вина и просфоры. Было это мое первое и последнее причастие. Больше я никому в своих грехах не каялся, хотя с каждым годом становилось их все больше и больше...

Бабушка довольно часто стала водить меня в церковь. И на богослужения, и просто так, в гости к священнику. Она вела с ним долгие беседы на возвышен-

СВ...

ные темы, во время которых я безумно скучал, стараясь под всяческими предлогами удрасть хотя бы на церковный двор, где можно было хоть развлечься чтением разных эпитафий на надгробных плитах.

«Пробыв у нас три недели, бабушка уехала в свою Калугу, и с тех пор в церковь я не заглядывал, пока не пошлю по селу слухи, что ее закрывают. Как это могут закрыть церковь, храм Божий, я не понимал. Хозяйка дома, где мы жили, говорила, что прихожане послали куда-то прошение, чтоб церковь оставили, потому что в ближайшей округе церквей не было и молиться верующим негде, и все надеются, что прошение удовлетворят, все-таки всем миром просят. Но есть в селе мужики, добавила она с горечью, которым что церковь, что кабак — одно и то же, кабак им даже слаще... Меня беспокоило больше не само закрытие храма, а куда денут священника, и я спросил хозяйку об этом.

— Куда денут? Гуторят, что высылают теперь их, а может, в другом месте приход дадут. Кто знает? В такое время живем, что ничего не знаем, что дальше будет. Вот колхозы, говорят, зачнут делать, а что они такое — тоже никто не ведает.

Проходило время, я на велосипеде мимо церкви часто проезжал, стояла она на месте, и священника в огороде я видел, но-остановиться, зайти стеснялся, тем более что после отъезда бабушки ни разу не заглядывал, а священник приглашал, и я обещался бывать.

Но вот в одно утро услышал я от хозяйки, что уезжает священник, и тут почему-то я взволновался и бросился бегом к церкви. Около нарядного и обихожного домика священника стояла подвода. Батюшка и матушка укладывали вещи, довольно скудный скарб, не занявший всю телегу. Может, мебель они будут вывозить потом, подумал я, удивившись малости их имущества. Священник, заметив меня, поманил рукой. Я подошел.

— Проститься пришел? — спросил он. — Похвально, что помнишь. Вот приходится покидать родимое гнездо. Двадцать лет я служил в этом храме. И вот покидаю...

Матушка всхлинула от этих слов, у меня тоже подперли слезы. Мужик, хозяин подвода, стоял молча и вроде бы безразлично, только смолит сигарку, от дыма которой матушка суетливо отмахивалась. Меня поразило, что никто, ни один из прихожан не провожает священника, и от этого мне стало его еще жалче. Я ничего не понимал умом, но сердцем чувствовал, совершается какая-то большая несправедливость, с которой, наверно, впервые столкнула меня жизнь.

Небо тем временем злое застывало тучами, и я стал ожидать, что грянет сейчас гром, и Бог накажет кого-то за эту творимую несправедливость... Но ни грома, ни еще чего-то, что должно было бы случиться по моему разумению, не произошло.

Батюшка с матушкой встали на колени, помолвились и потом еще долго кланялись родному храму. Тут я не выдержал, и слезы покатились из глаз. Священник подошел, погладил по голове, перекрестил...

— Ну, прощай, мальчик. Постарайся быть хорошим. — Поехали, что ли? — грубым голосом сказал возчик, выплюнув сигарку и взяв вожжи.

— Поехали, — еле слышно ответил священник, и подвода тронулась.

Я пошел провожать, глядя все на небо и ожидая какой-то реакции со стороны Господа Бога, но тучки начинали рассеиваться, глянуло солнышко, и я понял, что ничего, ничего не случится.

— А куда вас, батюшка? — наконец-то догадался спросить я.

— Дают мне небольшой приход в верстах двадцати отсюда.

— Значит, вас не высылают?

— Господь милывал... Пока...

Я очень обрадовался за них и уже с немного облегченным сердцем распростился с ними у реки. Но какая-то зарубина еще долго оставалась в моей душе. Рухнула, наверно, существовавшая до этого детская вера в справедливость мира, в котором живу восемь лет...

Но ко времени, о котором веду сейчас рассказ, все это забылось, прошло же три года, а в таком возрасте все неприятное забывается быстро, тем более каждый день приносит новые впечатления.

В выходной день к нашему дому Степан подает тарантас, запряженный Красоткой. Ура, мы едем в какую-то далекую деревню за... сыром! Вот уж не знал, что сыры делают в деревне. В московских магазинах их давно нет, и моя мать здесь, в деревне, пользуясь чьим-то рецептом, сыр делает сама из творога. Для этого творог, размельченный, раскладывается на доске на несколько дней, пока не протухнет и не превратится в противно пахнущую желтоватую массу, а потом эта твора варится на медленном огне, выливается на противень, а когда застывает, режется на куски и получается... сыр. И довольно вкусный, по кондиции напоминающий плавленый. А сегодня мы едем за настоящим сыром! Но радость не в этом.

Я опять буду править Красоткой! Деревня, как сказал отец, в верстах двенадцати от нашей, носящей, кстати, не очень-то благозвучное название Кобылино. «Эх, Кобылино деревня, крыши, крыши, как колпак...» — поют вечерами частушки деревенские под гармошку. Выходит, полдня я буду за кучера!

Важно беру вожжи. Усаживается отец, потом мать. Степан, когда бывает в подпитии, вместо обычного «но-о», трогает с места лошадь криком «Алле-пре, Красотка!» Я, конечно, обезьянничая и кричу то же самое. Красотка резво берет с места, и мы едем. В деревне, в которую мы приехали, действительно варили сыры искони. В сарае, куда нас позвали, висели головки сыра. Мать выбрала две или три, и мы поехали обратно. Высадив родителей у дома, я с шиком прокатил по деревне хорошей рысью, но к конюшне подъехал шагом — Степан не любил, когда я зря гоняю коня. Красотку я запрягал и распрягал сам, быстро овладев этим делом. Поставив ее в стойло, я стал развешивать упряжь. Степан сидел в конюшне с каким-то немолодым неказистым мужичком. На полу стояла бутылка водки, в руках стаканы и закуска — черный, круто посоленный хлеб и репчатый лук. Степан проследил глазами за моими действиями и, убедившись, что все в порядке, продолжил разговор:

— Ты спрашиваешь, почему я в колхоз не пошел? Не верю я в эту затею. А потом же я сроду не крестьянствовал, я и до революции, и в нэп извозом занимался, люблю лошадей. Были свои, а теперь вот казенными занимаюсь.

— А баба твоя как?

— Она в колхозе мается. Я свободу люблю, раньше сам себе хозяином был, ну и теперь здесь надо мной начальников особо нет. Кто тут в конях понимает? Никто. Значит, Степан за главного. Все видят, что у меня двор конный в порядке. Ежели кормов не хватает, так я и сворую сенца для своих лошадей, возьму грех на душу, лишь бы животная голодной не осталась... — Степан завернул сигарку, закурил. — А колхоз что? Ты там вроде батрака государственного. Вот приказали лен сеять, и сеют, и сеют, а лен для земли тяжел, нельзя несколько лет кряду его сажать, истощится земля, а они давай, давай. А ты и не пикни. Кто ты теперь? Колхозник. Ну и трактор для наших земель — машина неподходящая, разворотит глубокой вспашкой, а толку? Нет, я здесь хоть и на государственной службе, но сам себе голова... Ты ведь, наверно, тоже из колхоза убер?

— Убер... Голодуха у нас. Я же с Черниговщины.

— Она и будет, голодуха, ежели без ума все делается. Знаешь же, как загоняли? Приедет úplномоченный: «Советская власть за колхозы, значит, кто против колхозов, тот против власти». Ну, а кто против власти, сам знаешь, что бывает. Вот и стали записываться...

Тут я прервал их разговор, сказав, что все сделал, хочу домой идти.

— Вижу, — сказал Степан. — Добре. Иди. Ну как сырок наш?

— Не пробовал еще...

— А ты пробуй, а то скоро, слыхал я, это сыроварение накроют. А они там, поди, пятьдесят лет этим занимаются: так нет, кому-то это не приглянулось. По приказу крестьянствовать нельзя, — повернулся к соседю. — Пустое дело...

В воскресенье хозяйка наша Ефимия Михайловна пекла ржаные лепешки вроде ватрушек, только вместо творога запекалась мятая картошка. Вкуснее ничего я с той поры не едал и ждал воскресенья всегда с нетерпением. Приносила она нам эти лепехи на подносе горячими, прямо из печки. От одного запаха с ума можно было сойти...

Принесла лепешки, по приглашению матери она присаживалась ненадолго и угощалась чаем, который у нас заваривался крепко, а с чаем в деревне было неважно — и бывал редко, и дорог был. Ефимия Михайловна держала себя с природным достоинством, да и вообще была женщиной умной и интеллигентной, как говорила мать, хотя и не в ладах с грамотой. Жила она с сыном Иваном, тихим, трудолюбивым парнем лет двадцати, работающим трактористом. О муже никогда не говорила, погиб он, видно, на гражданской, но, судя по большому дому на две половинки, одну из которых мы и снимали, жили они до революции неплохо, крыт дом был железом. В деревне всего три дома таких стояло, остальные все дранкой крыты. В колхоз они вступили охотно, так как землицы на двоих отпущено было немного.

Степан, часто заходящий к нам, при встречах с Ефимией Михайловной, как правило, начинал с ней игривый разговор, вроде того, что бросит он свою старуху, уж больно глупа и сварлива, ему бы под стать вот такая рассудительная и умная женщина, как Ефимия Михайловна.

— Пустой ты мужик, Степан Васильевич, язык у тебя без костей. балабонь разны глупости, — отвечала она на это.

— Какие глупости? Я со всей сурезностью, Ефимия. Можно сказать, всю жизнь мечтал умную бабу найти, да вот не повезло.

— И не повезет. Для этого самому ума надо иметь, — улыбалась она.

— А я разве без ума? На мне, поди, вся стройка держится. Спроси хоть Алексеича, жильца твоего. Он скажет, без степановых лошадей, которые и напоены и сыты, ни лесу не привезти, ни камня. Один же у нас автомобиль, и тот в ремонте больше, да на нем по нашим дорожкам и не проедешь, а лошадка, она везде пройдет... Вот так, Ефимья, а ты — ума во мне мало. Ошибочка выходит. Ты, милая, ко мне присмотришься получше. Я мужик еще в силе. Пятьдесят годков, а седины-то нет. Ни в бороде, ни на голове. Подумай.

— Да чего тут думать? Старые мы уже, Степан Васильевич. Людей только смешить.

— Старый конь борозды не портит, — смеялся Степан, обнажая ряд белых крепких зубов.

— Знаем мы эту присказку... Похвалыбы в тебе, Степан, много.

— При чем похвалыба. Мы родим еще с тобой.

— Как раз в этакое время рожать. Умнее ничего не надумал?

Вот такие приблизительно разговоры с небольшими вариациями слышал я постоянно при встречах Степана с нашей хозяйкой.

Иногда Ефимия Михайловна приносила лепешки и без картошки, но такие же вкусные. Вообще в деревне еда была обильнее, чем в Москве, где продукты были по карточкам, да и на них, кроме хлеба, почти ничего не давали, а если и давали, то стояли огромные очереди. Вместо мяса выдавались или бычьи семенники, или синеватого оттенка кролики, которых в народе называли «сталинскими быками»... В деревне же имелось молоко, яйца, на рынке в районном центре можно было купить и мясо, и сливочное масло. Стоило это дешево, но помню, что покупалось понемногу того и другого. Кстати, отец часто говорил матери, что хоть и изматывает его стройка, но все же здесь мы сыты...

Моих сверстников в нашей деревне почему-то было мало. Наверно, потому, что в девятнадцатый и двадцатый годы шла гражданская и мужики воевали. Немного было ребят и старше меня, тут мировая война виновата, зато мелюзги — хоть отбавляй. Она-то и сопровождала меня всюду — и на речку, и в лес по грибы... На речку, кроме купанья и плавания, было еще одно развлечение. Имелась у меня игрушечная яхта, очень хорошо сделанная, как настоящая — с тяжелым килем, рулем, двумя парусами и всеми причндалами. На этой яхте можно было совершать разные маневры, которые я узнал из книги «Парусный спорт», только не ходила она у меня против ветра, что должна делать настоящая яхта. Тут, правда, мешало течение. Но когда шла она, накренившись, с надутыми парусами, разрезая носом воду, вызывая восторг окружающей меня ребятни, глядеть на это было любо-дорого. Мечтал я, вот вырасту и займусь парусным спортом на настоящей яхте на Москве-реке, буду поражать мастерством знакомых девчонок; но, увы, этим мечтам, как и многим другим, кстати, не суждено было сбыться. Не в то мы родились время...

В один из прохладных дней, когда на речке делать было нечего, болтался я, разумеется, на стройке. Побывал на конюшне у Степана, где угостил Пионера и Красотку хлебом, поглазел на пыльщиков, на их тяжелую, но красивую работу, посидел около движка с одноглазым теперь механиком. Давно мне хотелось спросить его, из револьвера или пистолета его ранило, но не решался, не решился и сегодня — вопрос-то слишком деликатный. Потом прошел к конторе... И тут я впервые в жизни услышал, как у отца, распекавшего кого-то, вырвалось матерное слово! И слово-то почти литературное, встречавшееся в некоторых изданиях у Пушкина, но я был поражен и подавлен. И не потому, конечно, что не слыхал этих слов никогда. Слыхал... И похабные частушки на вечерних гулянках, и мальчишки деревенские щеголяли порой матерными словечками, и у Степана порой вырывалось при мне ругательство, но сегодня услышал я такое от отца. И что-то во мне перевернулось. Как он может? Значит, он такой же, как и все? Отец, разумеется, меня не видел, когда сказал такое, но все равно...

Как убитый, понуро полпелся я от конторы, раздумывая, не поделиться ли этим с матерью? Может, она скажет отцу как-то осторожно, какое впечатление произвело это на меня, что как-то упал отец в моих глазах...

Домой я пришел мрачный, мать стала допытываться, в чем дело, но уже по дороге я решил матери не говорить, незачем ей знать о таком. Когда отец пришел на обед, то я не мог глядеть на него, мне было стыдно. Но он ничего не заметил, по своему обыкновению. Тонкостью чувств, как часто твердила мать, он не обладал. Да и некогда ему было разбираться в настроениях близких; обедая всегда торопясь, почти не разговаривая с нами. Единственное, что он себе позволял, — это выкурить неспешно послеобеденную папироску. Папиросы он курил хорошие, каких в продаже давно не было. Его тетка, старая большевичка, давала ему, когда он приезжал в Москву, свой пропуск в закрытый распределитель, называвшийся почему-то Гортом, то есть просто «городской торговлей», и там

можно было без отрыва карточных талонов купить сколько хошь папирос и конфет. Так вот, вытаскивал он из портсигара толстую папиросину «Дели» и позволял себе ее выкурить в собственное удовольствие. Уходя, он бросил мне, что на неделе мы съездим с ним на Красотку в одну деревню, верст за десять, по делу. Увы, даже это не очень обрадовало меня, так подействовал случай у конторы.

Но дни шли, неприятный осадок от услышанного мало-помалу растворялся, и опять я шатался по стройке. От конюшни к камнерезам, от них к пильщикам, но вот вижу — на взмыленной лошади, запряженной в двухколесные дрожки, вроде беговых, влетел на стройку краснолицый человек в военном френче, хромоты сапожках, остановил резко разгоряченную лошадь, выскочил и громко спросил работавших:

— Где тут у вас контора?

Ему показали на конторский домик, и он широкими шагами направился туда.

— Из РИКа, видать, — заметил кто-то.

— Да, начальник какой-то...

— Это вроде сам предрика, — определил одноглазый механик. — Небось «сигнал» получил.

Надо сказать, что «сигналов» со стройки шло много, и приезды разных начальников и проверяющих были нередки. После чего отец долго ходил нахмуренный, злой. Он-то эти «сигналы» называл доносами.

Я, конечно, ноги в руки и к конторе, вслед за предрикой. Догнал я его у двери, когда он, растворив ее настежь, входил в контору. Отец стоял у модели моста, которую делал сам всю зиму, заполняя нашу пятнадцатиметровую комнату деревянными стружками каждый вечер, и что-то объяснял двум плотникам.

— Ну, инженер, рассказывай, что тут у вас случилось? — спросил грубо краснолицый.

Отец поднял голову, посмотрел на предрику, узнал его, видимо, и спокойно сказал:

— Здравствуйте, во-первых. А во-вторых, не помню что-то, чтоб мы с вами на брудершафт пили, ну, а в-третьих, вы мою фамилию должны знать, — и повернулся к плотникам, сказав им, продолжая прерванный разговор, что эту сложную врубку без него пусть не делают, он придет и покажет.

— Мне, инженер, не до церемоний, авария у вас, опора развалилась, а вы тут разговоры разговариваете.

— Какая опора? По счету?

— Какую по счету, не знаю.

— Так пойдите и посмотрите, — спокойно ответил отец и нагнулся над чертежом. — Иван Дорофеевич, проводите, пожалуйста, товарища на мост, — сказал отец пожилому бородавчатому плотнику.

Предрика и плотник вышли из конторы, а я за ними. По дороге я слышал, как плотник сказал:

— Вы бы, дорогой товарищ, меньше бы всякой сволоты слушали, лучше бы с цементом да с лесом помогли.

Тот повернулся к плотнику резко.

— Значит, в порядке опоры?

— Конечно. Кто такую глупость сказать мог. Инженер наш хоть и беспартийный, но за дело болеет, бьется как рыба об лед, а тут всякие сигналы, один за другим...

— А что бывших кулаков на стройку берет, разве неверно? — буркнул предрика.

— Каких кулаков? Тоже брехня.

Вышли к мосту, предрика кинул взгляд на две ближние береговые опоры, покачал головой, выругался и направился к своим дрожкам.

Я смотрел вслед председателю РИКа, бросившему свою лошадь с места в галоп, и всплыли в памяти редкие высказывания отца о своей работе, которыми он делился с матерью. Однажды сказал он, что эта стройка будет стоить ему многих лет жизни, что если бы он не сам проектировал этот мост, то вряд ли согласился его строить; в другой раз говорил о том, что страшно мешают разные клеветы и доносы, которые сразу принимаются на веру в райкоме и райисполкоме, так как он инженер еще дореволюционного выпуска, а значит, потенциальный «вредитель», что одна его путевая фуражка сразу вызывает недоверие и отчужденность. Но очень редко были такие разговоры; со стройки отец приходил глубокоим вечером, ужиная и ложился спать, рано утром уходил, когда ему было разговаривать.

Но вот в одно утро, за завтраком, отец сказал мне, чтоб я сказал Степану запречь Красотку к одиннадцати часам, и мы поедем в деревню, о которой он говорил. В десять я был уже в конюшне и сам запрягал Красотку, Степан только проверил затяжку хомута, пробурчал «добре», а к одиннадцати я подал тарантас к конторе.

Через реку переправились мы у деревни Городок, где стоял временный деревянный мостик, сносимый ежегодно весенним паводком, миновали деревню и свернули вправо на грунтовую российскую дорожку, по которой ездить хорошо только в летнюю пору. Кое-где пускал я Красотку хорошей рысью, но большую часть дороги шла она трусцой, а то и шагом. Старый тарантас, хоть и на рессорах, так скрипел на ухабах,

что, боялись мы, вот-вот развалится он на ходу, а потому отец придерживал мою прыть: — «Не гони, сынок, не гони...»

В проезжаемых деревнях на наш начальственный тарантас опасливо косились, а когда мы останавливались, чтоб спросить дорогу на Алешино, куда нам было надо, отвечали как-то неохотно, а один старик полюбопытствовал, а зачем нам туда? Отец сказал, что по делу.

— А по какому делу, ежели не секрет?

Отец коротко ответил, что стройке предложили купить там дом на вывоз. Старик почесал в затылке и задумчиво пробормотал:

— Чей же это дом-то? Вроде там пустых изб нет, там вроде никого не кулачили... Неужто Ефимку Борзова надумали?.. Больше некого. Вот беда-то...

Отец пропустил, как мне показалось, эти слова мимо, командовал мне «трогай», и мы поехали дальше. Версты через три на взгорке показалось Алешино, издали очень живописное и зеленое. И правда, когда въехали на горку, то окружили нас со всех сторон могучие липы, дававшие и тень, и уют этой небольшой деревеньке. Остановились мы в середине селения, около стоявшего на дороге бритого мужичка в кепчонке. Рядом играла во что-то деревенская ребятня.

Отец спросил, где найти председателя колхоза.

— Я и есть председатель, — подошел бритый, пахнув перегаром. — По какому делу прибыли?

Отец сказал, и тут я увидел, как подошедший вместе с председателем мальчик лет восьми-девяти, очень по-взрослому и озабоченно глядевший на нас, то есть больше на моего отца, сразу припустился бегом после ответа.

— Езжайте, я покажу дом, — сказал председатель и пошел впереди лошади.

Не больше ста метров мы проехали, как услышали какой-то вой, а подъехавши поближе, определили, что вой идет из стоявшего неподалеку дома, и чем ближе мы к нему подъезжали, тем сильнее и надрывнее этот вой был слышен. Отец недоуменно пожал плечами.

— Вот эта изба, — остановился председатель, указавши рукой на дом, в котором после этого жеста вой усилился.

Здесь увидел я, что из каждого оконца дома глядели ребячьи лица с расширенными глазами и открытыми ртами. Они-то и были. А из одного окна глядела старуха, сверля ненавидящими глазами всех нас — и председателя, и моего отца, и Красотку, и тарантас. Из дома вышел мужичка с черной бородой в неподпоясанной рубашке и молча уставился на нас мрачным взглядом.

— Так здесь же живут? — удивился отец.

— Выселяем мы их, — небрежно и равнодушно бросил председатель, сплюнув. — Хватит. Попили нашей кровушки.

— Это вашей-то? — холодно спросил отец, сдвинув брови.

— Ну, не моей, так чьей-нибудь... Мое-то дело какое? Приказали, разрядку из РИКа прислали на докулачивание, — добавил он, почувствовав неодобрительный тон отца. — Может, и зря, но не нашего ума дело.

Они еще о чем-то говорили, но я уже не слышал, я смотрел на этот дом, в ушах моих стоял вой, то утихающий, то усиливающийся, и резал душу... Из избы выскочила женщина с заплаканным лицом и хотела было броситься к нам, но мужчина грубо остановил ее, схватил за руку, а потом что-то сказал ей отрывисто и оттолкнул. Она бросилась обратно в дом, и я видел, как металась она у окон, оттакая от них детей. Вой утих, окошки стали пустыми, только из крайнего окна так же ненавидяще глядела старуха. Губы ее шевелились, и непонятно было, молилась ли она, или посылала нам проклятия. К моему горлу подкатывал комок, к глазам — слезы, я не выдержал, громко всхлипнул и, повернувшись к отцу, почти крикнул:

— Поедем, папа, поедем!..

— Да, поворачивай.

Я тронул вожжи и развернул Красотку. Председатель криво усмехнулся.

— Отказываешься, значит, начальник? Зря, дом справный... Тоже мне, мальчонку послушал.

Отец хлестнул лошадь, Красотка, не привыкшая к кнуту, рванула тарантас. Повернувшись назад, я видел, как председатель с презрительной ухмылкой глядел нам вслед — пожалели, дескать, городские... Так же вслед нам смотрели мужик в неподпоясанной рубашке, его жена и высыпавшие из избы ребяташки. Было их много, человек шесть или семь чумазных, заплаканных, кое-как одетых...

Когда спустились с взгорка, отец взял вожжи и перетаскивал меня на заднее сиденье, обняв одной рукой. Я прижался к нему и заревел уже по-настоящему. Он ничего не говорил, только прижал меня крепче к себе... Отъехал от Алешина с версту, отец сказал:

— Откуда я мог знать? Мне не сказали... Ладно, забудь об этом.

Но забыть мне это не удалось. Помню все и по сию пору...

МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ

*Оторванный от неба и земли,
С издерганной, измученной душой
Стою, как призрак в солнечной пыли,
Над малой родиной и над большою.*

*Мне б от обиды крикнуть в небеса!
Но голос мой уже настолько
дальний,
Что различимы больше голоса
Пустых надежд, напрасных
ожиданий.*

*Мне бы упасть,
лицом к земле припасть!
И захлебнуться бы слезою душевною,
Но надо мною беспредельна власть
Всеобщего молчания, равнодушья.*

*И у кого мне с ужасом спросить
О том, как стал я холоден к народу,
И через сколько пропустили сит
Мою необозримую свободу?*

*Мне бы спросить об этом у небес,
Но небеса унижены и смяты,
И вместо грома взвздущий бес
Устроил барабанные раскаты.*

*Мне бы спросить об этом у земли,
Но мечется земля, твердит землица
Одно и то же: «Как же вы могли!..»
А что «могли»,
сказать, как мать, стыдится.*

*Ухожу от суетливой славы,
Но не ухожу от суеты.
Есть перо, и есть святые, право,
Чистые бумажные листы.
Быть постыдно притчей во языцах,
Жизнь свою прожить навеселе
И не видеть на крестьянских лицах
Равнодушья к хлебу и земле!
Не грешно ли в славе заблываться,
Кутаться в эстетский пуловер,
Если стали мы
в душе стесняться*

*Званий:
воспитатель, инженер?!
Не грешно ли возвышаться гордо
Над «толпой»,
глаголить в кураже,
Если в государстве дел по горло
Непростых на трудном вираже?!
Ты — поэт!
И есть святые, право,
Чистые бумажные листы.
Уходи от суетливой славы,
Но не уходи от суеты.*

*Покорившись судьбе, жили двое.
По утрам на работу бежали.
И меняли в квартире обои.
Над хрустальным сервизом дрожали.*

*Невидя друг друга, играли
На виду золотую семью.
Ну, а сами тишком воровали
Друг у друга надежду свою.*

*И, затянуты долгой игрою,
Всюду рядышком, всюду вдвоем!
«Как живете?» — их спросят порою.
«Хорошо, — отвечают, — живем».*

*В сложном, противоречивом
Веке
попривыкли мы
Легкой музыкой и чтивом
Ублажать свои умы.
И, расслабленно глаза
В телевизор (вот наркот!),
Подпеваем ротозеям:
«Миллионы алых роз»!
И, от музыки балдая,
Забываем обо всем,
О планете.*

*А над нею
Меч смертельный занесен.
Лишь в ночи, во тьме незрячей,
Прикрываясь жуткой тьмой,
Заполет душа, заплачет:
«Черный ворон, я не твой...»*

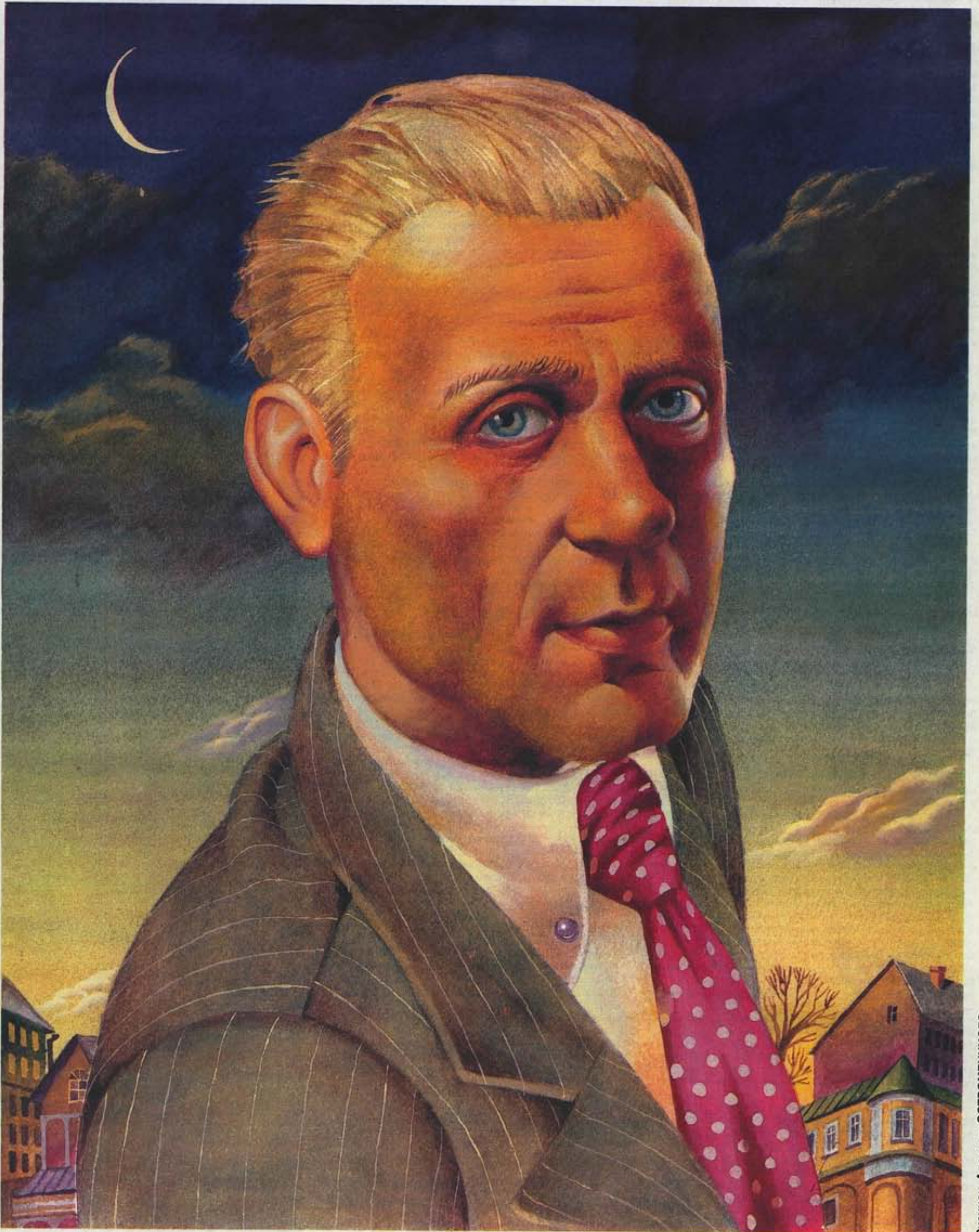

Рисунок Алексея ОСТРОМОНЦКОГО

Булгаков

Владимир
ЛАКШИН

Булгакова стали вспоминать с опозданием: спустя 25 лет после его смерти. На нашей памяти лицо его, постепено высветиваясь, проступало из тусклой тени.

Хорошо помню время моего студенчества, пришедшее на начало пятидесятых годов, когда за Булгаковым была стойкая репутация «забытого писателя» и, произнося его имя, даже в среде филологов приходилось долго растолковывать, что кроме «Дней Турбиных» («а-а, «Турбины»... — слабый след воспоминания на лице) этот автор сочинил немало драм и комедий да еще писал и прозу. И вдруг за какие-нибудь пять — семь лет возник «феномен Булгакова».

В 1962 году вышла написанная им тридцатью годами раньше биография Мольера.

В 1963-м — «Записки юного врача». В 1965-м — сборник «Драмы и комедии» и «Театральный роман».

В 1966-м — том «Избранной прозы» с «Белой гвардией».

В 1966—1967 годах — «Мастер и Маргарита».

Его известность нарастала как шквал, из литературной среды перешла в широкую среду читателей, переклестнула отечественные границы и могучей волной пошла по другим странам и континентам.

Восстановление забытых имен — естественный процесс обогащающейся наследием культуры. Но то, что случилось с Булгаковым, не имело, пожалуй, у нас прямой аналогии. Им зачитывались студенты и пенсионеры, его цитировали школьники; кот Бегемот, Воланд, Азазелло и Маргарита переходили в бытовую фольклор. Дольше других медлили с признанием Булгакова критики и профессора литературы, не давая его творчеству заметной цены и отнесая в общий перечень числительный литературный ряд, где ему определялось место уж отнюдь не в первой шеренге. Возник разговор и о «моде» на Булгакова. Явилось подозрение, что интерес к нему искусственно подогрет и с ходом времени схлынет.

Между тем время, которое, казалось, прежде работало против Булгакова, обречая его забвению, будто повернулось к нему лицом, обозначив бурный рост литературного признания. В 1975 году интерес к Булгакову был сильнее, чем в 1965-м, и не остыл к 1985-му. Более того, нет примет, чтобы в ближайшем десятилетии интерес к писателю пошел на убыль.

«Рукописи не горят». Посмертная судьба Булгакова подтвердила неожиданный афоризм-предсказание. Это поразило воображение многих читателей-современников, как когда-то прозрение юной Цветаевой:

*Моим стихам,
как драгоценным винам,
настанет свой черед.*

Как еще прежде ошеломляло пушкинское:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой...*

Писатели большой судьбы знают о себе что-то, что мы о них до поры не знаем или не решаемся сказать. На этом перекрестке возникает интерес

к самой фигуре творца, к его биографии, личности. Почему мы так мало знали о нем? Почему с каждым годом он все более интересен?

В пьесах Булгакова — в самом их движении и словесной фактуре — было какое-то сильное излучение, которое иногда называют неопределенным словом «обаяние», исходившее поверх многоголосия лиц как бы от самой личности автора. Еще отчетливее и ближе лирический голос его прозвучал для нас в прозе. И хотелось больше узнать о человеке, который так умеет думать, так чувствует и так говорит.

Лев Толстой писал: «В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?» Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев — мы ищем и видим только душу самого художника».

Этот-то интерес к душе художника, возникающий при чтении его книг, побуждает нас продлить свое любопытство, распространив его и на то, что эту душу воспитало и сложило, — его биографию и эпоху, вектор его судьбы.

Судьба Булгакова имеет свой драматический рисунок. В нем, как всегда кажется издали и по прошествии лет, мало случайного и отчетливо проступает чувствознание пути, как называл это Блок. Будто заранее было предсказано, что мальчик, родившийся 3(15) мая 1891 года в Киеве в семье преподавателя духовной академии, пройдет через тяжкие испытания эпохи войн и революций, будет голодать и бедствовать, станет драматургом лучшего театра страны, узнает вкус славы и гонения, бури овец и пору глухой немоты и умрет, не дожив до пятидесяти лет, чтобы спустя еще четверть века вернуться к нам своими книгами. В биографии Булгакова выявляется несколько «узлов» или болевых точек, которые и притягивают к себе наибольшее внимание — оттого ли, что о них больше всего говорится, или, напротив, оттого, что они до сих пор остаются загадкой.

Одна из легенд, связанных с именем Булгакова, заключалась в том, что хотя он начал писать поздно, но сразу с удивительной самобытностью и зрелостью. «Записки на манжетках» (1921—1922) давали представление о молодом мастере, как бы миновавшем пору робкого ученичества. Воспоминания о молодых годах Булгакова позволяют заметно корректировать такое мнение, раздвигавшееся прежде и автором этих строк, а заодно проследить корни возникшего литературного чуда. Первая половина жизни Булгакова, тонущая прежде для биографов в неясных сумерках, может теперь быть полнее представлена благодаря записям мемуарных рассказов его близких — сестры Надежды Афанасьевны Земской и первой жены Татьяны Николаевны Кисельгоф (Лаппа).

Афанасий Иванович Булгаков, отец писателя, родом из Орла, окончил там духовную семинарию, пойдя по стопам отца — сельского священника. Мать, Варвара Михайловна Покровская, была учительницей из Карачева той же Орловской губернии, дочерью соборного протоиерея. Дар, необходимый священнослужителю, заключался, как изве-

стно, не в последнюю очередь в владении тайной впечатляющего слова, импровизационной и доходчивой проповеднической речью. Не обойдем вниманием и то, что традиции этой благозвучной и чуткой речи сложились в коренном российском подстепье, на Орловщине, что дала России таких писателей, как Тургенев, Лесков и Бунин.

Сам Булгаков утверждал в «Автобиографии», что написал свой первый рассказ как-то ночью в 1919 году «глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина...». Дело автора — как датировать рождение в себе писателя, с какого момента числить начало своей литературной работы (хотя и этот рассказ, опубликованный, по-видимому, в грозненской газете, до сих пор не найден). Однако уже в семилетнем возрасте в пору, так сказать, эмбрионального развития он писал рассказ «Похождения Светлана».

Будучи начинающим врачом в Вязьме, Булгаков, видимо, впервые попробовал всерьез и свое перо: написал рассказ «Зеленый змей» (возможно, начальный вариант рассказа «Морфий»). Лишь по названиям известны и другие ранние опыты Булгакова — рассказ «Белый цвет» и еще то ли повесть, то ли рассказ «Недуг». Ни одна из ранних рукописей не сохранилась, и можно только гадать об их содержании, как о токе подпочвенных вод.

Ключ вырвался из-под земли, забил сильный свежий источник, и мнится, что это чудо. Но вода текла на глубине, незримо пробивая свой тайный путь, накапливаясь и набирая силу, пока не вышла наружу. Так и талант Булгакова возник для читателей почти внезапно, и лишь теперь мы узнаем его истоки.

Таким образом, мы уходим от иллюзии, будто писатель возник в литературе «готовым», вышел, как Афина из головы Зевса, и полнее понимаем мир сложившихся его талант традиций, влияний и трудностей собственного роста.

Известно теперь, что большой драматургии Булгакова, начатой «Днями Турбиных», предшествовали те пять малоудачных пьес, написанных во Владикавказе в 1920—1921 годах («Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи», «Сыновья муллы», «Парижские коммунары»), которые автор уничтожил (по случайности сохранился текст одной из них) и о которых желал бы забыть навсегда. Современный исследователь высказывает остроумную догадку, что значение этой «преддраматургии» Булгакова не столько в том, что он проверял и отработывал в ней приемы будущего сценического письма, сколько в том, что он понял, как не надо писать. Нельзя писать из тщеславия и второпы, не надо писать «по заказу» и «на тему». Чувство «эстетического стыда», как называл это Лев Толстой, за свои незрелые опыты — лучший двигатель художественного совершенства.

Становятся яснее и литературные предтечи, мир образовавших его художественный вкус читательских пристрастий. Смолоду среди любимых авторов Булгакова были Гоголь, Чехов и Щедрин. Если о первых двух легко было догадаться и к изучению, скажем, «гоголевских» мотивов в его творчестве уже посвященные солидные исследования, то значение Салтыкова-Щедрина для автора «Мастера и Маргариты» мы, похоже, недооценили.

Дополнительный свет на эту тему проливает редкое для Булгакова прямое автобиографическое признание, ставшее известным благодаря опубликованной лишь в наши дни анкете «Литературного наследия»:

«...Я начал знакомиться с его произведениями, будучи примерно в тридцатилетнем возрасте... В дальнейшем я постоянно возвращался к перечитыванию салтыковских вещей. Влияние Салтыков оказал на меня чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относится к окружающему надлежит с иронией. Сочиня для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приемам Салтыкова, причем немедленно добился результатов: мне не однажды приходилось сориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны.

Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные клематинки, рукоуси и лапотники, майор Прыщ и бывший прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным.

Каков Щедрин как художник? Я полагаю, доказывать, что он перворазрядный художник, излишне».

После кратковременного пребывания в московском ЛИТО (Литературный отдел Главполитпросвета при Наркомпросе) Булгаков стал сотрудником газеты «Накануне», издававшейся в Берлине, и московского «Гудка». В первую четверть века, вместившую в себя столько грозных событий и преображений, люди литературного мира, вообще говоря, не были обделены разнообразным и большей частью суровым опытом. Но Булгаков и в этом смысле выделялся среди более молодых коллег (Э. Миндлина, И. Овчинникова, В. Катаева). Он успел поработать врачом в прифронтовых госпиталях, знал глухую русскую провинцию, оказался свидетелем кровавых событий гражданской войны в Киеве, участвовал в стычках с горцами на Кавказе, принимал пациентов как врач-венеролог, а также успел побывать актером, конференсье, лектором, составителем словаря, инженером в научно-техническом комитете, и все это вместе с репортерской и иной газетной работой отложилось в памяти.

Случалось, Булгаков досадовал на мелкую газетную работу, мешавшую ему заняться сосредоточенным литературным трудом, но нельзя сказать, чтобы она не послужила ему своей службой и была лишь вредна таланту. И дело не только в том, что Булгаков, что называется, набил руку на этой «скорописи», растормозил свой творческий аппарат, что всегда важно начинающему. Существеннее, пожалуй, что он черпал в приемах фельетона нечто значительное для формирования своего зрелого стиля. Раскрепощенная, открытая лирика соседствует с живым и низменным — речью улицы и коммунальной квартиры, создавая завораживающий эффект высокой литературности и одновременно свободной устной речи.

Елена Сергеевна Булгакова свидетельствовала, что в 1921—1925 годах Булгаков вел дневник. В этом дневнике он тщательно фиксировал, между прочим, ускользающие черты каждодневного быта: погоду на дворе, цены в магазинах, не пренебрегал указаниями на то, что ели и пили, как одевались, на каком транспорте ездили его современ-

ники, люди, с которыми он встречался в гостях и дома. Впоследствии, как известно, дневники Булгаков не вел, но поощрял жену вести хотя бы самые скромные записи; иногда сам диктовал их, стоя у окна и глядя на улицу.

Он чувствовал себя пристрасным летописцем времени и своей собственной судьбы. И, зная, что первыми сглаживаются в памяти летучие приметы быта, обихода, именно их старался точно, «фотографически» запечатлеть. Не оттого ли и в прозе Булгакова, где такой простор дерзкой фантазии и вдохновенному вымыслу, так натурален «цвет» и «вкус» времени? На этом стыке и рождается обаяние современности его искусства.

Те, кто встречался с Булгаковым в московских редакциях в 20-е годы, вспоминают его по преимуществу человеком несловоохотливым, будто охранявшим в себе что-то, и, несмотря на вспышки яркого юмора, отчужденным в компании молодых энтузиастов-газетчиков. Он вызывал изумление своей дохой (И. Овчинников называет эту одежду «русским охабнем»), своим крахмальным пластроном, моноклем на шнурке, которые при скромном его достатке были скорее знаками чего-то желанного, чем роскошной, не по эпохе одеждой. Монокль Булгакова представлял как бы оппозицию футуристической желтой кофте. Там декларировался эпатаж, разрыв с традицией, здесь — демонстративное следование ей. В этом, похоже, был элемент театральности, никогда не чуждый Булгакову. Но больше — позиция самозащиты, недопущения к своему «я», некоторой маски, скрывавшей легкую ранимость.

Дивясь его франтоватому «буржуазному» облику, многие обманывались. А он будто ставил своей целью смутить демонстративной симпатией к «франчицам» поклонников «синей блузы» и модному новатору Мейерхольду противопоставлял традиционную оперетку с бесподобным Ярлоном. Растерянность видна и у некоторых современников. Э. Миндлин дивится его старомодным манерам («извольте-с», «как вам угодно-с»), ослепительным рубашкам с гипсово-твердыми воротничками, вытуженным брюкам. Порой за чистую монету принимали иронические объяснения и тайные розыгрыши Булгакова.

Елена Сергеевна рассказывала, что Булгаков, рассказывая по комнате, под впечатлением только что прочитанной газетной статьи, случалось, напевал на мотив «Фауста»: «Он рецензент... убей его!» Неблагодарное отношение писателя к критике можно понять. Он тщательно собирал и собственноручно вклеивал в альбомы отзывы о своих произведениях, прежде всего о пьесах. Среди них, по его подсчетам, было 298 отрицательных и три положительных.

Для чего он делал эту странную работу? Что за вывернутое наизнанку тщеславие — собирать нелестные отзывы о себе, образцы добросовестного непонимания и злонамеренной клеветы? Приведу хотя бы одну цитату из этих булгаковских вырезок — слова из газетного отчета о постановлении секретариата РАППа — «Советское искусство», 1931, 20 декабря. Творчество Булгакова расценивалось здесь как «прямая вылазка классового врага («Дни Турбиных», «Бег»), идеалистический гуманизм, упадничество и порнография («Зойкина квартира»)». По-видимому, «проклинаемый на всех соборах» автор был уверен, что по закону справедливости, равнозначному в своей объективности физическому закону сохранения энергии, все эти отзывы со временем обретут иной знак, плюс и минус поменяются местами, и энергия отрицания для современников обратится в энергию утверждения для людей будущего.

Обычно люди живут безотчетно — изо дня в день, не ощущая поступи истории и, во всяком случае, не соотнося с нею свое бытие. У Булгакова было ощущение включенности в исторический процесс. Это подсказало ему особое отношение и к кончавшейся литературе полемики. Он не хотел, чтобы по-

томки забыли имена его гонителей и душителей. И в «Мастере и Маргарите» навеки запечатлел собирательный образ критика Латунского, мастера печатной ябеды, скрепив в самом звучании имени персонажа О. Литовского и А. Орлинского.

Годы спустя преданный молодой друг, сын Елены Сергеевны Женя Шилловский, составил список «врагов Булгакова», и оказалось, что эта наивная домашняя затея была не совсем напрасной. В годы возрождения имени Булгакова и новой славы объявилось достаточное количество прежде молчавших о нем «друзей». Быть другом или хотя бы дальним знакомцем Булгакова стало не опасно, а лестно. Но когда, считаясь с новым читательским сознанием, некоторые из былых недоброжелателей Булгакова попытались, вспоминая его, обелить себя, Елена Сергеевна не пошла ни на какие компромиссы. Даже В. Шкловскому, близоруко отозвавшемуся на литературные дебюты Булгакова эффектной фразой, что молодой автор напоминает ему «рыжего» у ковра («Гамбургский счет»), а его успех — лишь «успех впопыхах приведенной цитаты» («Наша газета», 1925, 30 мая), близкие писателя никогда не смогли этого простить. Что же говорить об И. Кремлеве или О. Литовском, которые на склоне лет попытались корректировать историю и задним числом оправдать свое былое отношение к Булгакову! Нет, не напрасно собирал он газетные вырезки.

Обращает на себя внимание, что среди друзей Булгакова или хотя бы близких знакомых, бывавших в его доме, писатели оказались в меньшинстве. Эта среда не стала для него своей. Последние (и творчески самые важные) десять лет он редко ходил в гости. Принимал гостей у себя: бывало и хлебосольно, и весело. «У нас лучший трактир в Москве», — восклицал, развеселившись, Булгаков. Но хозяин дома был настроен против случайных знакомств, чувствителен к возможной зависти, наушничеству и т. п. Характерно, что он охотнее общался с литераторами старшего поколения — В. Вересаевым, Е. Замятиным, М. Волошиным, А. Ахматовой. Это был тот тип личности, та культура, которая была ему более родственна. Из молодых ближе других оказались ему А. Файко и И. Ильф. С В. Катаевым, Ю. Олешей, Б. Пильняком прочной дружбы не возникло. А. Фадеев навещал его и познакомился с ним лишь в последние месяцы болезни. Тогда же появились в его доме Б. Пастернак, К. Федин.

Герой «Театрального романа» Максудов, познакомившись с писательским миром на вечеринке, где Измаил Александрович рассказывал о Париже, говорит самому себе «полную правду», лишь когда остается один.

«Я вчера видел новый мир, и этот мир мне был противен. Я в него не пойду. Это — чужой мир. Отвратительный мир! Надо держать это в полном секрете, т-сс!».

Тщеславие, фанфаронство и зависть — вот что отталкивает героя Булгакова от литературной среды, в какую он попал. И, напротив, первые же впечатления Максудова от театрального мира, таинственного и манящего мира сцены таковы, что герой задумчиво признает: «Этот мир мой...».

Чтобы понять настроения Булгакова той поры, мало иметь в виду всем наглядную историю его отреченных пьес и книг. В 1929 году пьесы его были сняты повсюду, и вскоре в выступлении на XVII губернской партконференции драматург Виктор Киришон вел уже борьбу не с самим списанным со счета Булгаковым, а с «подбулгачниками». (В накале борьбы с кулаками и подкулачниками слово было рассчитано на мгновенный классовый рефлекс.) К весне 1930 года, лишенный, по его выражению, «огня и воды», Булгаков дошел до губительного отчаяния. Он искал любую работу, пробовал заниматься рабочим, дворником — его не брали. Он стал думать о том, чтобы застрелиться, носил с собой револьвер.

В конце двадцатых годов у него был произведен обыск, изъяты все рукописи, дневники. Булгаков подал тогда заявление, где писал, что, если его литературные работы не будут ему возвращены, он больше не может считать себя литератором и демонстративно выйдет из Всероссийского союза писателей (был такой предшественник ССП). Его пригласили на Лубянку. Перед следователем лежало заявление Булгакова. Указывая на ящики своего письменного стола, следователь сказал, что все тетради Булгакова лежат здесь. Ему вернут его бумаги, если он заберет свое заявление и не будет о нем вспоминать. Булгаков ушел, неся в кармане заявление, а в руках — пачки исписанных им тетрадей. Придя домой, он бросил дневники, которые вел с 1921 года, в печь. Больше он никогда не вел дневников.

В театральной среде Булгаков укрывался в 30-е годы как в некоей экологической нише. Были годы, когда он чувствовал себя очень одиноким. При отсутствии отзыва со стороны читательской публики таланту необходим хотя бы минимум самоутверждения, чтобы не бросить перо. Конечно, его согревали безусловная вера в его дар и поддержка близких людей, прежде всего Елены Сергеевны, страстного его почитателя и добровольного биографа П. С. Попова, Н. Н. Лямина и других. Пренебрежение или равнодушие подстергало его в литературной среде. Он и сам избегал суеты салонных и клубных общений, о шумных литературных заседаниях желчно отзывался как о «бале в лакейской». Но по природе Булгаков был общителен и, пережив приступ меланхолии, тянулся к людям.

Театр влек его как дружное, коллективное дело, общий праздник. Он давал выход из одиночества. В среде литераторов малейший его успех возбуждал ревность, и он чувствовал себя под перекрестьем недобрых взглядов, как его герой Максудов, когда имя его появилось на афише рядом с Шекспиром и Лопе де Вега. Для актеров, напротив, он был любимым автором театра, божеством, сочиняющим чудные реплики.

Однако с самим театром, с самым дорогим ему театром — художественным — сложились у Булгакова трудные, даже драматические отношения. Театр, триумфально поставивший «Дни Турбиных», которые прошли на его сцене почти тысячу раз, не по своей вине не смог воплотить «Бег», долго тянул с «Мольером», понятиям вразрез с замыслом автора и снятым после шести представлений. Театр измучил драматурга в пору инсценировки «Мертвых душ», а премьеры «Пушкина» («Последние дни») Булгаков так и не дождался.

Известен его конфликт с руководством театра, хотя Булгаков высоко ставил режиссерский гений К. С. Станиславского. Да и чисто по-человечески был навсегда благодарен ему за его благородное заступничество: ведь Станиславский заявил, что, если не разрешат «Турбиных», придется закрывать театр. (Это, по существу, и дало пьесе в 1926 году дорогу на сцену.)

Но в десятилетнюю годовщину «Турбиных» Булгаков с горечью застоявшейся обиды писал П. С. Попову: «Сегодня у меня праздник... Сижу у чернильницы и жду, что откроется дверь и появится делегация от Станиславского и Немировича с адресом и ценным подношением. В адресе будут указаны все мои искалеченные и погубленные пьесы и приведен список всех радостей, которые они, Станиславский и Немирович, мне доставили за десять лет в проезд по Художественного театра. Ценное же подношение будет выражено в кастрюле какого-нибудь благородного металла (например, меди), наполненной той самой кровью, которую они выпили из меня за десять лет».

Высказывание горькое, резкое, но нельзя не понять, что мы имеем дело с конфликтом крупных людей, людей искусства, этим искусством одержимых, и, во всяком случае, все это далеко от мелких счетов и пересудов. П. А. Марков нашел верные и яркие слова о том,

что происходило между драматургом и театром: «Это была дружба страстная, сильная, часто мучительная, но абсолютно неразрывная, порой доходящая — как в постановке «Мольера» — до трагического взаимонепонимания».

Об одном сложном узле биографии Булгакова надо упомянуть особо — о том значении, какое имела в его судьбе фигура И. В. Сталина. В советской литературе 30—40-х годов было мало крупных писателей, в судьбе которых Сталин не сыграл бы ту или иную роль. Фадеев и Шолохов, Ахматова и Мандельштам, Платонов и Пастернак связаны с этой темой. Но случай с Булгаковым особый.

С первых спектаклей «Турбиных» в 1926 году, когда он из ложи аплодировал артистам, тень Сталина, его мнение, его слово как бы незримо сопровождали Булгакова на всем его пути. И вот парадокс: поощряя накал политической борьбы в литературе, который больно сказывался на судьбе Булгакова, Сталин в то же время выступал как бы его покровителем, тайным меценатом.

Эта двойственность заметна уже в известном письме от 2 февраля 1929 года, адресованном драматургу В. Билль-Белоцерковскому, где, отнеся пьесы Булгакова к безусловно «непролетарской» литературе, Сталин в то же время защищал «Турбиных» от крайностей рапповской критики: «Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим... Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков...» Так же двойственно отзывался он и о «Беге», который был несомненно прочитан им в рукописи: с одной стороны — «антисоветское явление», а с другой «...я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние пружины гражданской войны в СССР...».

Булгаков не воспользовался этим советом, и «Бег» не смог выйти на сцену. Вместе с тем «Турбины» на какое-то время оказались под верховной защитой от выходов «неистовых ревнителей» пролетарской ортодоксии.

Можно предположить, что Сталина поразила прямота, безоглядная открытость Булгакова. Подозрительный, боявшийся удара из-за угла, Сталин не мог не отметить неуколочность и чувство собственного достоинства, сквозившее, в частности, и в обращениях Булгакова к правительству. Булгаков писал Сталину несколько раз. На первое письмо от 3 сентября 1929 года, переданное через начальника Главискусства А. И. Свиридского и содержащее просьбу отпустить его с женой за границу, Сталин не ответил, — может быть, письмо и не дошло до адресата. Второе письмо — «Правительству СССР» Булгаков написал в отчаянную минуту, когда он потерял всякую надежду не только печататься, но и получить какую-либо работу вообще. В письме от 28 марта 1930 года говорилось:

«После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздавать голоса, подающие мне один и тот же совет:

сочинить пьесу «коммунистическую» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях и уверения в том, что отныне я буду работать как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Наверяд ли мне удалось бы предстать пе-

ред Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым».

Приведу многочисленные примеры несправедливой, уничижающей критики его пьес в печати, он продолжал: «Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция... Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой власти она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призыв к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если бы кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

Вот одна из черт моего творчества... Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызвали глубочайшее страдание моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями, что сатира М. Булгакова — «КЛЕВЕТА»...

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия БЕССТРАСТНО СТАТЬ НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР.

...Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие, и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны... Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене...

Я прошу принять во внимание, что невозможно писать равносильно для меня погребению заживо...

Я обращаюсь к гуманности Советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

Если же и то, что я написал, неубеди-

тельно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера...

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста-режиссера и актера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шеक्सпировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня...

Если меня не назначат режиссером, я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошу на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, — нищета, улица и гибель».

Это письмо было как крик боли полузадушенного критикой и рапповской «общественностью» человека. Булгаков не обдумывал осторожных фраз, обтекаемых формул, какие могли бы произвестись благоприятное впечатление на адресата, писал резко и прямо, даже с эмоциональными преувеличениями («Я — мистический писатель», «яд, которым пропитан мой язык», и т. п.), желая только одного: если не развязать, так разрубить свой жизненный узел.

В таком письме не могло быть и тени неправды. Елена Сергеевна рассказывала, что, перечитывая письмо перед отправкой, Булгаков споткнулся о фразу: «...лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...» «Но ведь это неправда, одна тетрадь осталась. Если захотят проверить, то узнают, что я сжег не все» — подумал Булгаков. «Надо сжечь». И тут же усомнился: «Но ведь если сжечь все, как я докажу потом, что роман был?» Булгаков разорвал сверху вниз тетрадь с первой редакцией «Мастера», и две трети каждой страницы сжег, а корешок тетради, сохранивший начала строчек, спрятал как возможное доказательство.

Письмо это 28 марта 1930 года было отправлено в семь различных адресов, а экземпляр, предназначенный Сталину, передал ему лично Я. Л. Леонтьев, тогда заместитель директора Большого театра. Ответ был получен с опозданием и лишь один — это знаменитый телефонный звонок от Сталина 18 апреля 1930 года, содержание которого было записано со слов Михаила Афанасьевича Е. С. Булгаковой.

«Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь. А может быть, правда, пустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?»

— Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне родины, и мне кажется, не может. — Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом — мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся».

Таков был этот, решивший судьбу Булгакова разговор, породивший потом множество легенд и живописных переложений в литературной среде, отразившийся и в мемуарах Паустовского, но, по-видимому, точнее всего зафиксированный Еленой Сергеевной со слов Михаила Афанасьевича в приведенной выше дневниковой ее записи.

Этот разговор побудил Булгакова сделать окончательный выбор — работать на своей земле и для своей страны, подвел черту под его сомнениями и колебаниями.

Что, однако, побудило высокого адресата спустя три недели откликнуться на письмо Булгакова? Что произошло между 28 марта и 18 апреля?

14 апреля 1930 года в своей комнате в Лубянском проезде пустил себе пулю

в сердце Маяковский. 17 апреля его похоронили. За три дня около 150 тысяч москвичей прошли в Клубе ФОСП на улице Воровского мимо гроба того, кого вскоре вождь назовет «лучшим, талантливейшим» поэтом эпохи. А спустя всего сутки Булгакову позвонил человек с грузинским акцентом. Простейший политический расчет подсказывал ему, что нельзя доводить до крайности еще одного известного литератора. И так уже прежде покончили с собой Сергей Есенин, Андрей Соболев. А тут Маяковский. Не хватало еще Булгакова.

Булгаков, лишь недавно видевший перед собой «нищету, улицу и гибель», и в самом деле был принят на призрачную, но дававшую кусок хлеба службу в Художественный театр и выбросил револьвер в пруд у Ново-Девичьего моста.

Булгаков еще более убедился, что находится под присмотром и тайной защитой человека всемогущего, когда в 1932 году МХАТу была возвращена давно снятая с афиши пьеса «Дни Турбиных». На спектакле «Горячее сердце» в правительственной комнате за ложей глава театра Немирович-Данченко и обходительный царедворец с изысканными манерами, актер Подгорный, еще недавно встречавший здесь великих князей, принимали теперь кремлевских гостей. В антрактах велись непринужденные разговоры. Сидя на диване перед круглым столиком с цветами, бутылками вина и вазами фруктов и поднося спичку к трубке, вождь обронил, будто невзначай: «А почему давно не идут «Дни Турбиных» драматурга Булгакова?»

Словно бы он не знал, точно не слышал того свиста и улюлюканья, под который еще недавно пьеса была снята из репертуара всех театров страны Главреперткомом. Будто не читал в газетах призыва через всю полосу: «Долой булгаковщину!» Будто сам не отвечал 2 февраля 1929 года на эпистолярный донос Билль-Белоцерковского расудительным увещанием: «Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда».

Рябоватый вождь во френче с прищуром восточных глаз и улыбкой, прятавшейся в усах, делал вид, что не знает или не хочет знать всего этого, и Подгорный поддержал игру: «В самом деле, давно эту пьесу не давали... Декорации, Иосиф Виссарионович, требуют обновления...»

Вождь сел в черную машину с провожатыми и уехал, а Немирович и Подгорный молча переглянулись. Ба! Вот так история! Как прикажете понимать? И на всякий случай порешили выждать.

Но долго ждать не пришлось. Не прошло и недели, как в театр позвонил Абель Енукидзе и сказал, что товарищ Сталин интересуется, когда он может посмотреть «Турбиных».

Тут уже Владимир Иванович не поглаживал неторопливо свою красивую бороду. Тут забегали, засуетились, артисты стали вспоминать текст, назначили срочные репетиции, извлекли и подновили начавшие плесневеть и осыпаться в сарае декорации.

В день спектакля 18 февраля Булгаков был в театре, потерянный, счастливый, слоняясь за кулисами, но не появившись перед публикой. Станиславский передал ему свою просьбу не выходить на вызовы и не появляться в зале, чтобы не случилось апофеоза с нежелательным душком. Был когда-то на одном из спектаклей «Турбиных» случай: офицеры на сцене запели «Боже, царя храни», и часть публики встала. С тех пор в театре боялись эксцессов.

И пьеса пошла. Однако автор ее не чувствовал себя спокойным и спустя два месяца после ее возобновления: все казалось ему, что она вот-вот снова будет снята. «...Писать ничего и ни о чем не могу, пока не развяжу свой душевный узел, — исповедовался Булгаков П. С. Полову. — Прежде всего о «Турбиных», потому что на этой пьесе как на нити подвешена теперь вся моя жизнь, и ежедневно я воссылаю моле-

ния Судьбе, чтобы никакой меч эту нить не перерезал».

И пьеса шла. Она была разрешена, правда, только одному театру в стране. Но и это было чудо. «Турбины» шли в тридцать четвертом году, и в тридцать пятом, и в тридцать шестом. Они не сошли со сцены в тридцать седьмом и шли вплоть до сорок первого. Уже был выслан Осип Мандельштам, исчезли Пильняк и Бабель, убит Мейерхольд заодно со своим театром, а «Турбины» шли. Булгаков почти уверовал в бытие злой силы, незримо охраняющей его и чудодейно посылающей свое благо.

Тот, кто ответил однажды на его письмо, наверное, считается с ним, — подумал Булгаков. И в самую недобрую пору решил просить за высланного товарища — драматурга Николая Эрдмана. За самого бы Булгакова кому попросить: «Турбины» идут, но ведь десять лет не печатали ни строчки. Но просит он. Сочиняет письмо в духе тех, что любимым его Мольер составлял для Людовика XIV. В письме говорилось о процветании наук, искусств и ремесел под мудрым правлением Вождя, и на этом помпезном фоне проситель живописал превратную судьбу талантливого и безвинно страдающего драматурга, за личную безупречность и чистоту помыслов которого он, Булгаков, безусловно ручался.

Он сам отнес письмо и сдал, как тогда полагалось, в кремлевскую будку. А Эрдмана — так, во всяком случае, уверяла Елена Сергеевна — вскоре же перевели из глухого, погребельного угла в недалекую ссылку, в Вышний Волочек под Калинин, хотя вовсе освободить не решились. Булгаков был горд, приписывал случившееся силе своего письма и окончательно убедился, что между ним и владычю полумира существует таинственная связь.

Если не затушевывать сложные и трудные моменты в биографии и взглядах Булгакова, а этого не надо делать хотя бы из уважения к его собственной правоте, то надо сказать, что искушение эмиграции не раз возникало на крутых поворотах его драматической судьбы. В 1921 году во Владикавказе Булгаков был недалек от того, чтобы вместе со своим дальним родственником Н. Н. Покровским последовать в Тифлис, чтобы оттуда через открытую границу добраться до Стамбула — тогда он пошел бы дорогами героев своей пьесы «Бег». Да и в 1929 году, в разгар газетной травли, он еще колебался, не покинуть ли родину вместе с Л. Е. Белоцерковской, совершив вынужденный обстоятельством отъезд, на подобие того, на какой в 1932 году решился Е. И. Замятин. (С Замятым Булгаков дружил и провожал его в дальний путь на перроне Белорусского вокзала.)

Но в 1930 году, и именно после знаменитого звонка, он, похоже, окончательно решил свою судьбу, и Сталин не мог этого не оценить.

Постепенно в сознании Булгакова и в его окружении, среди близких, содалась стойкая легенда об особом покровительстве со стороны Сталина. Он был могучей силой, злой силой, но относился к Булгакову, так по крайней мере считала Елена Сергеевна, если не с сочувствием, то с уважением и тайным любопытством. Похоже, что так же временами думал и сам Булгаков.

Создатель Воланда в «Мастере и Маргарите» много раздумывал о том, что сила, которая «вечно хочет зла», может совершать и «блага». А в книге и пьесе о Мольере Булгаков склонен был, яростно ненавидя «кабалу святош», сделать некоторое исключение для Людовика XIV, покровительствовавшего Мольеру (речь, разумеется, не о прямых иносказаниях, аллюзиях, а о владевшем автором настроении, ходе мысли).

Все это важно иметь в виду, поскольку между современниками писателя нет согласия в вопросе о последнем сочинении Булгакова — пьесе «Батум»

ПОБЕДА В ПЯТИ ИЗМЕРЕНИЯХ

смена '88

Сергей МИКУЛИК
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

— Скажи, Ира, а какой твой любимый вид — конкур, фехтование... или, может быть, плавание? — Любимый вид один — пятиборье. Для меня оно как-то не разлагается на составляющие, я воспринимаю его в целом. Знаете, если отдать предпочтение какому-то одному виду, другим, по-моему, будет обидно... Ответить так, согласитесь, могла бы какая-нибудь начинающая, не обремененная ни опытом, ни славой спортсменка. Откуда, в самом деле, взялась слава, если она до сих пор не определена для себя собственными сильными и слабые стороны? Но нашу собеседницу зовут Ирина Киселева, и в свои 20 лет она уже двукратная чемпионка мира по современному пятиборью. Вот вам и кажущаяся наивность новичка.

Может, пятиборье для нее единственный вид потому, что у Ирины не пять тренеров (по количеству специализаций), а с самого начала один? Тренер этот — ее отец, увлекшийся многоборьем еще задолго до рождения дочери. Какие только комбинации Вла-

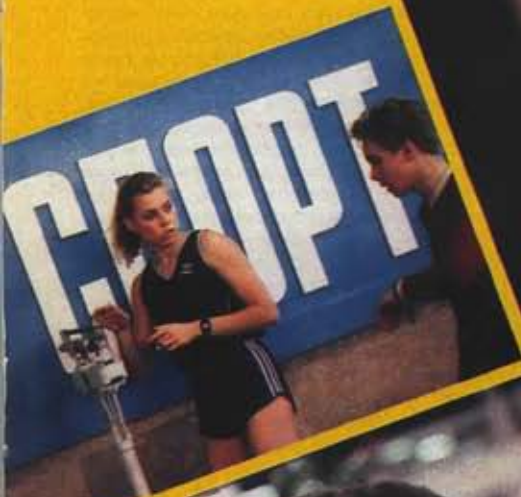
Этот барьер будет наш.

Обгоняя дельфинов. Трудная дорога на Олимп.

дмир Пе
вал — и
и военн
но, с
И взр
то что
всесо
заме
К
пех
вь

Сколько весит чемпион?

Хорошо, когда тренер — папа.

Тренировки не перепробовать морское многоборье, современное пятиборье. Не бы очень громких, но на южном уровне достаточно.

Ирине первый серьезный успех пришел в 17 лет, когда она выиграла чемпионат Москвы. Пятиборье не тот вид, где можно победить случайно. Но, чтобы заставить тренеров сборной обратить на себя внимание, Киселевой пришлось выиграть еще два крупных турнира подряд. Если кому-то и везет в спорте, то именно сильным.

На четвертом году занятий дебютирует Ирина Киселева первенстве на мировом первенстве. Дебютирует, практически не имея опыта соперничества на турнирах других стран, — с помощью женского пятиборья на международной арене у нас почему-то не слишком спешили. Дебютирует — и с ходу захватывает

силу на победу. Знаменитая полька Барбара Котовска все ждет, когда же Киселева начнет отставать от нее по сумме очков, даст «слабинку». Но Киселева проходит всю дистанцию шаг в шаг с фавориткой и лишь в заключительный день соревнований уступает ей пять секунд на трех километрах борьбы... — Ира, а женское ли это дело — пятиборье?

— Если иметь в виду только силу и выносливость, к которым почему-то так часто сводят все перипетии нашей пятидневки, то пятиборье надо, наверное, назвать всегда оставить только разве наш вид держится только на этих качествах? Знаете, например, чем надо брать в конкурство с лошадей перед стартом нам дается не больше двадцати минут. Для обобщенного изучения. Человек за это время

должен почувствовать характер животного, а лошадь — определить, кто на ней сейчас поедет — всадница или «пассажира».

— А в фехтовании где искать рецепт успеха?

— Здесь все как у разведчиков. Помните — «умение обманывать — есть альфа и омега нашего искусства». А, скажем, стрельба — сложнейшее психологическое испытание. Весь огромный мир должен сузиться для вас до размеров крохотной мишени. Трудно, очень трудно входить в такое состояние, но «возвращаться» из него, пожалуй, еще сложнее.

По институтской специализации Ирина, кстати, психолог. Тема Диплома студентки Центрального института физкультуры — «Сбивающие факторы в технических видах пятиборья». Вопреки сложившемуся мнению о фактивности учебы спортсменом, Киселева — студентка очень серьезная и вдумчивая — ленинского института. Это при том, что ежедневно она тренируется по трем-четырем видам пятиборья.

Ну-ка, сколько в «десятку»?..

Пять минут передышки — и в бой!

Как она проиграла первый мировой чемпионат, мы уже знаем, а о том, как выигрывала, рассказывать... Да-да, представляете, два года подряд она бежит кросс, можно сказать играючи. В первые три дня соревнований, то есть в первых трех видах, Ирина добивается такого преимущества, что упустить его в плавании и беге просто не может: в этих дисциплинах ее не подогнать, а сдерживать приходится — чтоб без травм обошлось. Соперницы, бьются грозные, бьются-бьются, но над секретами ее успехов, но И лишь два человека точно знают, почему и как побеждает Ирина Киселева, — она сама и ее тренер. Есть, правда, и третий специалист — с той же фамилией. Киселев Владимир Владимирович, мастер спорта по пятиборью, первокурсник Института физкультуры. Специалисты говорят, что потенциал у Киселевой младшего такой, что в будущем он наверняка...

Так что подождем немного — может, семья Киселевых и оккупирует скоро весь пятиборный Олимп...

... И ОДНА НОЧЬ

Окончание. Начало на 4-й стр.

Это испортило настроение Чурбанову... Пользуясь случаем, я вытащил сверток с деньгами и положил в карман его форменного кителя... Он, улыбаясь, поблагодарил меня».

Из показаний Чурбанова: «Каримов дал мне взятку, чтобы заручиться моей поддержкой. Было видно, что ему хотелось оставить о себе хорошее мнение». «Хорошее мнение». Самое место поставить восклицательный знак. Самое время порассуждать о нравственности и идеалах, поставленных с ног на голову. О двойной морали — «одни слова для кухонь, другие для улиц». Повод порассуждать, право, хорош. Но...

Но вот что меня смущает. Последнее время мы много и все более раскованно говорим о своем горьком прошлом. О сталинском геноциде. О маршалах, уничтоженных только за то, что были талантливы. О других маршалах, клавших десятки тысяч жизней на алтарь «великого и мудрого вождя», заигрывавшего, в свою очередь, с западными союзниками. Об организованном голоде. О неоправданных жестокостях коллективизации. Об ошибочной и субъективной стратегии индустриализации. О кровавой тактике северных лагерей. Наконец, о кукурузной эпидемии и поминании «кузькиной матери» в стенах ООН. О ставших притчей во языцех застойных годах.

Однако, как только приближаемся к совсем недавнему прошлому, бурчание неразборчивее, а пафос неконкретнее. И почему столь мучительно нам дается разговор о болях сегодняшних, пусть и возникших вчера? Да потому, что мы знаем и «интуичим»: люди, в этом виновные, по-прежнему занимают высокие посты и без боя их не сдадут. И главное направление их контрударов — гласность. Здесь применяются два основных приема: мимикрия «под перестройку» и атака под испытанными лозунгами времен «охоты на ведьм».

И в данном случае — я имею в виду деятельность следственной группы — быть с этих же двух точек. По одной мишени. Которую повесил себе на грудь руководитель особого подразделения Прокуратуры, старший следователь по особо важным делам Тельман Хоренович Гдлян.

Все бойцы (а иначе и не скажешь) возглавляемой им группы, с которыми я беседовал, единодушно не только в стремлении довести начатое разоблачение коррупции до логического конца, но и в том, что именно Гдлян цементирует усилие десятков таких разных людей. Своей несгибаемой волей, бескорыстной отрешенностью, пугающей дерзостью и убежденностью в том, что группа дойдет до финиша.

Короче, Тельман Гдлян, если придерживаться терминологии следователя из Краснодарского края Василия Лашки, «капитальный», а здесь, считаю, смело можно ставить на выбор: мужик, юрист, коммунист.

Группа Гдляна вот уже пять лет занимается разоблачением взяточничества.

При Брежневом о подобном деле (кем-то окрещенном «узбекским», хотя оно рамками своими выходит далеко за пределы одной республики) не могло быть и речи. Леонид Ильич, видимо, памятуя об афоризме Козьмы Прутков: «Человеку даны две руки на тот конец, дабы беря правой, он раздавал левой», за просто брал разномасштабные подношения и, не скупясь, расплачивался дарами — привилегиями и сокровищами, ему не принадлежавшими. Причем делал это порой публично, не стесняясь телекамер. Принимал роскошный перстень от Алиева, а потом... Впрочем, чего там... Зато «он был за мир».

Сегодня очаги коррупции обнаружены в Средней Азии, Москве, Закавказье, Молдавии, на Украине... Ниточки тянутся... Беседуя, например, со следователем из Кемерово Виктором Идоленко и узнаю: оттуда гнали (за взятки, разумеется) лес сюда, в Узбекистан. Завожу разговор с другим членом группы, из другого города — что-нибудь в этом же роде слышу.

Но все равно многим хочется локализовать вскрытую коррупцию, обозвав дело «узбекским». Как образно заметил во время выступления в передаче «Взгляд» Тельман Хоренович, кое-кому выгодно напаять на обнаженную систему взяточничества стеганый халат и цветастую тубетейку — местные, мол, реалии. Кстати, на Среднюю Азию этот сюжет «не поспел». Полностью интереснейший фрагмент того «Взгляда» увидели лишь дальневосточные зрители. Потом кто-то спохватился и затеял привычную хирургию, пустив в ход редакторские ножницы.

Еще бы, это беспрецедентное расследование, которое рано или поздно войдет не только в хрестоматию для юристов, но и в учебники истории, ныне многим кажется неудобным. Поэтому-то и приклеили, повторяю, к нему ярлык «узбекского» (не без расчета, думаю). Ведь титулованным издომцам нежелательно, чтобы оно превратилось в «московское». Как когда-то стало «узбекским» из «бухарского». А «бухарским» из «музаффаровского».

...В один из апрельских дней 1983 года машину начальника ОБХСС Бухарского УВД А. Музаффарова «сжали» с двух сторон оперативные «Волги». Он настолько не был морально готов к аресту, что подумал вначале, что хулиганит подвыпившая «золотая молодежь». Однако, когда из левой по борту «Волги» протянулась крепкая рука, перехватывающая руль его автомобиля, подполковник милиции Музаффаров понял, что дело серьезное.

И все-таки, несмотря на то, что сотрудники КГБ взяли его (при получении взятки) с личным, он вел себя на допросах нагло и угрожал грядущей расправой. Знал, кто за ним стоит.

Но... одного за другим арестовывают начальника Бухарского УВД А. Дустова, директора горпромоторга Ш. Кудратова и т. д.

Тогда-то и направила Прокуратура Союза в Бухару спецбригаду из трех человек под руководством Т. Гдляна. В таких случаях, как правило, с энтузиазмом встречают помощь из «центра». Но следователи, к своему удивлению, оказались в роли непрошенных гостей и столкнулись с недружелюбным, граничащим с враждебностью, отношением к себе со стороны многих высокопоставленных лиц республики. Одновременно прилагались энергичные усилия, чтобы изъять дело из ведения Прокуратуры СССР и передать местным органам. Тогда бы, как это случилось прежде, загнули его в зародыше, не допустив таким образом привлечения к уголовной ответственности других, виновных во взяточничестве лиц.

У тогдашнего первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова были все основания беспокоиться по поводу перспективы разматывания всего клубка совершенных под его руководством преступлений. По существу, с первых же дней началось мощное противодей-

ствие нормальному ходу следствия, которое усиливалось с каждым годом и неизбежно переросло в открытое противостояние двух сил — противников и сторонников оздоровления общества. Противоборство, которое, как мне кажется, достигло ныне кульминационной точки.

...Но в то время еще никто не знал и даже не мог предполагать, каковы масштабы коррупции, хищений, приписок и разложения кадров. И поэтому было непонятно, почему вокруг этого, в общем-то на первый взгляд рядового дела создается такой ажиотаж.

В конце 1983 года четко обозначились основные контуры массового взяточничества и морального растроя руководящей верхушки Бухарской области во главе с первым секретарем обкома партии А. Каримовым. Тогда же было установлено, что нити преступных связей тянутся из древней Бухары в Ташкент. Москва и другие столицы «всплыли» потом.

Велико «наследство», оставленное преступниками республике. Сколько слез было пролито, сколько горя причинено людям. Губительны последствия «социального катаклизма» в одной из ведущих республик, где проживает 19 миллионов человек. Корысть, не знающая границ, потогонная система «ударного труда» в сочетании со вседозволенностью и безнаказанностью привели к тому, что преступные элементы завладели миллионами.

Из обвинительного заключения по делу Музаффарова: «В процессе обысков по месту жительства и работы Музаффарова и его родственников были изъяты принадлежащие ему ценности на общую сумму 1 627 542 руб., из которых деньги 1 131 183 руб., ювелирные изделия и золотые монеты на 246 760 руб., облигации 3-процентного займа на 46 225 руб., промышленные товары на 203 674 руб.».

Из обвинительного заключения в отношении Кудратова: «При обыске в служебном кабинете Кудратова обнаружено 8 516 руб. В жилых и подсобных помещениях дома обнаружено 565 781 руб. В оборудованных тайниках изъято золотых монет и ювелирных изделий на общую сумму 3 759 978 руб. Помимо этого, у Кудратова было обнаружено и изъято... 1 550 метров различной ткани, 26 ковров... 81 пара обуви. В ходе следствия наложен арест на 3 жилых дома и находящееся в нем имущество... В общей сложности у Кудратова обнаружено и изъято ценностей на сумму 4 541 682 рубля». Установлено, что Кудратов купил 6 586 золотых монет (каждая стоимостью около тысячи рублей) и еще большее количество золотых ювелирных изделий, часть из которых передал своим покровителям.

Что касается ценностей, изъятых следствием у первого секретаря Бухарского обкома партии Каримова, то они превышают «капитал» Кудратова и Музаффарова, вместе взятых.

Все «бухарская троица» приговорена судом к смертной казни с конфискацией имущества и валютных ценностей. Эта мера позднее заменена, в порядке исключения, двадцатилетними сроками заключения, хотя никто из них не возместил добровольно ни одного рубля из многомиллионных состояний. Все изъято следствием без их желания. В соответствии со ст. 38 УК РСФСР и УК Уз. ССР добровольное возмещение материального ущерба является смягчающим вину обстоятельством. Целый ряд обвиняемых воспользовались компромиссным «прихвотом» и сами выдали государству ценности. Такое поведение учитывается при определении им меры наказания.

Но вот, например, Т. Осетров (ставший вторым секретарем ЦК КП республики уже после того, как началось следствие) отказывался на очных ставках, что принимал подношения в конвертах. Зато, приезжая по служебным делам в различные города, имел обыкновение добродушно спохватываться:

«А у вас что-то прохладно. Как это я не рассчитал — забыл дома шапку». Об этой его манере были слышаны, и поэтому всегда наготове держали этакое меховое чудо. Головных уборов из ондатры и бобров скопилось дома у «забывчивого» чиновника — на роту хватит.

Антигосударственные действия преступной группировки пробили брешь в экономике республики. За период 1978—1983 годы (в том числе и после смерти Рашидова) по минимальным подсчетам приписано якобы собранного хлопка 4,5 миллиона тонн, чем нанесен ущерб в размере более 4 миллиардов рублей. Это только по хлопку!

Рассказывает следователь по особо важным делам Николай Иванов:

— Хлопковая афера имела своих родоначальников. И не менее ретивых последователей. Во второй половине 70-х с хлопком стали твориться «чудеса». Из года в год (по липовым отчетам) росло количество собранного сырья, перевалив за 6 миллионов тонн, а количество изготовленного из него волокна, несмотря на различные махинации, все больше уменьшалось. Анализ состояния дел в республике показал, что аналогичная ситуация наблюдалась и в других отраслях экономики. И это не было секретом ни для кого, кроме, как ни странно, руководства республики. Эти лица долгое время старались оставаться в тени, боясь разоблачений, дезинформируя в кулуарах руководителей различных рангов, что наше расследование мешает нормальной работе в республике, компрометирует и устраняет опытные кадры, срывает выполнение государственного плана. Да, наша группа действительно мешает, но только жуликам. Многие «опытные кадры» сменили свои кабинеты на тюремные камеры, и немалая часть «специалистов» была лишена возможности брать взятки и творить иные «художества». Однако, когда невозможно стало и дальше скрывать случившееся, то и здесь нашлись «мудрецы», которые не смогли придумать ничего более умного, как списать последствия преступлений на «гипноз» Рашидова.

Хлопок... Это не пшеница, гнать пустые вагоны с «белым золотом» легче и удобнее. Легче, потому что потом проще утрясать в Москве дела «о реализованном сырье».

Да, вещая с трибун о немыслимых обязательствах, Рашидов фактически призвал к припискам. А они-то, «вожди среднего звена», куда смотрели? Наверное! Невыполнимую «лажу» скреплял державной рукой сам Брежнев, награждая своего любимца очередным орденом Ленина. У Рашидова их было десять! Помню, как я просто врос в стул, присутствуя на одном из допросов, когда С. Салаутдинов строго спросил обвиняемого:

— Сколько заплатили за орден Ленина?

Представительный мужчина забормotal, передернув плечами:

— Да я что... я человек бедный... Сто тысяч отдал товарищу...

И совсем не по себе мне стало, когда Султан Алиевич прервал смущенное бормотание:

— Неправда! Орден Ленина стоит около пятисот тысяч!

Все имело тариф. Все продавалось. Один из старейшин следствия, Альберт Карташьян, занимается на общественных началах научной систематизацией результатов расследования. Есть в его трудах и графа «Наиболее характерные случаи получения (дачи) взяток». Прием на работу. Направление и поступление в институты и средние специальные учебные заведения. Непривлечение к уголовной ответственности. Квартиры, автомобили, прочий дефицит. Освобождение от срочной воинской службы, особенно от призыва в «Афган». Есть и чисто «деловые» штучки типа: «Сохранение от укрупнения мелких и средних мастерских и цехов». «Устройство на свое место (при увольнении) нужного

человека». И вот такое: «Призовые места».

Разные цели, разные цены. Место секретаря райкома партии — от 100 000 и выше в зависимости от престижности района. И вот что удивительно, все знали, сколько уплатил новый секретарь за кормило власти, которое будет его отныне кормить. Этой суммой измерялся авторитет. Равно как и наличие на груди тех или иных наград свидетельствовало не столько о трудовых заслугах, сколько об умении «наживать».

В коррупции самое страшное — ее наглость. Заматерев, она перестает скрываться в кабинетах за двойными дверями, она стремится наружу, побахвалиться. На телеэкранах, торжественных приемах и газетных полосах. (Кстати, в процитированном выше списке был пункт: «За организацию газетных выступлений». Я просматривал газетные и журнальные подшивки начала 80-х, картина еще та...)

В день прилета нас, журналистов, встречал в аэропорту один из ветеранов следствия, Владимир Кравченко (Ставропольский край), по совместительству — ангел-хранитель, шеф-хозяйственник, Утрясатель Всех Дел и т. д. По дороге (очень долгой, поскольку — по конспиративным соображениям? — нас попросили лететь в соседнюю республику, с обязательством по следующей «доставке» в Ургенч) Владимир Павлович посвятил вновь прибывших в финансовый расклад (гостиница, питание и т. п.). Уже тогда я подумал, что рублевые хлопоты и миллионные изъятия как-то диссонировали. Приехали мы с корабля (авиа) на бал (сдачу ценностей). Один из хранителей денег бывшего партийного босса принес (добровольно) скромную сумму — 200 000 рублей. Деньги деловито упаковали на моих глазах и закрыли в белом сейфе.

А со следующего дня я стал свидетелем мелких «бутовых» неудобств. Следователи порой притормаживали работу из-за отсутствия чистых кассет, сорились (не сильно, конечно) из-за очереди на пишущую машинку. И т. д., и т. п.

Согласен, система координат, когда ежедневно имеешь дело с пяти-шести значными числами, меняется. Но ведь и там, и здесь те же рубли. Неужели группа не может рассчитывать на то, что жалкий процент из «заработанных» денег используется, скажем, на техобслуживание ее работы?..

— Вот ночи три поаетесь по изъятиям, узнаете, что такое «горячая работа», — мрачно предсказал Алишер Хусайнов.

Мне хватит одной.

Эта ночь началась, как и все подобные ночи изъятия, в восемь утра. Раздали тяжеленные бронжилеты. («Будут стрелять?» — «А кто их знает?») Следователи Светлана Москочева и Николай Михальский (оба — с Украины) вооружаются... пишущей машинкой. Всеволод Бобров — видеокамерой. Едем в соседнюю Ташаузскую область (Туркмения). Скорость автоколонны ограничена — 70 километров в час — нельзя отрываться от арьергардного вездехода с автоматчиками. Маршрут известен только полковнику В. Антонову и «важняку» Н. Иванову. По рации время от времени: «Говорит «первый», сейчас — поворот на колхоз Ленина»... Приданный группе боевой вертолет прибыл на место чуть раньше...

Репортажных подробностей хватит, пожалуй. Полагаю, что детективных страстей я уже нагнал. Следует объяснить, почему «операции по выемке» затягиваются до глубокой ночи, а иногда не укладываются ни в 24, ни в 48, ни в 72 часа.

Например, самоубийца Гаипов не только не выдаст теперь своих столичных покровителей, но и рассредоточил миллионы по доверенным людям. Потом, когда начинается кропотливый поиск, вступает в силу «закон веера». Допустим, передал Гаипов одному из

своих фаворитов заветные «дипломаты» с миллионами. (Кстати, по многолетней «взяточной» практике установлено: стандартный «дипломат», набитый сторублевками — 1 миллион... Чтобы не пересчитывать. И еще одно «кстати» — котировались только пятидесяти- и сторублевки, за обмен пачки трешников или пятерок на крупные купюры платились деньги, 35 трешек эквивалентны одной сотенной.)

Доверенное лицо распределяет ценности по знакомым. Те, в свою очередь, по своим точкам. В результате стоящий на определенной ступеньке хранитель не ведает, где в данный момент находятся сокровища, он может лишь показать, кому их передал.

И следствие вынуждено добираться до самого низа этой пирамиды. В результате изъятие, которое можно было провести еще, скажем, год назад одним ударом, дробится теперь на хлопотное рассеивание сил. Порой у конечного (на данный момент) укрупителя хранится лишь дюжина золотых гиней, пара жемчужных бус, ассигнаций тысяч на 20—30 и прочая мелочевка.

Так что победный визит с извлечением многопудовых чемоданов, набитых купюрами и слитками — картина гипотетическая. В жизни все сложнее, дольше, изнурительнее и жарче.

И еще об одном мифе. Мне приходилось сталкиваться с категоричным мнением, что «рекламировать это дело» не стоит. Народ, мол, не желает, чтобы его «славили на весь мир». Большинство декларирующих такие демагогические выверты просто завязаны так или иначе с мафией и мечтают не только заткнуть поллотнее кляп, но и связать крепче руки следствию. Ну а тем, кто купился на риторику или искренне заблуждается относительно реакции народа, могу лишь одно посоветовать — пообщаться с этим самым народом.

Я видел, как благодарили люди, простые люди, следователей, как целовали им руки, руки избавителей от ярама коррупции.

Я слышал, как спрашивали: «Когда же к нам приедете?»

Спросите у тружеников, которых средневековыми пытками понуждали к участию в грандиозном парадном обмане «рекордными урожаями», жаждут ли они возвращения старых лозунгов и сохранения лицемерных порядков, когда все, включая печатное слово, имеет меркантильный эквивалент, а жулики одаривают друг друга монументальными вазами с собственным изображением?

Спросите у дехкан Каракалпакии, которых фанфарная система заставляла возделывать опийный мак и профессионально производить наркотики, и все во имя того, чтобы зажавшиеся сынки «именитых руководителей» имели возможность развлекаться с завезими эстрадными дивами.

Спросите у жен и детей тысяч и тысяч посаженных «за хлопок» бригадиров, занимавшихся приписками, дабы их сановное руководство могло этими грязными деньгами оплатить услуги виднейшего живописца, запечатлевшего «новых ханов», как они рассчитывали, для «народных музеев».

Спросите у золотодобытчиков Зарафшана, мечтают ли они гнуть спину, чтобы из сработанного ими металла опять лили бюсты современных «отцов народа».

Спросите у Бахтияра Абдурахимова (лучшего, кажется, из следователей бригады) — во вред или во благо своего поруганного народа разоблачает он тех, кто мнит, по-прежнему мнит себя его вождями.

Я спрашивал. И слышал такие ответы, что...

Однако надеюсь, что все ружья, развешанные в первых абзацах, выстрелили. И еще я очень надеюсь, что не прозвучит тот выстрел, за который наемным убийцам уплачены уже 150 тысяч. Сумма, по этим меркам, ничтожная...

смена '88

НАДО ОБСУДИТЬ

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

✉

В последнее время на страницах разных изданий, в том числе и вашего, обсуждается много очень интересных и нужных вопросов. Это и политика, и идеология, и мораль, и нравственность.

Предлагаю вам начать разговор на тему, которую я бы назвала «Озлобленность».

Мы много красивых и правильных слов сказали о коммунистической морали, о воспитании в человеке доброты, уважения и любви к ближнему. Мы неоригинальны в этом вопросе: религия на протяжении всей истории человечества проповедовала эти понятия, чувства. Стоит вспомнить библейские заветы: не убий, не укради, возлюби ближнего своего... Но вот изгнали религию из своей жизни — что же осталось? Библейские заповеди — это заповеди общечеловеческие, гуманистические, а вовсе не церковные догмы. Уничтожив старое, мы не создали нового. Вряд ли «Моральный кодекс строителя коммунизма» может претендовать на нравственный фундамент нашего бытия — слишком он напоминает инструкцию.

Недавно была свидетелем сцены, которая меня потрясла. За очередным дефицитом выстроилась длинная очередь. Как это обычно бывает, в очереди время от времени вспыхивали скандалы на тему «Вы здесь не стояли». Обстановка была накалена, и это — естественное состояние наших людей в таких обстоятельствах. И вот к прилавку стал пробираться парень с палочкой. Ему тут же начали кричать: «Куда прешь?» Он достал из кармана удостоверение участника войны и хотел пройти дальше. Что тут началось! Крики, оскорбления, ругательства. «Где ты взял эту книжку?.. Наверное, пьяного ограбил!» Когда молодой человек попытался объяснить, что он воевал в Афганистане и имеет право как инвалид не стоять в очередях, случилось то, что меня и потрясло. Кто-то громко сказал: «Вот, до старики все лезли без очереди, теперь их мало, скоро, даст бог, совсем вымрут, так теперь еще и эти молокососы появились, и тоже подавай им без очереди!»

Откуда это у нас взялось — звериная жестокость друг к другу, способность перервать глотку за кусок получше да место поудобней? Куда же мы идем и куда придем с такими душами?

Надо что-то делать, но что, я честно говоря, не знаю. Может, всем миром обсудить эти вопросы?

Анна ЮДКОВА,
Москва

✉

...Каждый день я прихожу на работу с плохим настроением. Нет, не каждый день, конечно, но довольно часто. В моем подчинении десять человек. Значит, свое раздражение я могу сорвать на них. Потом я об этом жалею, извиняюсь, но...

Раздражение накапливается, я вижу,

как меня вдруг начинает буквально бесить нерасторопность моих сотрудников, чувствую, как поднимается давление. И ничего не могу с собой сделать! Вечером звонит моя мама, и я отвечаю ей резко, а потом опять же начинаю жалеть об этом. Я знаю, что и сотрудники мои меня недолюбливают.

Понимаю, что так нельзя, надо быть добрее, надо прощать людям их недостатки, быть снисходительнее. Но как?

Недавно ездил в Венгрию, так там все только и говорят друг другу спасибо, никто не торопится, в метро на эскалаторе люди спокойно стоят. Это было настолько непривычно мне, москвичу, — у нас ведь все несутся по эскалатору! И я тоже. И если кто-то стоит, выставив сумку (он приезжий, не знает наших «правил»), это приводит в ярость: понаехали!..

Мне трудно их любить, хотя я хорошо их понимаю. Они не на экскурсию сюда приехали — за продуктами, товарами. У них этого нет. У меня у самого родственники в Пскове, они ездят к нам. Рядом Эстония — такие же земли, воздух — там все есть, а в Пскове — нет! Но псковских руководителей это не волнует: у них, думаю, независимо от состояния дел в области голова не болит о том, что и где купить или достать. Зато призывов быть добрыми и справедливыми — хоть отбавляй. Но сегодня одними призывами людей не накормишь.

Разговорился на эту тему с приятелем, а он говорит: раньше хуже жили, но добрее были. Помогали больше друг другу, жалели. Но ведь и запросы были другие!..

Приятель посоветовал сходить к психиатру. Ну, нервы, может, мне и подлечат. Но стану ли я от этого добрее? И ведь я такой не один, посмотрите вокруг...

Юрий ПАВЛОВ,
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Писем, подобных этим двум, приходит в «Смену» немало. Мы выбрали эти. Они на одну тему. Да, трудно, да, многого не хватает. Но всегда ли это оправдывает нашу жестокость, черствость, озлобленность на людей? Любим поворачивать, мы гуманисты. Но не остаемся ли ими лишь на бумаге? Против кого мы держим камень за пазухой? Если создаются общества милосердия, значит, нам действительно не хватает милосердия.

Озлобленность не только портит нервы, но и разъедает души. Что же делать? Мы обращаемся к вам, уважаемые читатели, давайте подумаем вместе, нужно ли продолжать разговор, начатый в этих двух письмах, волнует ли вас эта тема? Пишите, ждем.

Ирина ЛОБАНОВА

Искусство поп-арта (буквально — популярное искусство, или искусство для масс) привлекает все больше поклонников. Легкие, азартные песенки этого направления говорят все, что могут сказать, с первых же тактов. Они понятнее неискушенному слушателю, чем размеренный, тяжелый Бах и грустный, возвышенный Моцарт. По тем же причинам броские, рекламные, плакатные приемы успели проникнуть и в станковую картину. Ведь плакат читается до «дна» буквально за двадцать секунд, а потому он ближе ко все убыстряющимся ритмам жизни современного человека.

Живопись, требующая созерцания, по сложности восприятия сродни симфонической музыке. Для подобного искусства нужны и время, и определенная подготовка. Если нет ни того, ни другого, оно покажется скучным, непонятным. Кого сейчас привлекают неторопливые разговоры за летним чаем в глуши тенистого сада, продолжительные беседы о душе, смысле жизни и других «эфемерных» проблемах?

Дети, подрастая, стремятся на дискотеку, к игральным автоматам или к другой, оглушающей душу, увеселительной культуре. Все меньше остается в нашей жизни чудаков, «пренебрегающих презренной пользой», все более непонятны эти чудаки, эти «проробы духа», обществу. Сегодня искусство словно старается приблизиться к поверхностному вкусу потребителя, и общество все более приспособливает искусство под себя.

В такое время Художнику надо обладать мужеством, чтобы противопоставить свой вкус, свое мировосприятие общепринятой моде.

Анатолию Григорян именно такой художник, умеющий мыслить, созерцать жизнь в полном ее объеме, соединяя мимолетность и вечность, современность с мироощущением далеких от нас древних культур и цивилизаций.

Конечно, трудно одному работать в подобном направлении. Нужны единомышленники. Надо, как считал Тютчев, чтобы хоть «одна душа отоз-

валась». Но эта «одна душа» необходима.

В этом смысле Анатолию Григоряну повезло, потому что он родился в Армении. Армении, которая даже в период расцвета сухого соцреализма пятидесятых годов, оставалась верна высокой, мятежной стихии красок. Армении, на земле которой родились Е. Тетевосян и С. Суреньянц, И. Айвазовский и Г. Якулов, А. Каленц и П. Контураджан, М. Сарьян и О. Зардарян... и Джотто.

Да, да — Джотто, армянский Джотто, или Георгий Григорян, прозванный своими товарищами за талант именем легендарного итальянского живописца XIII века Джотто ди Бондоне, убитого своими завистниками в церкви во время службы.

С Георгием Григоряном я познакомилась двенадцать лет назад, за несколько месяцев до его смерти. Старый, больной художник, испытывавший нужду и голод, признание, забвение

БЕС

и под конец жизни вновь признание. Осторожно он с помощью жены спустился, чтобы показать свои картины, в мастерскую, выделенную ему, уже Народному художнику Армении, незадолго до смерти. Когда я увидела их, у меня перехватило дыхание — Джотто в самые глухие для искусства семидесятые годы возвращал своими картинами уверенность зрителю, что высокое искусство пробьется сквозь любые заслоны. Долго стояла я около картин,

ЕДЫ

УЛЕ

ность в изображении суровых женских лиц с их особым, углубленным в себя, мудрым взглядом. Некрасивые, почти примитивные черты лица пронизаны такой духовной энергией, что становились прекрасными. Яркие, но приглушенные, словно выбеленные солнцем краски создавали в сочетании с глухим цветом теплых теней драматизм там, где, казалось, его не могло быть: в простом ли деревенском сюжете — забор, из-за которого виден профиль проходящей женщины, или же в рисунке незамысловатой горы... Изображение горы есть, наверное, почти... нет, не почти, а, конечно же, у каждого армянского художника. Иначе и быть не может, ведь горы окружают армян с детства. И тем не менее «Гора» у Анатолия не просто этюд, это картина, наполненная глубоким содержанием. Глядя на нее, ощущаешь древность земли. Гора на его картине словно одушевленное существо — свидетель и соучастник жизни людей. Художник передает каким-то особым загадочным приемом древность стра-

ны легендарной культуры, на гору которой — Арарат, по преданию, высиделся Ной.

И тем не менее Григорян современный художник. Таинственный даже в бытовых сценах. Вот вернулся из армии солдат, мы не видим его, только висит на стуле шинель, но просветленно лицо матери, удивленно — сестры и радостно — брата-подростка, вскинувшего над головой красного петуха. Петух — частый персонаж на картинах Анатолия. И это не просто деталь сельского быта. Петух на его картинах — полноправный представитель Земли, так же давно населяющий ее, как и сам человек.

Анатолий удивительно выстраивает картину не только композиционно, но и драматургически. Это, думается, не случайно, ведь он учился на факультете живописи в Ереванском театральном институте. Театр, видимо, заразил его магией драматургии.

Судьба Анатолия сложилась более счастливо, чем судьба Георгия Григоряна. Работы его уже признаны, уже хранятся в галереях стра-

ны, в том числе и Третьяковской. Они много экспонировались и за рубежом, хотя художник еще молод.

Не все работы Анатолия Григоряна равноценны, художник пробует себя в разной исполнительской манере. Но лучшие его картины вызывают у зрителя чувство родства, чувство сопричастности человека к многоликому проявлению жизни на земле. Человека, такого маленького в масштабе с Великой природой и такого могучего, каким он становится в проявлении высокого духа.

плотно развешенных по стенам от пола до потолка. Вскоре, уже в Москве, я увидела его работы на выставке «Москва — Париж», проходившей в Пушкинском музее. Он не дожил до этого дня.

Но теперь, у картин Анатолия Григоряна, я вспомнила и о Георгии Джотто и о Джотто ди Бондоне. Анатолий Григорян по стилю живописи был близок итальянскому мастеру.

Что же именно напоминало великого итальянца? Возможно, драматич-

Отдых

Натюрморт с клеткой.

Забывшие игры.

Мясник.

Беседа.

Синие ворота.

Фото Владимира Чейшвили

● Дом Дениса Давыдова — под контору?

● За здоровье — платить?

● Место ли могиле Сталина на Красной площади?

Не за медалями и льготами мы ехали в Афганистан, мы — добровольцы-медработники. И не для того, чтобы с гордостью потом говорить: мы были в Афгане!.. По многу часов выстаивали у операционных столов, помогали раненым, забывая о таком понятии, как начало и конец рабочего дня. Потому что иначе не могли. Потому что это наши ребята стонали от боли — наши братья, наши любимые. Работали наравне с военными врачами, так же жили, так же рисковали.

Но вот вернулись на Родину, и оказалось, что нам не полагаются удостоверения участников войны. Военным врачам и медперсоналу — полагаются, а нам — гражданским — нет. Повторяю, не в льготах дело, но получается, что мы люди второго сорта, так?

Обидно. Понимаете, обидно! И я обращаюсь к нашему министру обороны. Товарищ генерал, справедливо ли такое отношение к нам? Мы писали вам письма, но ответов не получили. Может, вы ответите через журнал?

Алла ГРЯЗНОВА,
Москва

Мы живем в Москве на Кропоткинской улице, в доме № 17, который принадлежал герою войны 1812 года Денису Давыдову и является архитектурным памятником, находящимся в заповедной зоне, охраняемой государством. Представьте наше удивление, когда в одном из флигелей нашего дома расположилась организация под названием «Автовазтехобслуживание». Уже в течение года там ведутся ремонтно-строительные работы, которые не только мешают нам жить, но, самое главное, меняют архитектурный облик официально объявленной заповедной зоны центра нашей столицы.

Жители нашего микрорайона обеспокоены судьбой многих исторических памятников. В безобразном состоянии стены и надвратная церковь Зачатьевского монастыря. Во дворе дома, на стене которого имеется мемориальная доска о том, что здесь выступал В. И. Ленин, необыкновенно быстро выросли уродливые боксы-гаражи, вероятно, той же станции техобслуживания. Неужели для этой организации не нашлось другого места, кроме самого центра нашей столицы, где располагаются музей А. С. Пушкина, музей Л. Н. Толстого, Академия художеств, дом Тургенева, Дом ученых? Не лучше ли в нашем доме сделать музей героев войны 1812 года, о котором давно идет речь, но не находится помещения? Неужели охрана памятников старины и исторической части нашей столицы будет «осуществляться» только на бумаге? Просим вас помочь нам разобраться в этом вопросе, так как наши обращения ни в райком партии, ни в исполком Ленинского района Москвы не нашли поддержки.

ДРОЗДОВА,
СОЛОВЬЕВА,
ПОПОВА,
ФАТИНА,
Москва

Мне показалось, что в статье Александра Бойко «Сердца четырех» («Смена» № 10) есть намек на то, что государство зря оплачивает больничные листы, поскольку люди сами не заботятся о своем здоровье. Тем не менее для меня, например, болезнь — это отдых и праздник, так как можно отключиться от производственных проблем, больше внимания уделить семье, чтению, ТВ. (Болею я редко.) Я забочусь о своем здоровье, регулярно посещаю бассейн, зимой по выходным — лыжи. Однако уверена, что по параметрам здоровья я ближе к Служащему и Журналисту, чем к Пенсионеру. И, наверное, это закономерно: более основательную заботу о здоровье приходится откладывать до пенсии, так как совсем не остается времени.

В прессе встречала предложение премировать людей, заботящихся о своем здоровье; иностранные фирмы увеличивают неболевшим людям продолжительность отпуска. У меня есть другое предложение. Если человек квартал не пользовался больничным листом, следующий квартал — как поощрение — разрешить ему три раза в неделю приходить на работу на час позже или уходить на час раньше.

Некоторые скажут: сокращение рабочего дня невыгодно. Но это еще надо посчитать. Ведь пропущенные в результате предлагаемого мной порядка часы будут в сумме меньше возможных пропущенных по больничным листам. Такой порядок должен привести и к росту производительности труда. И это даст возможность позаниматься физической культурой, восстановить силы.

Слишком долго и часто мы хотели получить результат без каких бы то ни было затрат: качество продукции — без нового оборудования, чистую окружающую среду — без затрат на очистные сооружения и т. д. Думаю, здоровье людей стоит предлагаемых затрат. Кто возьмется провести эксперимент?

В. ЛЫСЕНКО,
Москва

Мы, жители селения Халимбакаул, решили рассказать о наблевших проблемах.

Селение наше расположено в окружении невысоких гор, живет в нем пять тысяч человек, строится много новых домов.

Стоит на окраине селения асфальтовый завод, построенный после землетрясения 1975 года, как говорили, временно. Черные клубы дыма ежедневно (кроме выходных) плывут над домами, копоть оседает на сады и огороды и, уж конечно, в наших легких. После критической публикации в «Крокодиле» (№ 35 за 1987 год) Буйнакский РК КПСС принял решение о закрытии завода до установки фильтров, но завод по-прежнему работает. наших детей, постоянно вдыхающих эту копоть, пора серьезно обследовать. Впрочем, это тоже не просто сделать, так как Халимбакаул прикреплён к поликлинике, расположенной от нас в шестнадцать

километрах, в поселке Черкей. Уж какое там обследование! Чтобы получить справку, надо потратить целый день. А ведь мы живем в трех километрах от районного центра — города Буйнакса и лечиться было бы удобнее там. Правда, пока между селением и Буйнакском ходит всего один автобус, и многие работающие в городе добираются до работы пешком или напутных.

Очень плохо у нас со снабжением водой. До сих пор совхоз не проводит водопровод, воду целая улица получает от временного водопровода птицефабрики, летом ее совсем не бывает. А жара у нас тридцать, а то и сорок градусов. Как жить без воды?

Написали мы обо всем этом потому, что уверены — все эти проблемы, которые отравляют нам жизнь в буквальном и переносном смысле, не требуют сверхъестественных усилий и больших затрат, нужно только подумать о людях и навести порядок.

ИДАЛЕВЫ, АСКЕРОВЫ, ГАДЖИЕВЫ,
МАГОМАЕВЫ, ИДРИСОВЫ и др.,
Дагестанская АССР

Красная площадь... Что может быть еще ближе и роднее? Вчитываешься в славные имена на гранитных плитах: Фрунзе, Дзержинский... А рядом с ними — Сталин, неподалеку — Вышинский.

Как? Могила человека, умертвившего целую плеяду талантливых полководцев (в том числе и моего прадеда, генерал-лейтенанта пограничных войск Михаила Константиновича Войтенкова), — могила Сталина в пяти шагах от Мавзолея Ленина! Праведный суд над некоторыми пособниками тирана свершился. Наказан Берия. Но прах палача Вышинского до сих пор соседствует с нишами, где покоится прах истинных борцов, истинных героев-коммунаров: Л. Красина, А. Луначарского, Н. Крупской.

В пионеры меня принимали на Красной площади. Стоя перед Мавзолеем, мы клялись любить Родину. Но я не мог представить тогда, что площадь, на которой нам повязывали красные галстуки, хранит не только тело величайшего гуманиста, но и тело величайшего тирана.

Я предлагаю: так как имена Сталина и Вышинского оскверняют дорожку для каждого советского человека Красную площадь, изъять урны с их прахом. После изъятия не подвергать их дальнейшему захоронению. Они — преступники. При жизни они не были наказаны. Так пусть суд вершится над ними, мертвыми. Они не достойны земли, которую сами осиротили.

На могиле Сталина воздвигнуть гранитную стелу: «Здесь с 1957 по 1988-й было погребено тело великого палача народа Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили)». И подробный перечень его преступлений. Над пустой нишей Вышинского также поставить стелу, поменьше — с перечнем его злодеяний.

Думаю, что к моим предложениям присоединятся все те, в чьих судьбах остался неизгладимый след от сталинских репрессий, те, чьих родных, близких навсегда унес в ночь «черный воронок».

Александр ВОЙТЕНКОВ,
14 лет, Москва

Предлагаю перед праздником Октября провести всесоюзную неделю трезвости (включая и праздничные дни). Это отвечает бо духу нашего револю-

ционного времени и согласовывалось с антиалкогольной политикой партии. Пусть в эту неделю в магазинах не продают спиртное, но в изобилии будут соки и фрукты. Можно должным образом подготовиться и создать людям праздничное настроение без вина и водки.

Всесоюзная неделя трезвости сыграет, на мой взгляд, серьезную роль в антиалкогольной пропаганде, поможет движению за всенародную трезвость. Конечно, не все будут довольны моим предложением, но ориентироваться надо на людей, ведущих здоровый образ жизни, а не на тех, кто выстаивает очереди за вином.

Михаил ЛУНЕВ,
Гагра

В 1979 году моя дочь поступила в Астраханский медицинский институт, и в сентябре первокурсники поехали в колхоз. Через три дня ноги у нее покрылись сыпью — аллергическая реакция на помидоры, но домой ее не отпускали, не освободили даже от работы в поле. Отпустили только через 10 дней, когда ранки инфицировались, ноги отекали, распухли, чулки прилипли к ногам вместе с сапогами...

«На память» об этом единственном «студенческом» колхозном поле у нее осталась аллергическая астма — до сей поры. Сейчас моя дочь ни на один день не в состоянии расстаться с астмопентом. Кому я должна сказать спасибо за то, что в течение 10 дней она потеряла здоровье? Кто сможет утешить родителей, чьи дети по разным причинам ежегодно гибнут в колхозах?

Я, как и многие тысячи родителей, готова отказаться от этих помидоров, которые оплачены здоровьем, а иногда и жизнями наших детей.

Э. ШУЛЬГИНА,
Астрахань

Волею судьбы мне довелось «покататься» по Союзу в арестантской робе. Довелось видеть масштабы столь позорного явления, как гомосексуализм.

В уголовной среде процветает такая мера наказания, как «плата натурой» (за проигрыш в карты и невозмещение ущерба, за личное оскорбление словом и пр.). В колониях существуют целые бараки педерастов (в каждом — 100 — 150 человек). Страшно представить, сколько мужчин путем грубой силы стали... «женщинами».

Знает ли об этом администрация? Безусловно. Более того, использует в «воспитательных» целях такой прием: «Не сделаешь то-то и то-то, переведу к «девочкам».

Сам неоднократно был свидетелем такой картины: лязгают заперы, открывается массивная дверь, и через порог «бетонного мешка» перешагивает новенький. Отпетые уголовники оживляются. Спрыгивают с нар. Внимательно изучают гостя. А тот испуганно перемывается с ноги на ногу. За какую-то провинность на него завели дело и на время следствия бросили в общую камеру.

Наконец слышны реплики: «О-о, да он молоденький!» Другой вторит: «А симпатюля! Точь-в-точь, как моя первая любовь...» Все. Новенький обречен. Через день-два он уже «Маша»... В момент экзекуции не достучавшись в массивную дверь — дежурный в звании прапорщика или сержанта с чувством исполненного долга спит на стульях в конце коридора... Какое уж тут воспитание или исправление?

В. СКВОРЦОВ,
Кинешма

ВЕРА ЗУБАРЕВА

Я не скучаю в своей молодости и радость молодости других — мне не хотелось бы провиниться перед ними. Время, когда начиналась моя литературная жизнь, обнаруживало и поощряло новые имена и предавало их быстрой и шумной огласке. Кроме общих обстоятельств времени, мне сопутствовала пылкая доброжелательность старших маститых коллег. Лишь много позже я поняла, что видная поблажка судьбы на самом деле была важным и суровым испытанием. Тех, кто щедро и расточительно помогал мне да и всем, кто попался на добрые их глаза, давно нет на свете. Сумно ли и посмотреть их любовным и охраняющим взглядом на тех, кто молод, на Веру Зубареву, например? Сначала я увидела ее стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и, несомненно, ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря. И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающий удачу, но оберегающий от суеты, вздора, поспешности. Ее стихи — изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве. Чудесно, что Вера живет в Одессе! Само имя города кажется мне неопровержимо счастливой приметой.

Белла АХМАДУЛИНА

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Ночные птицы, сумрачные птицы — Знаменья убили, бессрочности, ущерба. Вы суеверий и предчувствий мышцы, Что движут небом, воплощаясь в небо. Ночные страхи, участи, желанья, Цвет будущности, что с оттенком скорби В часы, когда свободно подсознание. Разносится по руслу крови. Из ночи в ночь — вот ваши перелеты. Вам климат дня грозит исчезновением. С собою, чтоб смягчить кочевья ноты, Несете родину — под черным опорением.

II
А разбойничья звезда
Нам — как удаля, вам — как мзда.
А дорога удаляя —
Вдоль которой наша стая,
Наша братия шальная —
Не прорвется. Никогда.
Режем по диагонали
Ваши выпрение дали.
Кто придержит прыть?
То, что нам вдогонку дали, —
И не нужно, и не взяли,
Чтобы легче плыть.
Кто же мы? Не воронье ли?
Дети ночи, дети воли.
А зови — хоть так,
Все равно, что наши роли
Исказит однажды в школе
Книжник и протак.

ВОЛКИ

I
Я думаю, ты все же постучишься.
Ближайшее соседство — за версту.
А вечер погрузил мое жилище
Почти по окна в темень и листву.
Сползает со столба ливаной провод,
И в лампе на исходе керосин,
И это ли не долгожданный повод,
Чтоб постучать без видимых причин?
Невесело, запущено и дико
Мой дом произрастает из земли.
И вытоптана кем-то ежевика,
Которую собрать мы не смогли.
А слева от чернеющей дорожки
Наткнешься ты, когда придешь ко мне,

II
На скользкое негодное лукошко,
Где ягоды прогнившие на дне.
Тут без труда я приручила волка —
Все оттого, что сходно с ним живу.
Его глаза — зеленых два осколка —
Пускай сверкают по ночам во рву.
Хоть изредка скорблю, что не волчица,
Но не ропщу. Что, думаю, с того, —
В конце концов, ведь кто-то постучится —
В твоём обличье он, иль ты — в его...

III
Уже декабрь. Тверда земля в саду.
Ее свело морозами без снега.
Печально, у растений на виду
Замерзло детство позднего побега.
Все ночи так привычно холодны,
Что забываю сетовать на холод.
Как забываю многое — и город,
И прежний ракурс ледяной луны.
У маленького низкого окна
Сутулюсь, сжав концы платка локтями.
И мне — то ночь безброжная видна,
То я сама в оконной дряхлой раме.
Там продолжает комната моя
Свое житье-бытье полупрозрачно
И тонет в перспективе декабря,
И в ночь произрастает многозначно,
И в отраженный дом помещены
Деревья, ров у сломанной калитки.
И тощий волк, что воет вдоль луны,
Претерпевая полнолуныя пытки.
И я сутулюсь посреди дорог,
Озвученных той литургией волчьей,
И в руки, в плечи с каждой новой ночью
Врастает серый подранный платок.

IV
Да, пишу. Негодная хозяйка,
Я не запасла на зиму дров.
Чаще стынет ручка-наливайка,
Ставя кляксы на начала слов.
В том ли грусть, что буква исказится,
Что дрожит чернильная строка?
Ты еще когда прийти решился,
А все медлишь, будто жизнь — долга.
Что ж ты медлишь! Иль боишься волка,
Что на перепутье двух миров
С первобытным чувством злого долга
Ни на миг не покидает ров?

ЕКАТЕРИНА ШЕВЕЛЕВА

Екатерина ШЕВЕЛЕВА, студентка художественного вуза, удивительно способна в двух жанрах — в поэзии и в рисовании. Ее рисунки всегда интересны, неожиданны. Так же, как и ее стихи.
Сейчас мало таких молодых поэтов. Ведь молодыми считаются даже те, кому за сорок. Кате 20 лет. Неизвестно, получится ли из нее большой поэт. Но Кате уже поэт, хотя бы по правде чувства, несмотря на то, что ее стихи еще -страдают-погрешностями.
У нее есть самое главное — талант. Лучше ее стихи настолько хороши, что не нуждаются в «костылях». Она способна на многое сама по себе, независимо от чьей-либо поддержки.

Евгений ЕВТУШЕНКО

I
Платон мне друг, но истина дороже.
Нам снова наступает этот срок,
когда за пару слов, за пару строк
легко и просто схлопотать по роже.
Ничто не ново. Все одно и то же.
Над нами тяготеет темный рок.
Тридцатые — преподанный урок.
Петров мне друг, но партия дороже.
Что? Выстрел в спину?
Вспомните о тех,
кому не довелось вздохнуть свободно.
Кому идти вперед бесповоротно,
но не минуя этих черных вех.

НОЧЬЮ

Ночью подсудны судьбы.
Ночью все кошки серы.
Ночью молчат люди,
но говорят стены.

Ночи скрытны, как крысы.
Ночи неслышны, как мыши.
Ночью молчат мысли,
но говорят крыши.

Ночью все карты биты,
даже твои — козырные.
Ночью дышат все клетки —
лестничные и грудные.

Ночью нисходит небо
на некоторых людей.
Ночью вершится совесть
в падшей душе твоей.

II
Все было так, как быть должно,
а не иначе.
Ведь жребий, если суждено,
не однозначен.

III
Не разомкнуть кольцо времен,
но ближе к лату
мир был безвыходно влюблен
в случайность эту.

IV
Как было просто избегать
и расставаться.
Как было просто отвергать,
но оставаться.

V
Как одиноки эти дни,
случайны ночи.
Ночь плачет над тобой в тени,
а день хохочет.

VI
Есть ветер вдоль и снег в лицо,
как отзвук смеха.
Дневное серое лицо
на фоне снега.

VII
О! Не измерить глубины
того, что было.
Судьбы, беды или вины,
что нас сместила.

VIII
Весной восторжествует свет,
прозрачно-синий,
и примет жизнь обычный цвет
и ясность линий.

IX
Это город, в котором
мы смешались с толпой, —
это город, в котором
не столкнуться с тобой

X
где-то на перекрестке,
где-нибудь, как-нибудь.
Город в летней известке.
Привокзальная муть.

XI
Кирпичом и бетоном
годы утверждены.
Это город, в котором
мы разъединены.

XII
Как мы хотим сорвать
наш певчий голос.
Как мы хотим взорвать — долой
все стены.
Как мы хотим сорвать румянность
масок,
чтобы воочию увидеть пустоту.
Как мы хотим сорвать,
чтобы поверить,
ведь наши песни — жажда перемен,
реальность — вымысел
последних проходимцев
и город изобилует враждой.

XIII
Хотим забыть про торжество
вселенной —
иное торжество песок и пепел,
а вечная свобода — это просто
закономерность ветра и дождя.
Но есть деревья, знающие больше,
есть травы выше самых
лучших мыслей,
есть многое, что больше нас
во многом,
есть высше, как море или ночь.

XIV
Но город изобилует насильем,
борьбой и гибелью, которая
не выход,
а только переход в опустошенье.
Немилосердна неба немота,
когда глаза закрыты снам
вчерашним
и нынешним безропотным глазам.

Рисунки Олега ТУРКОВА

Перец перелез в кузов и долго шел к заднему борту, с грохотом и звоном ступая по дну этого необъятного стального корыта в густой лунной тени, потом вскарабкался на борт и по одной из бесчисленных лесенок спустился до самой воды. Некоторое время он, набираясь решимости, висел над ледяной жижей, а затем, когда в бронев автомобиле снова ударили из пулемета, зажмурился и прыгнул. Жижа стала расступаться под ним и расступалась долго, долго-долго, и не было этому конца, и, когда он почувствовал под ногами твердь, грязь затопила его по грудь. Он налег на грязь всем телом, он толкал ее коленями и отталкивался ладонями, и сначала он только бился на месте, а потом приспособился и пошел, и, к своему удивлению, очень быстро оказался на сухом месте.

Хорошо бы где-нибудь отыскать людей, подумал он. Для начала просто людей — чистых, выбритых, внимательных, гостеприимных. Не надо полета высоких мыслей, не надо сверкающих талантов. Не надо потрясающих целей и самоотвержения. Пусть они просто всплеснут руками, увидев меня, и кто-нибудь побежит наполнять ванну, и кто-нибудь побежит доставать чистое белье и ставить чайник, и чтобы никто не спрашивал документы и не требовал автобиографию в трех экземплярах с приложением двадцати отпечатков пальцев, и чтобы никто-никто не бросался к телефону сообщить куда следует значительным шепотом, что-де появился неизвестный, весь в грязи, называет себя Перцем, но только вряд ли он Перец, потому что Перец убыл на Материк и приказ об этом уже отдан и завтра будет вывешен... Не нужно еще, чтобы они были принципиальными сторонниками или противниками чего-нибудь. Не нужно, чтобы они были принципиальными противниками пьянства, лишь бы сами не были пьяницами. Не нужно, чтобы они были принципиальными сторонниками правды-матки, лишь бы не врали и не говорили гадостей ни в глаза, ни за глаза. И чтобы они не требовали от человека полного соответствия каким-нибудь идеалам, а принимали и понимали бы его таким, какой он есть... Боже мой, подумал Перец, неужели я хочу так много?

Он вышел на дорогу и долго брел на огни Управления. Там неустанно вспыхивали прожектора, металась тень, поднимался разноцветный дым. Перец шел, и в его ботинках ворчала и хлюпала вода, подсыхая одежда стояла коробом и шуршала, как картон, время от времени со штанов отваливались пласты грязи и шлепались на дорогу, и каждый раз Перцу казалось, что он выронил бумажник с документами, и он в панике хватался за карман, а когда он подходил уже к складу техники, его вдруг обожгла жуткая мысль, что документы подмокли и все печати и подписи на них расплылись и стали неразборчивы и непоправимо подозрительны. Он остановился, ледяными руками раскрыл бумажник и вытащил все удостоверения, все

пропуска, все свидетельства, все справки и стал их рассматривать под лунной. И оказалось, что ничего страшного не произошло, что вода испортила только одну пространную справку на гербовой бумаге, удостоверяющую, что «предъявитель сего прошел курс привок и допущен к работе на счетно-вычислительных машинах». Тогда он снова уложил документы в бумажник, проложив их аккуратно ассигнациями, и пошел было дальше, но тут представил себе, как выходит на главную улицу и люди в картонных масках и косо приклеенных бородах хватают его за руки, завязывают ему глаза, дают ему что-то понюхать, и приказывают: «Ищи! Ищи!», и говорят: «Заломнили запах, сотрудник Перец?», и науськивают: «Шерше, дура, шерше!» И, представив себе все это, он, не останавливаясь, свернул с дороги и побежал, пригибаясь, к складу техники, нырнул в тень огромных светлых ящиков, залупался ногами в мягком и с разбегу упал на кучу тряпок и пакли.

Здесь оказалось тепло и сухо. Шершавые стенки ящиков были горячими на ощупь, и это сначала обрадовало, а потом уже удивило его. В ящиках было тихо, но он вспомнил рассказ о машинах, самостоятельно вылезавших из контейнеров, и понял, что в ящиках идет своя жизнь, и не испугался, а даже, наоборот, почувствовал себя в безопасности. Он сел поудобнее, снял сырые ботинки, стянул мокрые носки и вытер ноги паклей. Здесь было так тепло, так хорошо, так уютно, что он подумал: странно, неужели я здесь один? Неужели никто не сообразил, что гораздо лучше сидеть здесь, нежели ползать по пустырям с завязанными глазами или торчать в смердящем болоте? Он прислонился спиной к горячей фанере, и упер босые ноги в горячую фанеру напротив, и почувствовал, что ему хочется мурлыкать. Над головой у него была узкая щель, и он видел полоску белесого от луны неба и на ней несколько неярких звездочек. Откуда-то доносился гул, треск, рев моторов, но это его несколько не касалось.

Хорошо бы здесь остаться навсегда, подумал он. Раз уж мне не уйти на Материк, останусь здесь навсегда. Подумаешь, машины! Все мы машины. Только мы испорченные машины или плохо отлаженные.

...Есть такое мнение, господа, что человек никогда не договорится с машиной. И не будем, граждане, спорить. Директор тоже так считает. Да и Клавдий — Октавиан Домарощинер этого же мнения придерживается. Ведь что есть машина? Неодухотворенный механизм, лишенный всей полноты чувств и не могущий быть умнее человека. Опять же и структура не белковая, опять же и жизнь нельзя свести к физическим и химическим процессам, а значит, и разум... Тут на трибуну взобрался интеллект — лирик с тремя подбородками и галстук-бабочкой, рванул себя безжалостно за крахмальную манишку и рыдающе провозгласил: «Я не могу... Я не хочу этого... Розовое дитя, играющее погремушкой... Плакучие ивы, склоняющиеся к пруду... девочки в беленьких фартучках... Они читают стихи... они плачут... плачут!.. Над пре-

красной строкой поэта... Я не желаю, чтобы электронное железо погасило эти глаза... эти губы... эти юные робкие перси... Нет, не станет машина умнее человека! Потому что я... потому что мы... Мы не хотим этого! И этого не будет никогда! Никогда!! Никогда!!!» К нему потянулись со стаканом воды, а в четырехстах километрах над его снежными кудрями беззвучно, мертво, зорко прошел, нестерпимо блестя, автоматический спутник-истребитель, начиненный ядерной взрывчаткой...

Я тоже этого не хочу, подумал Перец, но нельзя же быть таким глупым дураком. Можно, конечно, объявить кампанию по предотвращению зимы, шаманить, нажравшись мухомора, бить в бубны, выкрикивать заклинания, но лучше все-таки шить шубы и покупать валенки... Впрочем, этот седовласый опекатель робких персей покричит-покричит с трибуны, а потом утащит у любовницы масленку из футляра со швейной машинкой, подкрадет к какой-нибудь электронной громадине и станет мазать ее шестеренки, искательно заглядывая в циферблаты и почтительно хихикая, когда его долбаит током. Боже, спаси нас от седовласых глупых дураков. И не забудь при этом, боже, спаси нас от умных дураков в картонных масках...

— Я думаю, это у тебя сны, — произнес где-то наверху добродушный бас. — Я по себе знаю, от снов иногда бывает очень неприятный осадок. Иногда даже наступает словно бы паралич. Невозможно двигаться, невозможно работать. А потом все проходит. Надо бы тебе поработать. Почему бы тебе не поработать? И все осадки растворятся в удовольствии.

— Ах, да не могу я работать, — возразил капризный, тонкий голос. — Мне все надоело. Всегда одно и то же — железо, пластмасса, бетон, люди. Я сыта этим по горло. Для меня в этом не осталось никакого удовольствия. Мир так прекрасен и так разнообразен, а я сижу на одном месте и умираю от скуки.

— Взгляй бы да переменяла место, — проскрипел издали какой-то сварливый старик.

— Легко сказать — переменить место! Вот я сейчас не на месте, и все равно мне тоскливо. А как трудно было уйти!

— Ну, хорошо, — сказал рассудительно бас. — А что тебе хочется? Это даже как-то непостижимо. Чего можешь хотеться, если не хочешь работать?

— Ах, как вы не понимаете? Я хочу жить полной жизнью. Я хочу увидеть новые места, получать новые впечатления, ведь здесь все одно и то же...

— Отставить! — рявкнул оловянный голос. — Болтовня! Одно и то же — это хорошо. Постоянный прицел. Ясно? Повторите!

— Ах, да ну вас с вашими командами...

Разговаривали, несомненно, машины; Перец не видел их и никак не мог их себе представить, но ему чудилось, будто он притаился под прилавком игрушечного магазина и слушает, как беседуют игрушки, знакомые с детства, только огромные и поэтому страшные. Этот истерический тонкий голосок принадлежал, конечно, пятиметровой кукле Жанне. На ней было пе-

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЕТНАМА

УЛИТКА НА СКЛОНЕ
 Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
 Борис СТРУГАЦКИЙ

с аппетитнейшими аденоидами и аппендиксами, с обыкновенным, но таким увлекательным кариесом, наконец! Давайте говорить откровенно. Они мешают, они не дают работать. Я не знаю, в чем тут дело, может быть, они издают какой-нибудь особый запах или излучают неизвестное поле, но когда они находятся рядом со мной, у меня начинается шизофрения. Я раздваиваюсь. Одна половина меня страдает наслаждения, тянется схватить и сделать необходимое, сладостное, желанное, а другая впадает в прострацию и забывает все вечными вопросами: а стоит ли, а зачем, морально ли это... Вот вы, я про вас говорю, вы что, работаете?

— Я? — сказал Винни Пух. — Конечно... А как же?.. Странно даже от вас слышать, не ожидал. Я кончаю проектирование вертолета и потом... Ведь я рассказывал, что создал превосходный тягач, это было такое наслаждение... По-морю, у вас нет оснований сомневаться, работаю ли я.

— Да не сомневаюсь я, не сомневаюсь, — проскрипел старик. (Гнусный такой тряпичный старикашка, не то голблин, не то астролог — в черной плюшевой мантии с золотыми блестками.) — Вы мне только скажите, где этот тягач?

— Н-ну... Не понимаю даже... Откуда я знаю? И какое мне дело? Сейчас меня интересует вертолет...

— Об этом и речь! — сказал Астролог. — Вам ни до чего нет дела. Вы всем довольны. Вам никто не мешает. Вам даже помогают! Вот вы разродились тягачом, захлебываясь от удовольствия, и люди сейчас же убрали его от вас, чтобы вы не отвлекались на мелочи, а наслаждались бы по большому счету. А вот вы спросите его, помогают ему люди или нет...

— Мне? — взревел Танк. — Дерьмо! Отставить! Когда кое-кто выходит на полигон и решает немного размяться, продолить удовольствие, поиграть, взять цель в азимутальную или, скажем, вертикальную вилку, они поднимают шум и гам, они поднимают крик, от которого становится противно и любой впадает в расстройство. Но разве я сказал, что этот любой я? Нет! Этого вы от меня не дожидаетесь. Ясно? Повторите!

— И я, и я тоже! — затрещала кукла Жанна. — Сколько раз я уже думала, зачем они существуют? Ведь все в мире имеет смысл, правда? А они, по моему, не имеют. Наверное, их нет, это просто галлюцинации. Когда пытаешься проанализировать их, взять пробу из нижней части, из верхней части, из середины, то обязательно наткнешься на стену, или пробегаешь мимо, или вдруг засыпаешь...

— Они, несомненно, существуют, глупая вы истеричка! — проскрипел Астролог. — У них есть и верхняя часть, и нижняя, и средняя, и все эти части заполнены болезнями. Я не знаю ничего более восхитительного, никакого другого существа, не несет в себе столько объектов наслаждения, как люди. Что вы понимаете в смысле их существования?

— Да бросьте вы усложнять! — сказал звонкий веселый голос. — Они просто красивы. Истинное удовольствие смотреть на них. Не всегда, конечно, но вот представьте себе сад. Пусть это будет сколь угодно прекрасный сад, но без людей он не будет совершенен, не будет закончен. Хотя один вид людей должен обязательно оживлять его. Пусть это будут маленькие люди с голыми конечностями, которые никогда не ходят, а только бегают и бросают камни... как средние люди, рвущие цветы... все равно. Пусть даже лохматые люди, которые бегают на четырех конечностях. Сад без них не сад...

— Кое-кого тоска берет слушать эту бессмыслицу, — заявил Танк. — Вздор! Сады ухудшают видимость, а что касается людей, то кое-кому они мешали непрерывно, и что-нибудь хорошее о них сказать просто нельзя. Во всяком случае, стоит кому-нибудь дать ха-ароший залп по сооружению, в котором почему-либо находятся люди, как пропадает всякое желание работать, тянет поспать, и любой, кто это сделал, засыпает. Естественно, я говорю это не о себе, но если бы кто-нибудь и сказал это обо мне, разве стали бы вы возражать?

— Что-то вы в последнее время много говорите о людях, — сказал Винни Пух. — С чего бы ни начался разговор, вы обязательно сворачиваете на людей.

— А почему собственно и нет? — сейчас же взвесьлся Астролог. — Вам-то что до этого? Вы оппортунист! А если нам хочется говорить, то мы и будем говорить. Не спрашивая у вас разрешения.

— Пожалуйста, пожалуйста, — грустно сказал Винни Пух. — Просто раньше мы говорили главным образом о живых существах, о наслаждении, о замыслах, а теперь я отмечаю, что люди начинают занимать все большее место в наших разговорах, а значит, и в мыслях.

Наступило молчание. Перец, стараясь двигаться

бесшумно, переменял позу — лег на бок и поджал колени к животу. Винни Пух не прав. Пусть они говорят о людях, пусть они как можно больше говорят о людях. Они, по-видимому, очень плохо знают людей, и поэтому очень интересно, что же они скажут. Устами младенцев глаголет истина. Когда люди сами говорят о себе, они либо бахвалятся, либо каются. Надоело...

— Вы все достаточно глупы в своих суждениях, — сказал Астролог. — Вот, например, садовник. Я надеюсь, вы понимаете, что я достаточно объективен, чтобы сопереживать удовольствиям моих товарищей. Вы любите сажать сады и разбивать парки. Прекрасно. Сопереживаю. Но скажите на милость, при чем здесь люди? При чем здесь люди, которые поднимают ножку возле деревьев, или те, которые делают это иным способом? Я ощущаю здесь нездоровое эстетство. Это как если бы, оперируя гланды, я для полноты удовольствия требовал, чтобы оперируемый был при этом замотан в цветную тряпку...

— Просто вы суховаты по натуре, — заметил Садовник. Но Астролог не слушал его.

— Или вот вы, — продолжал он, — вы постоянно размахиваете своими бомбами и ракетами, вы рассчитываете упреждения и балуетесь с целеуловителями. Не все ли вам равно, есть ли в сооружении люди или нет? Казалось бы, наоборот, вы могли бы подумать о своих товарищах, обо мне, например. Сшивать раны! — произнес он мечтательно. — Вы представить себе не можете, что это такое — сшивать хорошую рваную рану на животе...

— Опять о людях, опять о людях, — сокрушенно сказал Винни Пух. — Седьмой вечер мы говорим только о людях. Мне странно говорить об этом, но, по-видимому, между вами и людьми возникла некая, пока неопределенная, но достаточно прочная связь. Природа этой связи для меня совершенно неясна... если не считать вас, доктор, для кого люди являются необходимым источником удовольствия... Вообще все это мне кажется нелепым, и, по моему, настала пора...

— Отставить! — прорычал Танк. — Пора еще не настала.

— Ч-то? — спросил Винни Пух рассеянно. — Пора еще не настала, говорю я, — повторил Танк. — Некоторые, конечно, неспособны знать, настала пора или нет, некоторые — я не называю их — не знают даже о том, что такая пора должна настать, но кое-кто знает совершенно точно, что неизбежно наступит время, когда по людям, находящимся внутри сооружения, стрелять будет не только можно, но даже и нужно! А кто не стреляет — тот враг! Преступник! Уничтожить! Ясно? Повторите!

— Я догадываюсь о чем-то подобном, — неожиданно мягким голосом произнес Астролог. — Рваные раны... Газовая гангрена... Радиоактивный ожог третьей степени...

— Все они призраки, — вздохнула кукла Жанна. — Какая тоска! Какая печаль!

— Раз уж вы никак не можете кончить говорить о людях, — сказал Винни Пух, — то давайте попытаемся выяснить природу этой связи. Попробуем рассуждать логически...

— Одно из двух, — сказал новый голос, размеренный и скучный. — Если упомянутая связь существует, то доминантными являются либо они, либо мы.

— Глупо, — сказал Астролог. — При чем здесь «либо»? Конечно, мы.

— А что такое «доминантный»? — спросила кукла Жанна несчастным голосом.

— Доминантный в данном контексте означает преобладающий, — пояснил скучный голос. — Что же касается самой постановки вопроса, то она является не глупой, а единственно верной, если мы собираемся рассуждать логически.

Наступила пауза. Все, видимо, ждали продолжения. Наконец Винни Пух не выдержал и спросил: «Ну?»

— Я не уяснил себе, собираетесь ли вы рассуждать логически? — сказал скучный голос.

— Да, да, собираемся, — загомонили машины.

— В таком случае — принимаю существование связи как аксиому — либо они для вас, либо вы для них. Если они для вас и они мешают вам действовать в соответствии с законами вашей природы, они должны быть устранены, как устраняется любая помеха. Если вы для них, но вас не удовлетворяет такое положение вещей, они также должны быть устранены, как устраняется всякий источник неудовлетворительного положения вещей. Это все, что я могу сказать по существу вашей беседы.

Никто больше не произнес ни слова, в контейнере послышалась возня, скрип, щелканье, словно огромные игрушки устроивались спать, утомившись разговором, и еще чувствовалась повисшая в воздухе всеобщая неловкость, как в компании людей, которые долго

строе платье из тюля, и у нее было толстое розовое неподвижное лицо с закаченными глазами, толстые, нелепо растопыренные руки и ноги со склеенными пальцами. А басом говорил медведь, исполнинский Винни Пух, едва умещающийся в контейнере, незлобивый, лохматый, набитый опилками, коричневым, со стеклянными глазами-пуговками. И остальные были игрушками, но Перец еще не мог понять, какими.

— Я полагаю, что следует все-таки тебе поработать, — проворчал Винни Пух. — Ты, милочка, имей в виду, что здесь есть существа, которым повезло гораздо меньше, чем тебе. Например, наш садовник. Ему очень хочется работать. Но он сидит здесь и думает днем и ночью, потому что не окончательно еще разработал план действий. И никто не слышал от него никаких жалоб. Однообразная работа — это тоже работа. Однообразное удовольствие — это тоже удовольствие. Это еще не причина для разговоров о смерти и тому подобном.

— Ах, вас не поймешь, — сказала кукла Жанна. — То у вас сны всему причиной, то я не знаю что. А у меня предчувствия. Я места себе не нахожу. Я знаю, что будет страшный взрыв и я вся разлечусь на мельчайшие брызги и превращусь в пар. Я знаю, я видела...

— Отставить! — грянул оловянный голос. — Не терплю! Что вы знаете о взрывах? Вы можете бежать к горизонту с любой скоростью и под любым углом. И тот, кому надо, достанет вас с любого расстояния, и это будет настоящий взрыв а не какой-нибудь интеллигентский пар. Но разве тот, кому это надо, — я? Никто этого не скажет, а если бы и хотел сказать, то не успел бы. Я знаю, что я говорю. Ясно? Повторите.

Во всем этом было много тупой самоуверенности. Это был наверняка огромный заводной танк. С такой же точно тупой самоуверенностью он перебирал резиновыми гусеницами, карабкаясь через подставленный ботинок.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — сказала кукла Жанна. — Но если я и прибежала сюда, к вам, к единственному близким мне существам, то это, по моему, еще не означает, что я намерена ради чьего бы то ни было удовольствия бежать к горизонту под какими-то углами. И вообще прошу обратить внимание, что я не с вами разговариваю... А если речь идет о работе, то я не больная, я существую нормально, и мне удовольствие нужны, как и всем вам. Но это не настоящая работа, какое-то фальшивое удовольствие. Я все жду моего, настоящего, а его нет, нет и нет. И я не знаю, в чем дело, а когда начинаю думать, то додумываюсь до одних глупостей... — Она всхлипнула.

— Н-ну... — пробасил Винни Пух. — В общем-то да...

— Все правильно! — заметил новый голос, очень звонкий и веселый. — Девочка права. Настоящей работы нет.

— Настоящая работа, настоящая работа! — ядовито проскрипел старик. — Вокруг целые рудники настоящей работы. Эльдорадо! Копи царя Соломона! Вон они ходят вокруг меня со своими большими внутренностями, со своими саркомами, с восхитительными свищами,

— Ну хотя бы... Ну хотя бы приказ,— с необычайной язвительностью сказал Перец,— сотрудникам группы Искоренения самоискорениться в кратчайшие сроки. Пожалуйста! Пусть все побросаются с обрыва... или постреляются. Сегодня же! Ответственный — Домарощинер... Эй-богу, от этого было бы больше пользы...

— Одну минуту,— сказала Алеветина.— Значит, закончить самоубийством при помощи огнестрельного оружия сегодня до двадцати четырех ноль-ноль. Ответственный — Домарощинер...— Она закрыла блокнот и задумалась. Перец смотрел на нее с изумлением.— А что! — сказала она.— Правильно! Это даже прогрессивнее... Маленький, ты пойми: не нравится тебе директива — не надо. Но дай другую. Вот ты дал, и у меня больше нет к тебе никаких претензий...

Она соскочила на пол и засуетилась, расставляя перед Перцем тарелки.

— Вот тут блинчики, вот тут варенье... Кофе в термосе, горячий, не обожгись... Ты кушай, а я быстренько набросаю проект и через полчаса принесу тебе.

— Подожди,— сказал ошеломленный Перец.— Подожди...

— Ты у меня умный, — сказала Алеветина нежно.— Ты у меня молодец. Только с Домарощинером будь поласковее.

— Подожди,— сказал Перец.— Ты что, смеешься?

Алеветина побежала к дверям. Перец устремился за нею с криком: «Не сходи с ума!», но схватить не успел. Алеветина скрылась, и на ее месте, как призрак, возник из пустоты Домарощинер. Уже прилизанный, уже почищенный, уже нормального цвета и по-прежнему готовый на все.

— Это гениально,— тихо сказал он, тесня Переца к столу,— это блестяще. Это наверняка войдет в историю...

Перец попятился от него, как от гигантской сколопендры, наткнулся на стол и повалил Тангейзера на Венеру.

ЭПИЛОГ

КАНДИД

Он проснулся, открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку опять шли муравьи. Справа налево — нагруженные, слева направо — порожняком. Месяц назад было наоборот, месяц назад была Нава. А больше ничего не изменилось. Послезавтра мы уходим, подумал он.

За столом сидел старец и смотрел на него, ковыряя в ухе. Старец окончательно отощал, глаза у него ввалились, зубов во рту совсем не осталось. Наверное, он скоро умрет, старец этот.

— Что же это ты, Молчун,— плаксиво сказал старец,— совсем у тебя ничего есть. Как у тебя Наву отняли, так у тебя и еды в доме больше не бывает. Ни утром не бывает, ни в обед, говорил я тебе: не ходи, нельзя. Зачем ушел? Колченога наслушался и ушел, а разве Колченог понимает, что можно, а что нельзя? И Колченог этого не понимает, и отец Колченога такой же был непонятливый, и дед его такой же, и весь их Колченогов род такой был, вот они все и померли, и Колченог обязательно помрет, куда не денется... А может быть, у тебя, Молчун, есть какая-нибудь еда, может быть, ты ее спрятал, а? Ведь многие прячут... Так если спрятал, ты доставай скорее, я есть хочу, мне без еды нельзя, я всю жизнь ем, привык уже... А то Навы теперь у тебя нет, Хвоста тоже деревом убило... Вот у кого еды всегда было много — у Хвоста! Я у него горшка по три сразу съедал, хотя она всегда у него была недоброжелательная, скверная, потому его, наверное, деревом и убило... Говорил я ему: нельзя такую еду есть.

Кандид встал и поискал по дому в потайных местечках, устроенных Навой. Еды действительно не было. Тогда он вышел на улицу, повернул налево и направился к площади, к дому Кулака. Старец плелся следом, хныкал и жаловался. На поле нестройно и скучно покрикивали: «Эй, сей, веселей, вправо сей, влево сей...» В лесу откликалось эхо. Каждое утро Кандиду теперь казалось, что лес придвинулся ближе. На самом деле этого не было, а если и было, то вряд ли человеческий глаз мог бы это заметить. И мертвяков в лесу, наверное, не стало больше, чем прежде, а казалось, что больше. Наверное, потому, что теперь Кандид точно знал, кто они такие, и потому, что он их ненавидел. Когда из леса появлялся мертвяк, сразу раздавались крики: «Молчун! Молчун!» И он шел туда и уничтожал мертвяка скальпелем, быстро, надежно, с жестоким наслаждением. Вся деревня сбегалась смотреть на это зрелище и неизменно ахала в один голос, и закрывалась руками, когда вдоль окутанного паром туловища распахивался страшный белый шрам. Ребятишки больше не дразнили Молчуна, они теперь боялись его до смерти, разбегались и прятались при его появлении. О скальпеле в домах шептались по вечерам, а из шкур мертвяков по указанию хитроумного старосты стали делать корыта. Хорошие получались корыта, большие и прочные...

Булгаков

Окончание.
Начало на 13-й стр.

(1939): написана ли она по прямому заказу и под давлением театра, как считает С. А. Ермолинский, или автор сам вынашивал этот замысел, а МХАТ лишь подхватил его (эту точку зрения развивает В. Я. Виленкин).

Записи Е. С. Булгаковой неоспоримо доказывают, что замысел пьесы о молодом Сталине возник у Булгакова в начале февраля 1936 года, когда выпускался спектакль «Мольер». События последующих недель с разгромной статьей в «Правде», снятием с афиши «Мольера» и прекращением репетиций «Ивана Васильевича» в Театре сатиры вновь увели Булгакова от сцены и направили его мысли в другую сторону.

Но в декабре 1939 года должно было торжественно отмечать 60-летие Сталина, и к этой дате театр намеревался дать свою премьеру. Пьеса была написана к лету 1939 года и горячо встречена как руководством театра, так и ближайшим окружением Булгакова. Перечитывая ее теперь, отчетливо видишь, что, несмотря на ряд мастерски написанных сцен, даже талант Булгакова оказался бессилем перед ложной апологетической задачей. Пьеса вписывалась в круг сочинений, добросовестно создававших «культ личности» вождя. Но современниками это могло восприниматься иначе. В дневнике Е. С. Булгаковой сохранилась запись о непосредственном впечатлении С. А. Ермолинского, позднее — в мемуарах — иначе осветившего этот сюжет. Ермолинский восхищался пьесой: «Образ героя сделан так, что, если он уходит со сцены, ждешь не дожидаясь, чтобы он скорее появился опять. Вообще говорил много и восхищался как профессионал, понимающий все трудности задачи и виртуозность исполнения».

Подготовка спектакля была внезапно прервана: стал известен неблагоприятный отзыв Сталина, чувствительно относившегося ко всем нюансам в трактовке своей биографии: «Все дети и все молодые люди одинаковы. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине» — в такой форме его слова были переданы руководству МХАТа. То, что сочли за проявление скромности, могло быть нежеланием привлекать внимание к своей молодости, проведенной в стенах духовной семинарии. Но так или иначе для Булгакова это был последний удар перед его роковой болезнью, тем более чувствительный, что сам он не мог не сознавать, что замысел его пьесы был, выражаясь словами героя Островского, если не «по расчету», то «с расчетом».

Пьесу не допустили к постановке, а Булгаков пережил это как двойную беду — и неудачи, и стыда. В дни последней болезни он с горечью сказал одному из друзей о своей пьесе: «Это самопредательство».

И, однако, 6 января 1940 года уже безнадежно больной Булгаков делал заметки («Альгамбра. Мушкетеры. Гренада») к пьесе о Ричарде I, где история, как в «Иване Васильевиче», должна была, по-видимому, причудливо сочетаться с современностью. В пьесе рассказывалось о судьбе писателя, которому покровительствовал некий Ричард Ричардович. Крах Ричарда I приводил к краху и писателя. Как убеждаемся, Булгаков оставался все в том же круге мыслей о необычных поворотах своей драматической судьбы.

В феврале 1940 года артисты МХАТа В. И. Качалов, Н. П. Хмелев и А. К. Тарасова обратились с письмом к секретарю Сталина А. Н. Поскребышеву с просьбой сообщить о тяжелой болезни писателя и с намеком, что внимание

Сталина, его телефонный звонок могли бы подбодрить Булгакова. Легко увидеть за всем этим отчаянный порыв Елены Сергеевны, помнившей о значении для Булгакова знаменитого звонка 1930 года. Но, как сообщает в своих записках Ермолинский, звонок из секретариата Сталина последовал лишь на другое утро после смерти писателя.

Легенда об особом, исключительном внимании Сталина к гонимому писателю была своего рода самогипнозом и одновременно средством самозащиты. Словом, во всей этой истории нет, пожалуй, ничего особенно чудесного, если сбросить со счетов субъективное восприятие ее автором. До сих пор мне приходилось снимать налет мистицизма с событий, объяснимых исторически и психологически. Мистическое содержание темы Сталин — Булгаков открылось неожиданно с другой стороны.

В недавние годы смотрел я во МХАТе посредственную постановку нынешних «Турбиных». И вдруг вздрогнул: на лестнице в гимназии Алексей Турбин, обращаясь к юнкерам, сказал слова, напоминавшие чью-то другую, известную известную, знакомую с дней войны интонацию: «Слушайте меня, друзья мои...»

Господи, да как же я сразу не узнал? Это же знаменитое сталинское: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» Кто из современников минувшей войны, начиная от тогдашних школьников, не помнит этой речи 3 июля 1941 года, когда, собравшись наконец с силами после острого приступа малодушия и растерянности, яростной обиды на судьбу и обманувшего его Гитлера, Сталин приехал из своего загородного убежища, чтобы произнести эти слова, воззвать к стране, заметная часть территории которой уже была захвачена врагом.

Помню, как слушали мы, дети 41-го года, под черной бумажной тарелкой репродуктора это, не похожее на торжественные сталинские доклады и недавние речи о бандах троцкистско-зиновьевских двурушников, выступление, где прозвучало что-то трагически понятное, человеческое. Вождь-отец обращался к сердцу каждого из нас, к детям и старикам, военным и штатским, партийным и беспартийным, верующим и неверующим, к стране, попавшей в беду. Помню тягостные паузы в репродукторе и как что-то звякало, то ли зубы о стакан, когда он отпивал воду, то ли чайная ложка. Оратор волновался перед микрофоном, как, может быть, ни разу в жизни, и оттого говорил с еще более сильным акцентом.

Никто не знал тогда, что его не было в Москве почти неделю, и командиры армий и флотов, работники Генштаба и члены правительства не могли или не смели связаться с ним. Такие его внезапные исчезновения в трудные, роковые минуты жизни, бывали и прежде, и о них помнили старые его соратники. «На Кобу опять нашло», — говорили в таких случаях его друзья по партии еще в начале 20-х годов. Так было и на этот раз, но в обстоятельствах особых. Текст речи, который он привез с собой теперь в Кремль, он обдумал за последние ночи на даче в Волынском. Он знал, что говорить надо кратко, а начать как-то особенно, необычно, сразу завовав все души, и он сказал: «Товарищи! Граждане!.. Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

«Братья и сестры» возникло в его сознании, потрясенном несчастьями последних дней, невольно, как отдаленное воспоминание детства и юности. Это были те трогающие равенством и умиротворением слова священника, его обращение к братьям и сестрам во Христе, которые он привык слышать в семинарской церкви в Кутаиси.

А следом невольно повернулись под язык знакомые интонации булгаковской

пьесы: «К вам обращаюсь я, друзья мои...» Дело не только в заразительности ораторских ритмов. Хотя надо было, как он, ездить на этот спектакль не менее 15 раз (цифра зафиксированная в театральном протоколе, но не исчерпывающая — ведь иногда он приезжал в середине или к концу спектакля, и это могло быть не отмечено), чтобы в ушах навсегда остались, будто впечатались, интонации исполнителей, и, конечно, властная и доверительная речь Алексея Турбина — Хмелева перед взбалмошным строем юнкеров.

Запись Елены Сергеевны в дневнике 3 июля 1939 года: «Рассказ Хмелева. Сталин раз сказал ему: «Хорошо играет Алексей. Ваши усики мне снятся, забыть не могу». Спектакль этот вообще, можно утверждать бесспорно, больше чем просто нравился Сталину. Он захватывал его. Чем? Можно гадать. Я думаю, как это ни странно прозвучит, каким-то бессонным и неразменным чувством чести, преданности знамени, имени государя, которые несли в себе все эти растоптаные и давно выметенные за порог истории белые офицеры. Он завидовал им, он восхищался ими. Такую бы гвардию ему вокруг себя!»

Даже странная притягательность офицерской формы, погоны, которые он, к общему изумлению, вводит в Красной Армии на рубеже 1942 и 1943 года, само возрождение офицерского корпуса вместо института красных командиров, не разогрето ли это впечатлениями в нем от булгаковского спектакля? Кто знает, о чем думал он, скрываясь за серозеленой занавеской мхатовской ложи, один или с маленькой Светланой на коленях?

Так, в сложных переплетениях и отражениях истории, которую не следует трактовать упрощенно и прямолинейно, предстает этот драматический узел биографии Булгакова.

Булгаков смолodu смотрел на движущую историю как на часть биографии, а на свою судьбу как на некую часть истории. Несмотря на всю его житейскую скромность, у него было сознание своей работы как призвания, долга надежного своей правдой летописца.

Многие знакомцы Булгакова среди современников не представляли себе не только масштаба этого художника, но и объема его невидимой работы.

Правдивую и мужественную попытку изобразить Булгакова в последние его годы, не поправляя поздним рассудком свое восприятие, а как есть, как видела его в ту пору литературная среда, предпринял Евг. Габрилович. Деля с Булгаковым один балкон в писательской надстройке дома на улице Фурманова, он воспринимал его преимущественно по-бытовому, как соседа по лестничной клетке: слышал отзвуки чужой жизни за тонкой стенкой, здоровался при встрече и обменивался репликами о погоде, брал займы рюмки и вилки, когда приходили гости. «Вещичкой» назвал Булгаков в разговоре с Габриловичем свой роман «Мастер и Маргарита», видя в собеседнике обычного человека той среды, какую он не жаловал, искренности которой не доверял и которую изобразил в главе «Дело было в Грибоедове» из той самой «вещички». Да и вообще в соприкосновениях своих с людьми Булгаков больше показывался с внешней стороны, как бы тая про себя то главное, ради чего он жил и чем был занят: свою большую прозу.

Драматург, так триумфально начавший, но постепенно получивший в глазах коллег репутацию неудачника, по своему чертил рисунок своей судьбы в те два десятилетия, что были ему даны для творчества. Рядом с наглядным всем трудной жизнью сценического писателя, обремененного заботами литературного заработка, шла другая, сокровенная жизнь. Он знал, что, работая над «Записками покойника» и, конечно, над своей главной книгой «Мастер и Маргарита», он делает то, к чему воистину призван. Особенность его судьбы заключалась как раз в несовпадении значительности им созданного

с отсутствием отзвука среди читателей, вынужденной немотой.

Вот почему лишь страницы романов самого Булгакова дают возможность представить, как текла не прилюдная, внешняя, а творческая, одинокая жизнь художника. Когда дело касается работы за столом, возникают иные ритмы времени, — стремительно, незаметно летят дни, недели, месяцы.

«Зимой я очень редко видел в оконце чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними. И в пещке у меня вечно пылают огни! Но внезапно наступила весна, и сквозь мутные стекла увидел я сперва голые, а затем одевающиеся в зеленые кусты сирени» («Мастер и Маргарита»). Или: «Я не помню, чем кончился май. Стерся в памяти июнь, но помню июль. Началась необыкновенная жара. Я сидел голый, завернувшись в простыню, и сочинял пьесу... Потом жара упала, стеклянный кувшин, из которого я пил кипяченую воду, опустел, на дне плавала муха. Пошел дождь, настал август» («Театральный роман»). Вот она, скоротечная, незаметная смена сезонов, вот они, ритмы всепоглощающей и не видной миру авторской работы. Самозабвенный, вдохновенный писательский труд как бы не оставляет по себе внешних следов, а рядом неким нейтральным потоком течет всем видимая житейская, бытовая жизнь, наглядная и вспоминающим писателя.

Не всякий даже из близких Булгакову людей мог осознать тогда действительное значение его не знавших печатного тиснения рукописей. Сестра Елены Сергеевны Булгаковой — Ольга Сергеевна Бокшанская переписывала роман «Мастер и Маргарита» на машинке, а мнение машинистки как первого читателя небезразлично для любого автора. Но этот первый читатель великого романа не выразил и тени восторга. «Моя уважаемая переписчица, — писал Булгаков жене 15 июня 1938 года, — очень помогла мне в том, чтобы мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц она улыбнулась один раз на стр. 245 («Славное море...»). Почему это именно ее насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с ее стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: «Этот роман — твое частное дело» (?!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата!..»

Какие силы души нужны были в таких обстоятельствах, чтобы не бросить перо? Тем большее значение имели для Булгакова слова поддержки от немногих друзей, слушавших его роман в домашнем чтении, и прежде всего безусловная, не знающая сомнений и нескудеющая вера в его талант, в великое будущее его книг у самого близкого ему человека — Елены Сергеевны.

Одна из коренных мыслей романа «Мастер и Маргарита» — мысль о справедливости, которая неизбежно торжествует в жизни духа, хотя иной раз и с опозданием, и уже за чертой физической смерти творца.

«Чтобы знали... Чтобы знали», — прошептал уже на смертном одре Булгаков наклонившейся над ним Елене Сергеевне, думая о судьбе своих ненапечатанных книг.

За годы, прошедшие с того дня, как небольшая толпа литераторов и артистов провожала урну с прахом Булгакова на Новодевичье кладбище, он стал стремительно приближаться к нам. Былое его одиночество обернулось огромным вниманием к нему множества людей в нашей стране и во всем мире.

В раскаленном состоянии ярко светят и уголь, и металл. Но уголь, перегорев, рассыпается в серый пепел, металл же отвердевает, принимая упругую и прочную форму. Так на глазах нашего поколения затвердела и укоренилась в Большом Времени слава Михаила Булгакова. Он дорог людям как писатель и интересен как человек, воплотивший в своей судьбе, противившейся его дару, достоинство и мужество художника.

БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Юрий ЯХОНТОВ,

горный инженер, Москва

ШАХТА

Шахта, шахта — это так непросто,
Внутри земли стремительный полет.
Клеть — подобье временного моста
К древним зрам, в давность унесет.
Пласт угля — земное напряжение,
Эта мощь сдавила древесю.
И влекут мое воображение
Древней тайной древние леса.
Я иду в давно ушедшем веке,
Воздух влагой капает со стен.
Каской задеваю кровлю — в штреке
Далеко не метрополитен.
Но высоких потолков не надо,
Здесь у нас иная высота.
Сокрушая времени преграду,
Вырываем уголь из пласта.
Мы привычной заняты работой,
Но откровенья в удивленьи рот,
Как кусок угля далекой почтой
Отпечаток жизни принесет.

Сергей ЖИЛЕНСКИЙ,

токарь, Мелитополь

БАБУШКА

Я убеждал ее:
— Земля кругла!
Я рисовал ей шар и так, и так.
Она твердила: — Нет, на трех китах
Стоит и будет. И вовек была.
Я говорил ей, что земля — арбуз
Большой-большой...
Морщинки разбегались,
И бабушка лукаво усмехалась:
— Она ж горька и солонка на вкус.
Я толковал про космос и прогресс,
Я пояснял суть смены дня и ночи.
Она вздыхала: — Интересно... Очень...
Но три кита, как были, так и есть!
— Ну как, скажите, бабушка, киты
Удержат шар? Хоть тысяча китов!
Что за киты? — Да успокойся ты,
А первый кит, скажу тебе, — любовь.
— Ну, а второй? Еще земля на ком
Стоит? Я слушаю, бабушка, готов.
— А со вторым ты тоже незнаком.
Второй зовется коротко — любовь.
А третий кит... — Я знаю ваш ответ!
И третий кит, конечно же, — любовь!
— Ты ничего не можешь знать,
мой свет,
Но третий кит воистину — любовь.

Сергей ВЕСЕЛОВ,

электромонтер, Воронеж

Туман окутал рыжий лес,
и луг задумчивый, и поле.
Туман собою все наполнил
от озера и до небес.
И вот не угадать полян,
хотя и пахнет свежей хвоей...
Но будет мир прекрасней вдвое,
когда рассеется туман.

Елена ЕРМАК,

учительница, Псков

ЭТЮД

Ахматовская мокрая сирень
В тени колонн Казанского собора
Неистово цветет...
Как жаль, что скоро
Сойдет на нет лиловая кипень!
В кустах сирени — яблонька одна.
Дикарка. Самозванка из огрызка.
К решетке темной подбежала близко,
Касается витого чугуна.
Узором воронихинской решетки,
Где линии изысканны и четки,
Залюбовалась, чуткая, она.
Сама же — воплощенная весна,
Вся в белом, облита пчелиным гудом,
Цветам чугунным показалась чудом.

Светлана ФЕТИСОВА,

медицинский работник, Москва

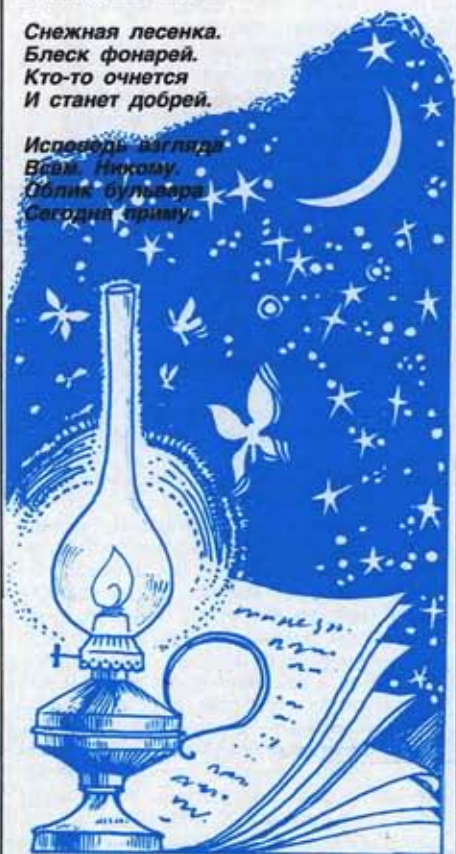
АРБАТ. ГОГОЛЕВСКИЙ БУЛЬВАР

Памятник Гоголю.
Рядышком львы.
Вздохом потрогаю
Жесткие лбы.

Что они помнят?
О чем-то молчат.
Хищные лапы
В раздумье лежат.

Снежная лесенка.
Блеск фонарей.
Кто-то очнется
И станет добрей.

Исповедь взгляда
Вам, Николю.
Облик бульвара
Сегодня приму.

Дмитрий ЛЕОНОВ,

учащийся, Белгород-Днестровский

КОСТЕР В ЛЕСУ

А завтра утром выпадет роса...
Подбросим дров — огонь согреет
душу.

И до заката целых полчаса
Мы в полусне треск сучьев будем
слушать.

О, одиночество! Неведомая даль,
Плывут туманы
в тягостном забвеньи,
За горизонтом тихая печаль
По облакам скользит
бесшумной тенью.

Затихли у потухшего костра
Сосна и ель, устав от непогоды.
И завтра будем так же, как вчера,
Встречать лучи прозрачного восхода.

Пусть одиночество навеивает грусть.
Костер погас и оседает пеплом.
Сгустилась тьма, ну что же,
ну и пусть,
Лишь только б искры в сердце
не поблекли.

Бажен ПЕТУХОВ,

учащийся, Ростов-на-Дону

ВСТРЕЧА

Прутик резал воздух звонко,
Туман был слеп и глуховат.
«ТЫ НЕХОРОШАЯ ДЕВЧОНКА,
И В ЭТОМ Я НЕ ВИНОВАТ...»

И в сотнях луж она вертелась,
Покрыта инеем огней,
А мне — мне все-таки хотелось
Быть виноватым перед ней.

И, удивляясь этой встрече,
Пушистым искристым котом
У ног ее ложился вечер,
Играя палевым хвостом.

Ирина САВОСИНА,

школьница, Обнинск

НОЧНОЙ НАТЮРМОРТ

Луны кусочек водянистый в кружке,
А небо — как мерцающее дно...
И две звезды, любимые подружки,
Заглядывают по ночам
в окно.

Игорь КРУЧИК,

электромонтер, Киев

УТРО НА ДЕСНЕ

Дно подки — в масляной росе.
Коровий брод изъела оспа.
Парнишка на речной косе
Шлифует стекла телескопа.

Из млечных сумерек села
Уходят в путь молоковозы.
Река — шершавее стекла,
А в глубине ерши и звезды.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Фоторепортаж с XIX
партийной
конференции.

«А если невиновен...»
Судебный очерк.

«Забывший поэт».
Рассказ
Владимира Набокова.

Еще раз
о пожаре в Осаке.

Андрей
Молчанов.
«Кто ответит?»
Остросюжетная
повесть.

Теннисист
Андрей Чесноков:
«Я — профессионал!»

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал
в любом почтовом
отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

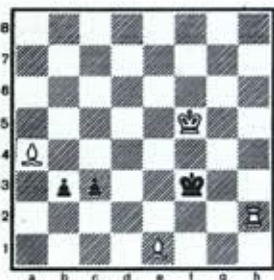
30-я шахматная олимпиада
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора Чепижного

Завершается наша шахматная олимпиада. В последнем туре ее участникам предстоит ответить на три задания. Решения этих заданий просим присылать на отдельных открытках. Там же следует указать фамилию, имя и отчество, профессию, разряд по шахматам и домашний адрес.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТУР

Белые : Kp7, Kg2, Kh4, п. c3 (4)
Черные: Kph2, пп. c2, c5 (3)
Ничья (3 балла)

Белые: Kp5, Lh2, Ca4, Ce1 (4)
Черные: Kp3, пп. b3, c3 (3)
Мат в 5 ходов (4 балла)

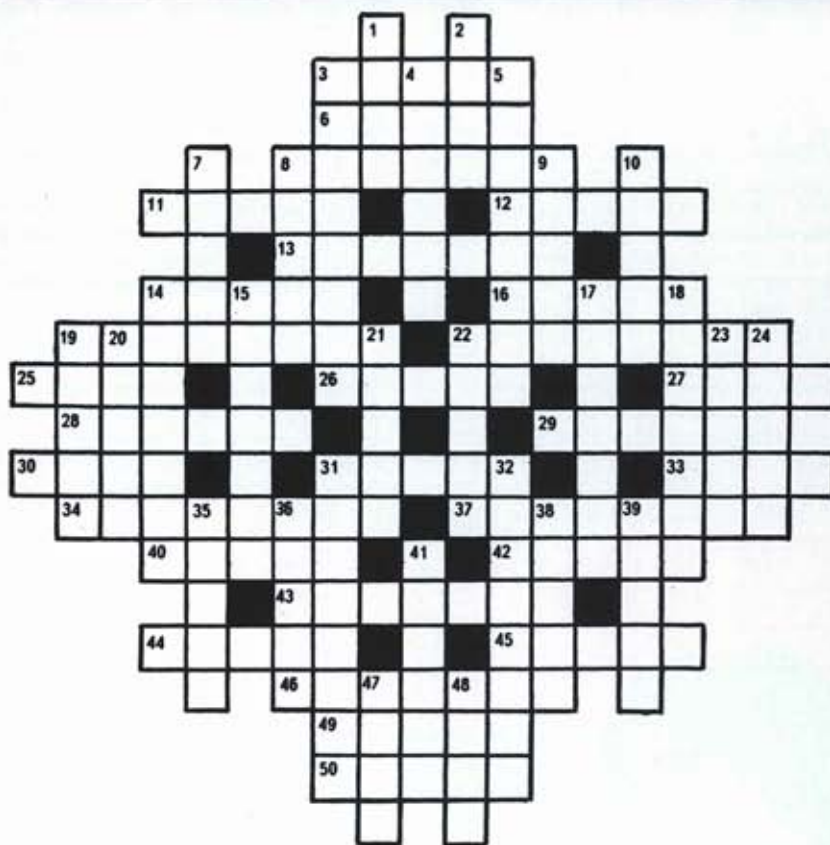

Белые: Kpd7, Le7, п.h2 (3)
Черные: Kph8, Lg5, Kc7, п.f5 (4)
Ничья (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 14-й тур». Последний срок отправки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 октября. Ответы, посланные позднее этого срока, рассматриваться не будут.

КРОССВОРД

Составил И. Нохрин. Хабаровск

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Немецкий астроном, обнаруживший планету Нептун по вычислениям У. Лавуэра. 6. Круглое здание для исполнения музыки, впервые построенное Периклом. 8. «О героическом энтузиазме» Д. Бруно (тип сочинения). 11. Идеальный вождь французских энциклопедистов. 12. Самый «дорогой» предмет для искателя кладов. 13. Ученый, чья задача — «установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» (Б. Пастернак, «Доктор Живаго»). 14. Музыкальный инструмент, который во времена И.-С. Баха называли «охотничьим» гобоем. 16. Командир казачьей сотни. 19. Русский адмирал, победивший в Чесменском бою. 22. Передовой отряд. 25. Каждый из объектов в цикле «пахнущих сном» картин Клода Моне. 26. Итальянский художник и архитектор эпохи барокко. 27. Север. 28. Лаг — лак (каждое слово по отношению к другому).

29. Металл, восемь тонн которого Амур ежегодно выбрасывает в Татарский пролив. 30. Орех, стручок, ягода (общее название). 31. Сумка первоклассника. 33. Диктор Центрального телевидения. 34. Компонент моторного топлива. 37. Домовой, от которого в старину ради охраны кур над насестом вешали на лыже горло разбитого кувшина. 40. Еще тот и не родился, кто бы бабый... узнал (русская поговорка в собрании В. Даля). 42. Диалог Платона, где впервые упомянута загадочная Атлантида. 43. Английский драматург, учениками которого в известном смысле были О. Уайльд и Б. Шоу. 44. «Нет у нас довода более веского, чем ..., ломающийся от хлебных груд» (В. Маяковский, «Праздник урожая»). 45. Еда по строгому выбору. 46. Солёное озеро в Кокчетавской области. 49. Откорм скота на пастбище. 50. Важнейший материал при строительстве небоскреба.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Чешский художник, нарисовавший 540 иллюстраций к роману Я. Гашека о Швейке. 2. Важнейшее военное детище Петра Первого. 3. Судьба человека, которую астролог мог прочитать по звездам в день его рождения. 4. Распространенное прежде название чтеца. 5. Город в Донецкой области. 7. Излюбленный музыкальный строй древних греков. 8. Электронная лампа. 9. Материковая родственница английских терьеров. 10. «Песенное» волжское судно. 14. Провансальский танец, название которого происходит, по мнению Руссо, от имени его создателя. 15. Город на Украине, в освобождении которого от белополяков летом 1920 года участвовал Павел Корчагин. 17. Бюрократ — новатор, дорого — дешево... свет — тьма (слово в каждой паре по отношению к другому). 18. Актер, сыгравший роль Алексея Вронского в фильме «Анна Карени-

на». 19. Башня, колонна. 20. Представитель прибрежного населения Архангельской области, где белого медведя до сих пор называют ушкуем. 21. Серсо — обруч, бадминтон — ... 22. Представитель народа, среди вождей которого был Монтесума. 23. Вихрь векторного поля в математике. 24. Материал, которого тем больше, чем дальше в лес. 31. Изысканный поклон. 32. В Европе — ..., в России — кремль. 35. «Божественная комедия» Данте (жанр). 36. Обычный в Китае рабочий скот. 38. Представитель греческой школы философии, ставшей источником стоицизма. 39. Стихотворение Г. Державина, сильно поправленное его другом Н. Львовым. Автор принял ряд поправок. 41. Южное название желтой акции. 47. Доспехи, предшествовавшие кирасе. 48. Французский художник-столяр, создавший свой стиль мебели.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

1. Хоцэ. 6. Офис. 9. Импрессионист. 12. Явка. 14. Тоня. 16. ...хол... 17. Радиомаяк. 18. Рен. 21. Жерех. 25. Орган. 26. Керосин. 28. ...бархат... 29. Донжон. 30. Муравей. 31. Лакшин. 32. Лорнет. 33. Никитин. 34. Устье. 35. Яцков. 40. Акт. 42. Хостовул. 43. Пта. 45. Раич. 47. Илым. 48. Гидроакустика. 49. Морж. 50. Стон.

По вертикали:

1. Хряк. 2. Цикл. 3. Юма. 4. Эскиз. 5. Бирма. 6. Ост. 7. Фтор. 8. Саян. 10. Рвач. 11. Няня. 13. Волейболистка. 15. Немагнитность. 19. Веррокко. 20. Труженица. 22. Петуния. 23. Ботаник. 24. «Фиделио». 26. Камин. 27. Нойон. 36. Бобр. 37. Штраф. 38. Евнух. 39. Дуэт. 40. Арум. 41. Тигр. 43. Плат. 44. Амон. 46. Чиж. 47. Икс.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1469) АВГУСТ

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН**
(заместитель главного редактора)
- Борис ДАЮШЕВСКИЙ**
(заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ**
- Андрей КУЧЕРОВ**
- Альберт ЛИХАНОВ**
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ**
- Сергей ПОПОВ**
(ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН**
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**
- Евгений РЯБЧИКОВ**
- Вадим САУШЕВ**
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ**
- Владислав СЕРИКОВ**
- Виталий ФЕДОРОВ**
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-19-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.
Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 20.06.88.
Подписано к печати 04.07.88.
А 11757. Формат 70 × 108.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 025 000 экз.
Заказ № 2658.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Евгений ФЕДОРОВ

Сколько сейчас на эстраде и вне ее авторов-исполнителей? Имя им — легион. А сколько из них пользуется успехом у слушателей? Единицы...

Очень и очень немногие умеют заключать свои чувства и мысли в неистертые оболочки музыкальных фраз и слов, так, чтобы они резонировали в душе слушателя. Для этого одного профессионализма недостаточно — нужен талант. Талант поэта.

Один из наиболее интересных представителей этого направления — Юрий Лоза. Кассеты с его записями звучат повсюду — вплоть до Центрального телевидения. Но что примечательно: его творчество одними отвергается полностью, другими — возводится на пьедестал популярности.

Песни Юрия доступны и конкретны. В них не нужно разгадывать замысловатых шарад из метафор и символов. Герой песен Лозы — парень из толпы. Самый обыкновенный, тот, с кем на «ты». Он прост, хотя многие считают, что чрезмерно. Он смеется, любит, ненавидит, иронизирует. Он... живет.

Надо сказать, этот образ не случаен. Лоза пронес его через всю свою восемнадцатилетнюю музыкальную карьеру, которая началась в Алма-Ате, где юный любитель рок-н-ролла решал вопрос, кем быть: футболистом или музыкантом. Решил, что будет музыкантом, и поступил в музыкальное училище на курс духовых и ударных инструментов... Но вскоре бросил, убедившись, что «это не учеба, а профанация». Работал в группах «Интеграл» и «Зодчие». Но... Эстрадный артист филармонии все равно, что моряк дальнего плавания, — месяцами на гастролях. А дома — жена, ребенок. Да и време-

ни не остается на то, чтобы поработать в студии звукозаписи, заняться серьезно сочинительством.

Тем не менее Юрий записал несколько магнитофонных альбомов, из которых наибольшим успехом пользуются «Тоска» и «Любовь». Песни из этих циклов легли в основу первого диска-гиганта Лозы, который выпускает фирма «Мелодия». Сейчас музыкант работает над следующим циклом — «Дорога».

Последние полгода он выступает один. Благо, предложений — сотни. Сейчас даже концертные организации, «приученные долгими годами застоя считать чужие деньги, начали считать свои...» Но Лоза принципиально не желает «кормить огромный аппарат чиновников от эстрады». Он говорит: работать лучше, когда знаешь, что деньги от концерта пойдут на реальные дела — строительство дорог, клубов, кинотеатров, в детские дома...

Меньше всего он стремится к дешевой популярности и больше всего не любит фанатов, которые во время концертов кричат: «Юрик, давай!» Это его не радует, а огорчает... Огорчает музыканта еще и тот прискорбный факт, что нет возможности приобрести хорошую аппаратуру, нет возможности работать с зарубежными артистами. И еще то, что мать до сих пор с беспокойством спрашивает: «Юра, ну когда же ты настоящим делом займешься?..»

Конечно, он мог бы стать кем-нибудь другим, но... «Но уж так я устроен, так придуман и скроен...» — поет о себе Юрий. Желание работать на эстраде и вера в успех своего творчества с годами у него только усиливаются. А это значит, что дорога, по которой идет Юрий Лоза, выбрана верно. Дорога, ведущая к сердцам слушателей...

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

ЛОЗА

ROCK

